

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

На правах рукописи

Белых Екатерина Сергеевна

**Социальная природа жеста
как компонента мультимодальной коммуникации**

5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов
(по философским наукам)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Зайцев Дмитрий Владимирович

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Жест и его основные характеристики	23
1.1. Понятие жеста. Основные направления исследований жеста	23
1.2. Основные свойства жестовой коммуникации приматов: мультимодальная парадигма.....	47
1.3. Истоки жестовой коммуникации приматов	67
Глава 2. Когнитивные механизмы и овладение жестами	85
2.1. Жест как ключевой компонент познавательных процессов человека: концептуализирующая функция жестовой коммуникации	85
2.2. Невербальное представление событий и феномен SOV-структуры.....	105
2.3. Роль жестов в освоении абстрактных понятий	114
Глава 3. Социальное познание, жестовая коммуникация и происхождение языка	125
3.1. Орудийная деятельность и становление каузального мышления человека	125
3.2. Другой и Обобщенный другой как факторы возникновения человеческого самосознания.....	144
3.3. Мультикаузальная теория происхождения языка: многофакторная трактовка природы коммуникативных систем.....	157
Заключение.....	172
Список литературы	181
Приложение.....	215

Введение

Актуальность исследования. Философское осмысление коммуникативной природы человека с необходимостью предполагает выявление и анализ ключевых проявлений коммуникации последнего. Человеческая активность, разворачивающаяся в пространстве социума, с необходимостью опосредована языковыми и, прежде всего, речевыми практиками. При этом очевидно, однако, что естественно протекающая коммуникация является мультимодальной и, осуществляясь по нескольким каналам (слуховом, зрительном, кинетическом), предполагает, наряду с вокальной, жестовую, oro-лицевую и глазную сигнализации: сегодня все больше появляется работ (преимущественно, психолингвистического толка), где исследовательское внимание сосредоточено на мультимодальной природе коммуникативных систем¹. В связи с этим актуальным представляется исследование каждого из отмеченных типов сигнализации: только комплексное изучение коммуникативных аспектов межчеловеческого взаимодействия позволит с максимальной полнотой определить сущностные характеристики Homo Communicans.

Отдельного исследовательского внимания в данном контексте заслуживает **жест** как один из ключевых модусов коммуникации, который следует рассматривать как важнейший ключ к процессу познания человеком объектов и событий.

На сегодняшний день жест является предметом исследования для различных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Так, жестовые

¹ См., например: Гришина Е. Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. М.: Буки-Веди, 2014; Кибрик А.А., Молчанова Н.Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования», Москва, 15 ноября 2013 г. М.: Буки Веди, 2014, С. 99–114; Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations / Fröhlich M. [et al.] // Biological reviews of the Cambridge Philosophical Society. 2019. Vol. 94, Issue 5. P. 1809-1829; Gestural and symbolic development among apes and humans: support for a multimodal theory of language evolution / Gillespie-Lynch K. [et al.] // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. P. 1–10; Levinson S. C., Holler J. The origin of human multi-modal communication // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2014. Vol. 369, Issue 1651. P. 1–9; Perlman M. Debunking two myths against vocal origins of language: language is iconic and multimodal to the core // Interaction Studies. 2017. Vol. 18, Issue 3. P. 376–401.

проявления мультимодальной коммуникации сегодня исследуются в рамках лингвистики, психолингвистики, этологии, приматологии, психологии невербальной коммуникации, культурологии, дефектологии, сурдопедагогики, искусствоведения, драматургии, философии языка и коммуникации и т.д. При этом жест может по-разному оцениваться учеными в зависимости от предметной области исследования и поставленных задач: в качестве ключевого компонента невербальной коммуникации; тесно интегрированного с процессами речепроизводства когнитивно-коммуникативного компонента; основной единицы жестового языка как самостоятельной семиотической системы, позволяющей концептуализировать действительность; видимого иллюстратора культурных, социальных, психических и иных характеристик и состояний коммуниканта; компенсаторного средства коммуникации для людей с нарушениями речевых функций; ключевого этапа в становлении языка и т.д.

Таким образом, исследование жеста сегодня является многоаспектным: изучение жестовых компонентов коммуникации позволяет приблизиться к постижению уникальности человеческой коммуникации, разворачивающейся в пространстве социального, во всей её целостности и многомерности.

Особую актуальность исследования жеста представляют в связи с особым статусом последнего в качестве ключевого предшественника *языка*. Сегодня гипотеза «сначала жест» (*the “gesture-first” hypothesis of language origins*), зачатки которой появляются еще в XVIII веке в трудах Э. Кондильяка, Д. Дидро и Дж. Вико, является одной из широко обсуждаемых в научной литературе². У данной гипотезы имеются как сторонники, так и противники, однако несомненно то, что жестовая гипотеза происхождения языка сегодня

²См., например: Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Паблишер, 2019. 609 с.; Corballis M. C. The word according to Adam: The role of gesture in language evolution. In M. Seyfeddinipur, M. Gullberg (Eds.), *From gesture in conversation to visible action as utterance: Essays in honor of Adam Kendon*. Amsterdam, The Netherlands: Benjamins, 2014. P. 177–197; Kendon A. Reflections on the “gesture-first” hypothesis of language origins // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2017. Vol. 24. P. 163–170; *The origins of gestures and language ...* P. 531–554; Tomasello M. *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. 394 p.

находится в исследовательском мейнстриме, в частности, в контексте глоттогенетической проблематики.

Во многом исследования значимости жеста для развития языка реализуются в области когнитивной биологии, этологии и приматологии: оцениваются жестовые коммуникативные системы обезьян (человекообразных, в частности), определяются *ключевые характеристики* их жестовой коммуникации и сравниваются с особенностями языкового воспроизводства; исследуются *механизмы возникновения* жестов у приматов и диагностируется значимость характеристик вида, индивидуальных особенностей развития и социоэкологических условий в становлении их коммуникативных систем.

Широкую область изучения жеста представляют собой исследования, оценивающие роль и функции последнего в процессах *речепроизводства*. При этом исследовательские позиции преимущественно размещаются между двух полюсов, где жест трактуется, в одном случае, как сугубо вторичное по отношению к речи когнитивно-коммуникативное порождение, в другом – как самостоятельная система, фундированная действием определенных когнитивных механизмов и воспроизводящая определенный тип коммуникативных сигналов: разрабатываются концептуальные построения, в которых рассматриваются *самоориентированные когнитивные функции жеста* как ключевого инструмента концептуализации действительности. В частности, делается акцент на схематизирующей функции жеста, телесном субстрате последнего и его тесной связи с пространственно-моторным мышлением³.

В исследованиях, посвященных проблематике жеста, тем или иным образом отмечается *социальная природа* жестовой коммуникации, однако в

³См., например: Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? The gesture-for-conceptualization hypothesis // Psychological Review. 2017. Vol. 124, No. 3. P. 245–266; Kita S. How representational gestures help speaking. In D. McNeill (Ed.), Language and gesture. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 162–185; Kita S., Özyürek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal?: evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking // Journal of Memory and Language. 2003. Vol. 48, Issue 1. P. 16–32.

артикулированном виде данная характеристика жестовости не рассматривается исследователями, а, скорее, отмечается как имманентно присущая любым коммуникативным взаимодействиям. Поэтому актуальность заявленной темы исследования связана также с необходимостью четкого определения социальной основы жестовости как ключевого атрибута коммуникативных взаимодействий между людьми, жизнедеятельность которых разворачивается в общественных реалиях и предполагает определенный тип адаптации к среде.

Именно отмеченные области исследований жеста представляют особый интерес для настоящего диссертационного исследования, тогда как, к примеру анализ жестового языка или оценка феноменологической пестроты использования жестов представителями различных культур, половозрастных групп и т.д. не являются релевантными для целей текущей диссертации и выходят за рамки рассматриваемой в работе проблематики.

Таким образом, актуальность заявленной темы исследования обосновывается значимостью жеста как когнитивно-коммуникативного компонента мультимодальной человеческой коммуникации, который генерируется в определенных социальных условиях и который, будучи социально фундирован, функционирует не только как вспомогательное средство для уточнения речевого сообщения, но и как самостоятельный когнитивный инструмент, участвующий в процессах концептуализации.

Степень научной разработанности проблемы

В настоящей диссертационной работе исследовательское внимание сосредоточено на тех направлениях исследования жеста, где последний, с одной стороны, рассматривается в соотношении с процессами речепроизводства и оценивается с точки зрения функций в процессах мышления и говорения, с другой – является ключевой единицей при изучении мультимодальных коммуникативных систем приматов и трактуется как коммуникативный элемент, адаптированный под определенную социоэкологическую нишу и могущий служить предтечей языковых

компетенций человека. Однако очевидно, что жестовая проблематика изучается не только в отмеченных выше контекстах, а является предметом исследований для различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания: в текущей работе данному аспекту уделяется специальное внимание (см. параграф *«Понятие жеста. Основные направления исследований жеста»*).

Изучение жеста имеет длительную историю: отдельные, не являющиеся частью системного теоретического построения идеи в отношении природы и функционала жеста как части риторической фигуры и/или как самостоятельного явления (пантомимы) можно встретить в трудах древнегреческих философов (Аристотель) и римских риторов (Цицерон, Квантилиан). Как средство выражения чувств, переживаний и состояний изображаемых людей жест интересовал художников и ученых эпохи Возрождения (Л.Б. Альберте, Леонардо да Винчи, А. Дюрер). В начале XVII века появляются первые исследования, посвященные исключительно проблематике жеста (Дж. Бульвер), а в XVIII веке (Д. Дидро, Э. Кондильяка, Дж. Вико), жест стал рассматриваться как важнейшее звено в глоттогенетическом процессе – возникает гипотеза происхождения языка, в соответствии с которой последний мог развиваться именно из жестов. В XIX – начале XX века интерес к жестовости с точки зрения её значимости в развитии языковых компетенций человека не спадает, к примеру, Э. Тейлор, Г. Мэллери, Дж. Дж. Роменс, В. Вундт, Дж. Г. Мид уделяли значительное внимание данной проблематике. Взаимосвязь жеста и иных телодвижений человека с чувствами и эмоциями последнего была обоснована в трудах Ч. Дарвина (*«Выражение эмоций у человека и животных»*), позднее – в работах Л.С. Выготского (*«Мышление и речь»*, *«Психология искусства»*), Ж. Пиаже (*«Психология индивидуальных различий»*).

В качестве относительно самостоятельной предметной области невербальная коммуникация (и жест как ключевой её компонент) стала рассматриваться в работах Э. Кречмера, М. Мосса, Ф. Александера, а также в

трудах представителей советской школы физиологии движений Н.А. Бернштейна, А.А. Ухтомского. Значимая роль жестов в процессе исторического формирования речевых компетенций и развития психики в той или иной мере отмечалась Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым.

С середины 50-х гг. XX века жест как компонент невербальной семиотики изучается кинесикой – наукой о невербальном поведении человека, о языке тела и телодвижениях, используемых в процессе человеческого взаимодействия. Начало структурному анализу телодвижений положила опубликованная в 1952 году книга Р. Бердуистела «Введение в кинесику», постулаты которой во многом были фундированы идеями таких американских лингвистов, как Л. Блумфилд, Э. Сепир, Дж. Л. Трейджер, Г. Смит⁴. Среди зарубежных и отечественных авторов, исследующих невербальные аспекты коммуникации, можно отметить В. С. Агеева, А.А. Акишину, Т.Е. Акишину, Г.М. Андрееву, Ю.Д. Апресяна, Р. Бердвистела, В. Биркенбила, М.Л. Бутовскую, И.Н. Горелова, Г.Л. Зайцеву, М.Л. Кнаппа, Г.Е. Крейдлина, В.Л. Лабунскую, А. Лоуэна, А. Пиза, Дж. Фаста, У. Фризена, П. Экмана, Р. Якобсона, М.Б. Ямпольского и др.

Сегодня в научной литературе при изучении жеста поднимаются следующие проблемы: *классификация жестов, кодирование жестовых выразительных средств* (Е.А. Гришина, А. Кендон, Г.Е. Крейдлин, Д. МакНил, У. Фризен, П. Экман, Д. Эфрон); *функциональные и содержательные аспекты жестового выражения и взаимосвязь жестов с процессами речи* (М. Алибали, С. Голдин-Мидоу, О.К. Ирисханова, Ж. Калбрис, А. Кендон, А.А. Кибрик, С. Кита, Р.М. Краусс, Г.Е. Крейдлин, Д. МакНил, К. Мюллер, А. Озюрек, Дж. П. де Рюйтер, Н.В. Сухова, О.В. Федорова); *самоориентированные когнитивные функции жестов* (М. Алибали, С. Голдин-Мидоу, С. Кита, М. Чу); *происхождение языка, определение роли жестов и жестикуляции в филогенезе речи* (М. Арбиб,

⁴Более подробно об этом: Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 114–135.

Дж. Колл, М. Корбаллис, М. Томаселло, Дж. Хьюз) и исследование жестовых коммуникативных систем обезьян (Р. Бирн, Р. Виттинг, К. Либаль, С. Пика, Ж. Приер, Р. Сифард, М. Томаселло, М. Фролих, К. Хобайтер, Д. Чини); национальные, возрастные и патологические особенности функционирования жестов (С. Голдин-Мидоу, С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, М. Дафф, С. Кита, Ш. Клаф, Г.Е. Крейдлин, М. Роуз, М. Новак, Д. Эфрон); использование невербальных выразительных средств в искусстве (А. Арто, М.М. Бахтин, А. Варбург, К.С. Станиславский, М. А. Чехов, Д. Моррис, С.М. Эйзенштейн); использование искусственно созданных жестовых систем и их соотношения с языком и речью (Д. Ф. Армстронг, А.А. Кибрик, Г.Л. Зайцева, О.В. Магировская, Е.С. Привалихина, В. Сандлер, У. Стоуки, Ш. Уилкоккс).

Философские идеи в отношении проблематики жеста встречаются в работах Н.Т. Абрамовой, Дж. Агамбена, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, Ю. Кристевой, И.Я. Мацевич-Духан, М. Мерло-Понти, Дж. Г. Мида, М. де Серто, П.А. Флоренского, В. Флюссера, Я.В. Чеснова, М. Ямпольского.

Все перечисленные авторы акцентировали внимание на проблематике жеста преимущественно в русле отмеченных выше исследовательских координат, однако до настоящего времени в рамках единого исследования не предпринимались попытки выявить социальную природу жеста, определить его когнитивно-коммуникативную роль в процессах мышления и говорения и установить значимость жестовых коммуникативных систем в становлении языковой компетенции человека.

Цель и задачи исследования

Основной **целью** настоящего диссертационного исследования является выявление когнитивно-коммуникативной роли жеста как компонента мультимодальной человеческой коммуникации и определение его социальной природы. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- определить основные свойства жестовой коммуникации приматов и рассмотреть основные механизмы, фундирующие возникновение жестов у человекообразных обезьян, с целью обнаружения фундаментальных черт этих систем, характерных и для человеческой коммуникации;

- в ходе анализа ключевых гипотез в отношении основной функции жестов для процесса говорения определить телесно ориентированную, схематизирующую природу жеста, его связь с пространственно-моторным мышлением;

- определить коммуникативные и самоориентированные когнитивные функции жеста, диагностировать роль жестов в невербальном представлении событий;

- выявить связь между орудийной деятельностью, жестовой коммуникацией и способностью человека понимать каузальные связи;

- выявить роль интернализированных установок группового сообщества и совместной интенциональности в развитии мыслительной деятельности человека и диагностировать социальную основу жестовости.

В настоящей работе предпринимается попытка интегрировать данные из различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания (психолингвистика, когнитивная биология, приматология, этология, философия, социология) в целях комплексного, обоснованного и непротиворечивого описания природы и функционала жеста как компонента мультимодальной коммуникации и инструмента концептуализации действительности. На основе системного анализа данных в отмеченных исследовательских областях в текущем диссертационном исследовании реализуется проверка ключевой **гипотезы исследования**: жест есть телесно воплощенный когнитивно-коммуникативный компонент, который:

- 1) предполагает функционирование пространственно-моторного мышления;
- 2) реализует концептуализирующие функции;

- 3) возникает в ходе социальных взаимодействий, в процессе орудийной деятельности с учетом функционирования совместной интенциональности;
- 4) объективирует когнитивно усвоенные в ходе орудийных практик причинно-следственные отношения;
- 5) является ключевым звеном в развитии языка как мультимодальной коммуникативной системы.

Объект исследования – жест как компонент мультимодальных коммуникативных систем человека и приматов.

Предмет исследования – функции жеста как инструмента коммуникации и познания в рамках социальных взаимодействий между людьми.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования обусловлена следующими обстоятельствами.

1. До настоящего времени в рамках единого исследования не предпринимались попытки выявить социальную природу жеста, определить его когнитивно-коммуникативную роль в процессах мышления и говорения и установить значимость жестовых коммуникативных систем в становлении языковой компетенции человека. Отмеченное впервые реализуется в рамках текущего диссертационного исследования с опорой на весомый пласт психолингвистических, глоттогенетических, когнитивных, социологических, философских научных разработок и исследовательских данных.

2. В работе рассматривается широкий спектр научных направлений исследования жеста, последовательно обосновывается многоаспектность изучения жестовых компонентов мультимодальных коммуникативных систем и артикулировано проблематизируется необходимость изучения самоориентированных, когнитивных функций жестов.

3. Настоящее диссертационное исследование вводит в русскоязычный научный дискурс объемный корпус зарубежной литературы в области психолингвистики, глоттогенетики, когнитивной биологии и когнитивистики

в целом, приматологии, этологии. Знакомство с современными исследовательскими наработками западных коллег-ученых позволит отечественным исследователям в отмеченных и смежных областях знания сформировать прочный теоретический и эмпирический фундамент своих будущих исследований, а также обратить исследовательское внимание на ранее не изученные аспекты мультимодальной коммуникации человека и приматов.

4. В работе, на основе анализа основных характеристик жестовых коммуникативных систем человекообразных обезьян, выявления ключевых механизмов, обуславливающих возникновение жестов у отмеченного надсемейства приматов, и применения основополагающих постулатов мультикаузальной теории происхождения, аргументированно обосновывается фундаментальная роль жестовой коммуникации в становлении языка.

5. В работе, при обращении к феномену совместной интенциональности и концепту Обобщённого другого, выявляется социальная основа жестовой коммуникации и определяется, что в социально-ситуативном контексте становится возможной концептуализация не доступных для непосредственного восприятия сущностей, которые артикулируются в сознании индивида при абстрактном мышлении – в процессе внутреннего разговора с Обобщенным другим.

6. В настоящем диссертационном исследовании разрабатывается авторское виденье роли жестов в освоении абстрактных понятий, определяется репрезентативно-схематизирующая, концептуализирующая функция жеста, реализуемая в социально-ситуативном контексте.

Тема диссертации, а также ее цели и задачи обусловили **теоретико-методологические основания** настоящего исследования.

Теоретической основой для осуществленного в ходе диссертационного исследования анализа явились работы преимущественно зарубежных ученых, занимающихся психолингвистической и глоттогенетической проблематикой: системообразующими для текущей диссертации явились исследования,

посвященные анализу жестовой коммуникации в развитии языка и изучению когнитивно-коммуникативных функций жеста в соотношении с процессами речепроизводства. Исследовательские подходы и эмпирические наработки таких авторов, как С. Барбу, Р. Бирн, К. Блуа-Хойлен, Э. Генти, К. Грэм, Дж. Колл, К. Либаль, С. Пика, Ж. Приер, Дж. Риццоллатти, М. Томаселло, М. Фролих, К. Хобайтер⁵, позволили проиллюстрировать мультимодальность коммуникативных систем человека и приматов, оценить важность жестовой модальности в ходе коммуникативных взаимодействий, выявить ключевые свойства жестовых коммуникативных систем человекообразных обезьян и определить основные механизмы, фундирующие возникновение жестов у отмеченного надсемейства приматов.

Особую значимость для настоящего диссертационного исследования в контексте определения ключевой роли жестовой коммуникации в развитии языковой компетенции человека послужила *мультикаузальная теория происхождения языка*, предложенная в 2020 г. Ж. Приером, С. Барбу, К. Блуа-Хойлен и А. Лемассоном⁶. Отмеченная интегративная теоретическая система, ключевые постулаты которой согласуются с современными эмпирическими данными в области исследований коммуникативных систем приматов, позволяет учесть ключевые факторы (видовые, индивидуальные, средовые (контекстуальные) и поведенческие), оказывающие влияние на развитие систем коммуникации, и предоставляет возможность интегрировать максимально возможное количество релевантных данных, проливающих свет на проблему глоттогенеза (см. параграф «Мультикаузальная теория

⁵См., например: Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*): repertoire, intentionality and possible origins / Genty E. [et al.] // *Animal Cognition*. 2009. Vol. 12. P. 527–546; A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species, individuals, and social units / Graham K. [et al.] // *Ethology Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 34, Issue 3. P. 235–259; Gestural development of chimpanzees in the wild: the impact of interactional experience / Fröhlich M. [et al.] // *Animal Behaviour*. 2017. Vol. 134. P. 271–282; Schneider C., Call J., Liebal K. Onset and early use of gestural communication in non-human great apes // *American Journal of Primatology*. 2012. Vol. 74, Issue 2. P. 102–113; Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2020. Vol. 50, Issue 1. P. 2–19.

⁶The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories / Prieur J. [et al.] // *Biological Reviews*. 2020. V. 95, I. 3. P. 531–554.

происхождения языка: многофакторная трактовка природы коммуникативных систем»).

Исследование природы жеста и его коммуникативных и самоориентированных когнитивных функций в соотношении с процессами речепроизводства было осуществлено посредством комплексного теоретического анализа работ М. Алибали, С. Голдин-Мидоу, А. Кендона, С. Кита, Р.М. Краусса, В. Левелта, Д. МакНила, К. Мюллер, А. Озюрек, Дж. П. де Рюйтера, Н. Фридмана, О. Хостеттер⁷. *Гипотеза жеста для концептуализации*, предложенная С. Кита, М. Алибали и М. Чу⁸, послужила основной для определения функционала жестов в мыслительной деятельности человека, тогда как исследование, проведенное С. Голдин-Мидоу совместно с коллегами, позволило оценить *роль жестов в невербальном представлении событий*⁹.

Для оценки значимости жеста в процессах освоения людьми абстрактных понятий были использованы данные эмпирических исследований, проведенных В.М. Ротом, М. Вельцель-Брейер, Л.В. Барсалу и К. Вимер-Гастингс¹⁰.

При обращении к феномену совместной интенциональности, исследуемому американским психологом-компаративистом М. Томаселло, и

⁷См., например: Alibali M. W., Kita S., Young, A. Gesture and the process of speech production: We think, therefore we gesture // *Language and Cognitive Processes*. 2000. Vol. 15, Issue 6. P. 593–613; de Ruiter J. P. The asymmetric redundancy of gesture and speech. In R. B. Church, M. W. Alibali, S. D. Kelly (Eds.), *Why Gesture? How the Hands Function in Speaking, Thinking, and Communicating*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 59–75; Freedman N. Hands, words, and mind: On the structuralization of body movements during discourse and the capacity for verbal representation. In N. Freedman, S. Grand (Eds.), *Communicative structures and psychic structures*. New York, NY: Plenum Press, 1977. P. 109–132; Goldin-Meadow S., Cook S. W., Mitchell, Z. A. Gesturing gives children new ideas about math // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20, Issue 3. P. 267–272; Hostetter A. B., Alibali, M. W. Gesture as simulated action: revisiting the framework // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2019. Vol. 26. P. 721–752; Kendon A. The study of gesture: Some observations on its history // *Recherches Sémiotiques / Semiotic Inquiry*. 1982. Vol. 2, No. 1. P. 45–62; Krauss R. M., Chen Y., Gottesman R. F. Lexical gestures and lexical access: a process model, In D. McNeill (ed.), *Language and Gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 261–283; McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1992. 416 p.; The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally / Goldin-Meadow S. [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. Vol. 105, Issue 27. P. 9163–9168.

⁸Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266.

⁹The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally. P. 9163-9168.

¹⁰Roth W. M., Welzel-Breuer M. From activity to gestures and scientific language // *Journal of Research in Science Teaching*. 2001. Vol. 38, Issue 1. P. 103–136; Barsalou L. W., Wiemer-Hastings K. Situating abstract concepts. In Pecher D., Zwaan R. (eds.) *Grounding cognition: The role of perception and action in memory, language, and thought*. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 129–163.

концепту Обобщенного другого, предложенному в работах американского философа-социолога первой половины XX века Дж. Г. Мида, был осуществлен анализ значимости социальных взаимодействий между членами коллектива в становлении коммуникативных систем и определена социальная основа жестовой коммуникации. Отмеченные теоретические конструкты также позволили оценить социальный контекст формирования у представителей организованного сообщества критически важной для развития языковых компетенций способности понимать каузальные связи. Фундаментальное значение орудийной деятельности в становлении данного когнитивного навыка было продемонстрировано при обращении к работам С.А. Бурлак, И.Т. Касавина, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, К. Маркса, К.Х. Момджяна, Д. Рида, Дж. Риццоллатти, Ф. Энгельса¹¹.

Перечисленные выше труды зарубежных и отечественных ученых и философов послужили выработке **методологической основы** настоящего диссертационного исследования, представленной комплексным системным подходом к изучению проблематики жеста. Фундированные принципами системного подхода, в настоящем диссертационном исследовании применяются следующие **методы: неформализованный (традиционный) анализ документов**, который позволил в результате изучения большого количество русскоязычных и иностранных научных источников описать и охарактеризовать основные подходы к исследованию жеста, определить его когнитивно-коммуникативные функции и выявить социальную природу жестовой коммуникации; *сравнительный метод*, благодаря которому были сопоставлены и определены релевантные для целей настоящего

¹¹Бурлак С.А. Происхождение языка ... 609 с.; Касавин И.Т. Дэвид Юм: парадоксы познания // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–171; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.; Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 383 с.; Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.; Социальная философия и философия истории: учеб. пособие. / под ред. К.Х. Момджяна. М.: ИНФРА-М, 2018. 478 с.; Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 486–499; Read D.W. Working Memory: A cognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution // Evolutionary Psychology. 2008. Vol. 6. Issue 4. P. 676–714.

диссертационного исследования гипотезы в отношении функции жеста в процессах мышления и речепроизводства; *синтетический метод*, позволивший интегрировать данные из различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания в отношении природы и функционала жеста и предложить комплексную трактовку последнего как социально фундированного когнитивно-коммуникативного компонента, играющего ключевую роль в развитии мультимодальных языковых способностей человека.

Исследование, предпринятое в настоящей диссертации, было реализовано под эгидой следующих философско-теоретических построений:

*Теория воплощенного познания (embodied cognition)*¹². Находящееся сегодня в исследовательском мейнстриме когнитивных наук теория, в соответствии с которой когнитивные процессы человека укоренены в действиях его тела в физической среде и фундированы процессами восприятия и действия, позволяет оценивать жест как коммуникативный компонент телесной, моторно-двигательной природы, который является проявлением воплощенного знания, отражает ментальные модели, созданные телом и способствует более эффективному протеканию мыслительных и речевых процессов. В соответствии с данной теорией, специфика телесных взаимодействий людей с окружающим миром оказывает ключевое влияние на особенности их мыслительных процессов.

Трактовка деятельности, предложенная К.Х. Момджяном. К.Х. Момджян, отечественный ученый в области социально-философского знания, рассматривает способность к деятельности в качестве присущей только человеку, определяя последнюю как разновидность активной поведенческой адаптации, *адаптивно-адаптирующий* процесс, предполагающий информационно направленное преобразования среды путем её масштабной предметной переработки, ведущей к созданию искусственной

¹² Более подробно об этом см. Стэнфордскую философскую энциклопедию: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/embodied-cognition/> (дата обращения: 02.05. 2022).

среды существования человека или артефактной "второй природы"¹³. Отраженные в приведенном определении характеристики деятельности являются критически важными для диагностирования интенсивности и разнообразия манипуляторных практик, осуществляемых людьми, и многоаспектности социальных взаимодействий, возникающих в сообществах людей ввиду орудийного отношения к среде. Отталкиваясь от деятельностного взгляда на природу человека и общества, становится возможным, с одной стороны, оценить сложность предметных действий, которые реализуются сугубо людьми и которые являются основой появления свойственных только людям жестов, с другой – проиллюстрировать уникальность социоэкологических условий жизнедеятельности человека, фундирующих становление его определенной коммуникативной системы.

Теория деятельности (С. Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев). Для настоящего диссертационного исследования особую значимость представляет постулат российских теоретиков деятельностного подхода в психологии, в соответствии с которым не представляется возможным провести четкую границу между сознанием индивида (то, что «внутри») и окружающим его миром физических явлений и процессов (то, что «вовне»). В соответствии с данным постулатом представляется возможным оценить жест как телесно фундированное, деятельностное проявление работы человеческого сознания – проявление, наблюдая за которым и изучая которое можно оценить механизмы, участвующие в концептуальной обработке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жест предполагает функционирование пространственно-моторного мышления; организует моторно-визуальную информацию для формирования мысли; является формой абстрагирования; способствует активному формированию и поддержанию пространственно-моторных представлений объектов в рабочей памяти.

¹³ Более подробно об этом см.: Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учебное пособие. М.: Высшая школа, Книжный дом "Университет", 1997. 448 с.; Социальная философия и философия истории: ... 478 с.

2. Орудийная деятельность послужила мощным толчком к развитию у людей каузального мышления, которое позволило последним формировать концепты в терминах причинно-следственных связей и послужило основой конструирования жестов в процессе ритуализации моторно-двигательных практик, реализующихся в ходе совместных орудийных практик.
3. Жест вводит в единое перцептивное поле субъект действия (S), объект воздействия (O) и сам акт (V), объективируя когнитивно усвоенные в ходе орудийных практик причинно-следственные отношения, иллюстрируя естественный порядок, SOV-структуру, которые люди накладывают на события и представляют невербально ввиду их уникального для вида перцептивного опыта, в котором становится возможной идентификация сущностей как причин или следствий тех или иных событий.
4. В ходе повторяющихся практик коллективного взаимодействия, где в совместном внимании реализуется концептуализация действительности с точки зрения различных перспектив и интернализуются установки организованного сообщества, на основе схематизированных в жесте действий и/или характеристик изображаемых объектов формируются представления о перцептивно не доступных сущностях на фоне феноменально очевидного мира.
5. Жестовые системы коммуникации человекообразных обезьян обладают рядом общих с языком человека свойств и формируются под воздействием социоэкологических, видовых и индивидуальных факторов, что обуславливает значимость жеста в становлении языка как мультимодальной коммуникативной системы.

Теоретическая значимость настоящего диссертационного исследования заключается в том, что предпринятый в рамках последнего комплексный анализ жеста как когнитивно-коммуникативного элемента позволяет всесторонне оценить значимость жестовой модальности в коммуникативных взаимодействиях между людьми. В научных обиход, ввиду достигнутых результатов исследования, вводятся системообразующие

характеристики жеста не только как важнейшего компонента мультимодальных коммуникативных систем, но и как инструмента концептуализации действительности: в настоящем диссертационном исследовании артикулировано подчеркивается значимость жеста как телесно воплощённой коммуникативной единицы, возбуждающей моторно-визуальный опыт и оказывающей беспрецедентное влияние на мышление человека.

Исследование роли жеста в становлении языка как мультимодальной системы коммуникации, с опорой на эмпирические данные в области исследований жестовых коммуникативных систем приматов, позволяет оценить эволюционное значение жестовости в развитии языковых компетенций человека и открывает новые пути для отечественных междисциплинарных сравнительных исследований мультимодальных коммуникативных систем.

Акцент на значимости интернализированных индивидом установок организованного сообщества и совместной интенциональности в развитии мыслительных способностей человека (в частности, абстрактного мышления) по-новому иллюстрирует роль социума в становлении уникальных возможностей человеческого познания и коммуникативных навыков.

В настоящем диссертационном исследовании аргументированно обосновывается фундаментальная роль орудийной деятельности в становлении каузального мышления человека и в генезисе жестовой коммуникации, что способствует дальнейшему продвижению научной мысли в области осмысления специфики орудийной адаптации к среде – адаптации, предполагающей интенсификацию манипуляторных практик, усложнение социальных взаимодействий и развитие когнитивно-коммуникативных способностей.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования выражается в том, что его результаты могут послужить материалом для разработки специализированных междисциплинарных

курсов, призванных сформировать у обучающихся представление об уникальности мультимодальных коммуникативных систем человека, предполагающих не только речевые, но и зрительные, слуховые, ольфакторные, а также кинетические каналы передачи и восприятия информации.

Полученные в ходе текущего исследования выводы позволяют приблизиться к адекватному пониманию социальной природы коммуникативных систем и мыслительных процессов Человека Разумного и могут послужить концептуальной основой современным исследовательским (в том числе экспериментальным) практикам, посвященным анализу роли социума в развитии уникальных возможностей человеческого познания.

С опорой на материал настоящей диссертационной работы могут быть реализованы новые исследования, в том числе эмпирические, роли орудийной деятельности в развитии жестовой коммуникации людей как особой коммуникативной системы, отличной, например, от жестовой сигнализации приматов; влияния каждодневного перцептивного опыта, предполагающего множество транзитивных актов, на концептуализацию событий и невербального представления последней; субъектов и объектов действия как визуально идентифицируемых «динамических» (энергейя) или «статических» (эргон) сущностей и т.д.

Результаты настоящего диссертационного исследования могут послужить подспорьем для более углубленного изучения когнитивно-коммуникативной роли жестов, их функции в организации информации (в том числе предназначенной для вербальной экспликации), оценке уникальности жестовых коммуникативных практик Человека Разумного, бытие которого разворачивается в пространстве социального, а также для организации эффективного взаимодействия человека, неотъемлемой частью коммуникации которого является жест, и искусственных систем (human-machine interface).

Комплексный анализ жестов, предпринятый в текущей работе, может предоставить ценный материал для выработки эффективных способов (жестовой) коммуникации между людьми, страдающими языковыми (речевыми) расстройствами, в частности, нейрогенными коммуникативными нарушениями.

Степень достоверности и апробация работы.

Результаты проведенной диссертационной работы были подкреплены ссылками на исследования авторитетных и компетентных учёных в области философии, психолингвистики, когнитивистики, приматологии, когнитивной этологии. Методология данного диссертационного исследования, представленная комплексным системным подходом к изучению проблематики жеста, позволила осуществить всесторонний и комплексный анализ своего предмета. Основные положения и выводы исследования были изложены в пяти научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа прошла обсуждение на заседании кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Ключевые результаты диссертационного исследования, а также перспективы их применения в различных предметных областях были представлены на следующих научных мероприятиях:

1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» (Москва, Россия, 12-23 апреля 2021 г., тезисы доклада: «Орудийная деятельность, язык и мышление: фундаментальная триада человеческого»);
2. Международная научная конференция «Человеческий потенциал социального и экономического прогресса: национальное и интернациональное измерения» (Москва, Россия, 29 октября 2021 г., доклад:

«Социальная природа мультимодальной коммуникации человека как основа современных информационных взаимодействий»);

3. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» (Москва, Россия, 11-22 апреля 2022 г., тезисы доклада: «Жест: между феноменальным и концептуальным»).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка литературы и приложения. Полный объем диссертации составляет 217 страниц текста. Библиография содержит 345 наименований.

Глава 1. Жест и его основные характеристики

1.1. Понятие жеста. Основные направления исследований жеста

Научный интерес к жесту в рамках современных исследовательских реалий весьма обширен. Сегодня проблематика жеста в той или иной мере затрагивается в различных областях знания, среди которых можно отметить лингвистику, культурологию, литературоведение, искусствоведение (музыковедение), педагогику, психологию невербальной коммуникации, философию, драматургию (кинодраматургию), психолингвистику, дефектологию, этологию, приматологию и т.д. Среди тем, которые поднимаются сегодня при исследовании феномена жеста, можно выделить следующие: генезис жестовой коммуникации, взаимосвязь между жестовой и речевой коммуникацией, жестовая коммуникация и познание, роль жеста в овладении первым и вторым языком, распознавание жестов (проблематика Human-machine interface), жесты в социальном взаимодействии приматов, роль жестовой коммуникации в глоттогенетическом процессе, жест как знак человеческой культуры, жестовые языки глухонемых и т.д. Разумеется, и трактовка жеста во многом зависит от той области, в которой ведется его изучение.

В свою очередь, жест, как представляется, в традиционном понимании (и наиболее часто встречающемся в литературе) можно определить как движение человеческого тела или его части, как правило, сопровождающее речь и обладающее определенным значением. Термин произошел от латинского *gerere* («делать», «нести») и/или *gestus*¹⁴, что переводится как «движение тела», «положение», «поза», «позиция», «движение».

Приведенное выше определение является, вероятно, самым распространенным, но далеко не единственным: в литературе встречаются различные трактовки понятия жест. Следует отметить, что как зарубежные, так и отечественные исследователи, занимающиеся жестовой проблематикой (В. Вундт, Дж. Г. Мид, Д. МакНил, А. Кендон, Ю. Кристева, С. Годвин-Мидоу,

¹⁴Широко известен фразеологизм *bellum gerere* – вести войну.

С. Кита, А. Озюрек, Ж. Приер, Л.С. Выготский, Г.Е. Крейдлин, А.А. Кибрик, Е.А. Гришина, О. К. Ирисханова, Г.А. Арина и др.), предлагают собственные дефиниции жеста, акцентируя внимание на его телесной кинестетической природе, социальных обстоятельствах возникновения, ко-речевых и/или ко-мыслительных функциях, интенциональной основе, пространственно-моторной организации, предметном бытии и т.д. К примеру, Г.Е. Крейдлин определяет жест как знаковое движение рук, ног или головы,¹⁵ А. Кендон – как видимые действия, которые идентифицируются наблюдателями как намеренно коммуникативные, при этом автор разделяет ко-речевые (англ. co-speech) и автономные жесты¹⁶, Ю. Кристева – как деятельность, не сводимую к знаковой коммуникации¹⁷, Дж. Агамбен – как обнаружение медиальности, видимое выражение средства как такового¹⁸, А. Бергсон – как универсальный способ бытия предметности¹⁹ и т.д.

Как уже было упомянуто, во многом определение жеста зависит от предметной области, в рамках которой ведется его изучение: глоттогенетические исследования, проблема жестового языка глухонемых, взаимосвязь между жестами и речью, жестовая коммуникация приматов, онтогенез не(вербальных) компонентов коммуникации, жестовая коммуникация и познание и т.д. В связи с отмеченным определением жеста, встречающиеся в научной литературе, зачастую делают акцент на какой-либо одной ключевой характеристике жеста, будь то очевидная коммуникативная намеренность (жест есть видимые действия, воспринимаемые как намеренно коммуникативные)²⁰, репрезентативный характер (жест как обладающий определенной степенью изоморфизма с той сущностью, которую представляет)²¹ или сугубо дополнительные по отношению к речи функции

¹⁵ Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 10.

¹⁶ Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. In: Nespoulous, J.L., Perron, P., Lecours, A.R. (eds.) *The Biological Foundations of Gestures: Motor and Semiotic Aspects*, Erlbaum Hillsdale, New Jersey, 1986. P. 28, P. 31.

¹⁷ Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? С. 122.

¹⁸ Агамбен Дж. Заметки о жесте [Электронный ресурс]. URL: <http://seance.ru/blog/chtenie/agamben/> (дата обращения 18.11.2021)

¹⁹ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. С. 273.

²⁰ Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. P. 23–47.

²¹ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 162–185.

(жест как вспомогательный, уточняющий коммуникативный компонент)²². Однако в текущем диссертационном исследовании особую важность представляет использование более комплексного определения, позволяющего учитывать все ключевые свойства жеста, не ограничиваться лишь его коммуникативными функциями (которые в большинстве своем рассматриваются в качестве аддитивных по отношению к речи) и акцентировать внимание на когнитивных, самоориентированных функциях жеста. Поэтому в текущей диссертации будет использовано авторское определение, в соответствии с которым жест – это движение человеческого тела или его части, которое:

- а) направлено на реципиента (воспринимающего сигнал) и/ или на самого себя (коммуникатора);
- б) не воздействует на реципиента и/или коммуникатора механически;
- в) предполагает добровольную реакцию со стороны реципиента;
- г) зачастую является репрезентативным (изображает действие, движение, форму и/или указывает на траекторию или местоположение).

Представляется, что данная дефиниция отражает телесную основу жестовой коммуникации и может применяться к ко-речевым (сопровождающим речь), к ко-мыслительным (сопровождающим познавательные процессы) и к автономным (стандартизированным по форме и функционирующим как самостоятельные сообщения) жестам. Она выражает интенциональную природу жестовой коммуникации и указывает на изобразительный характер жестов. В основе данного определения лежат трактовки жеста авторами мультикаузальной теории происхождения языка, Ж. Приера, С. Барбу, К. Блуа-Хойлен и А. Лемассона²³, и определение репрезентативного жеста, предложенное психологами С. Кита, М. Алибали и М. Чу²⁴.

²² Якобсон Р. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия / Сост.; Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Издание «Мир», 1973. С 82–87.

²³ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 531–554.

²⁴ Kita S., Alibali M. W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266.

Для более комплексного рассмотрения проблематики жеста представляется целесообразным выделить основные направления исследования последнего. Представляется, что наиболее удачный с точки зрения широты охвата и точности определения ключевых исследовательских векторов вариант систематизации данных направлений был предложен в статье Е.Н. Галактионовой²⁵, ввиду чего он и будет взят за основу в текущем диссертационном исследовании.

Так, Е.Н. Галактионовой выделяются следующие основные проблемы, которые ставятся во главу угла при исследовании феномена жеста.

Проблема определения роли жестов в процессе взаимодействия и коммуникации между людьми. Жест в рамках данной проблематики рассматривается преимущественно как компонент невербального поведения²⁶, как определенный знак (как правильно, экспрессивной, «зрелищной» природы), доступный, в первую очередь, для визуального модуса восприятия и отражающий индивидуальные особенности и/или процессуальные (эмоциональные, интеллектуально-волевые) состояния человека, принадлежность последнего к определенным социально-демографическим, этническим и иным группам. В данном контексте жест преимущественно анализируется как компонент языка тела (*Body Language*), произвольное или непроизвольное движение последнего, воспроизводящееся и воспринимающееся либо как намеренно коммуникативное (в случае, например, жестов-эмблем), либо в качестве неосознаваемого комплекса движений. При этом жестикуляция может трактоваться как элемент пара- и экстралингвистических средств общения.

²⁵ Галактионова Е. Н. Жест как фактор психического развития ребенка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. №. 10 (73). С. 23–29.

²⁶ К невербальному поведению обычно относят также мимику (движения мышц лица), пантомиму (движения всего тела), вокальную мимику (ритм, тембр, вибрация голоса). При этом отечественный психолог В.А. Лабунская выделяет следующие системы невербального поведения: акустическая (экстралингвистика и просодика), оптическая, тактильно-кинестезическая (кинесика, такесика), ольфакторная (система запахов) (Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. С. 27).

Исследования, которые можно отнести к данному направлению, сосредоточены на анализе жеста как невербального средства общения, которое в том или ином структурном воплощении присуще представителем всех народов, обладает определенным смысловым содержанием, формой выразительности и функциональным предназначением, воспроизводится в различных ситуативных контекстах и обладает экспрессивной выразительностью. Так, например, жест может рассматриваться как знак-жест, который «...имеет ценность «первобытности», интимной досоциальности, коммуникативной непосредственности, в отличие от знака-вербума, социализировавшего коммуникацию, вещи и людей, сделав их «товаром», введя их в сложный общественно-экономический оборот и приобщив к сложной системе идеологических и мифологических отношений»²⁷.

Необходимо заметить, что некоторые значимые идеи в области невербальной коммуникации и её ключевых элементов (в том числе жеста) появились еще в начале XX века, тогда как систематическое изучение невербального поведения реализуется с 1950-х гг. К первопроходцам, изучающим невербальную коммуникацию в качестве относительно самостоятельной предметной области, можно отнести Э. Кречмера, М. Мосса, Ф. Александера, а также представителей советской школы физиологии движений Н.А. Бернштейна, А.А. Ухтомского. Среди зарубежных и отечественных авторов, исследующих невербальные аспекты коммуникации, можно отметить В. С. Агеева, А.А. Акишину, Т.Е. Акишину, Г.М. Андрееву, Р. Бердвистела, В. Биркенбила, М.Л. Бутовскую, И.Н. Горелова, Г.Л. Зайцеву, М.Л. Кнаппа, Г.Е. Крейдлина, В.Л. Лабунскую, А. Лоуэна, А. Пиза, Дж. Фаста, У. Фризена, П. Экмана, Р. Якобсона, М.Б. Ямпольского и др.

Отдельно следует отметить Р. Бердвистела, одного из основателей *кинесики* (*kinesics*)²⁸ (им же и был введен данный термин) — науки о

²⁷ Тихомиров С. А. Знак-жест, гипербола и символический обмен: практика и коммуникация // Ценности и смыслы. 2014. №. 4 (32). С. 82.

²⁸ Как пишет Ю. Кристева, «...к 50-м годам XX в. в результате объединенных усилий американских антропологов, психоаналитиков и психологов была намечена новая сфера исследований: жестовое поведение как код особого рода. Возникла необходимость создания специальной дисциплины с целью истолкования и

невербальном поведении человека, о телодвижениях, используемых в процессе человеческого взаимодействия²⁹.

Разумеется, некоторые идеи в отношении невербального поведения и, в частности, жеста, были высказаны гораздо раньше. Однако они, скорее, носили фрагментарный, автономный, несистематичный характер и не были частью полноценного концептуального построения, посвященного природе жеста³⁰. К примеру, в «Поэтике» Аристотель, обозначая понятие «жест», использовал существительное *σχῆμα* (схема)³¹. «Даже жесты должны, сколько возможно, помогать выражению»³². В приведенной цитате очевидно приписывание жесту «второстепенной роли», как *помощнику* выражения, но не как его основному инструменту. В целом, подобная трактовка жестовости характерна для греческой философии, где именно звук рассматривается как основное средство мыслительной деятельности, а «...любая жестовость представляется как нечто механическое, дополнительное к говорению, как

объяснения этого дотоле неизученного кода, используемого в коммуникации особого рода. Новая наука о жестовости, стремясь стать структурной наукой, в поисках своих моделей обратилась к той разновидности американской лингвистики, что представлена в трудах Блумфилда, но прежде всего Сепира, Трейджера и Смита. Результатом этих поисков явилась опубликованная в 1952 г. книга Рея Бердуистела «Введение в кинесику»; она знаменовала собой начало структурного анализа телодвижений» (Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? С. 124). Наряду с отмеченными авторами, труды которых послужили фундаментом основания нового научного направления, Ю. Кристева отмечает также Ф. Боаса, Д. Эфрона, У. Ла Бара, М. Мид, З. Хэрриса, Б. Уорфа, Ч. Огуда. В целом, в работе «*Жест: практика или коммуникация?*», откуда был процитирован данный фрагмент, Ю. Кристева, как представляется, концептуально освещает проблему жеста в лингвофилософском дискурсе, что более не реализовалось ни в одной работе, известной автору текущего диссертационного исследования.

²⁹ Birdwhistell R. L. *Kinesics and Context: Essays on Body Motion and Communication*. Philadelphie, PA: University of Pennsylvania Press. 1970. 338 p.

³⁰ Однако уже в начале XVII века появляются первые исследования, посвященные исключительно проблематике жеста, в XVIII веке (преимущественно, в работах французских мыслителей, Д. Дидро, Э. Кондильяка), жест рассматривался как важнейшее звено для понимания происхождения языка – возникает гипотеза происхождения языка, в соответствии с которым последний мог развиваться именно из жестов (the “*gesture-first*” *hypothesis of language origins*). В XIX веке интерес к жестовости не спадает, к примеру, Э. Тейлор и В. Вундт уделяли значительное внимание анализу природы жеста (Kendon A. *An agenda for gesture studies* // *Semiotic Review of Books*. 1996. Vol. 7. P. 8). Работы, в которых обсуждается история изучения жестов – (см. например: Kendon A. *The study of gesture: Some observations on its history*. P. 45–62; Schmitt J.C. *Introduction and general bibliography* // *History and Anthropology*. 1984. Vol. 1, Issue 1. P. 1–28; Idem. *Il gesto nel Medioevo*. Rome: Laterza, 1990. 414 p.). Как отмечает Ю. Кристева, интерес (лингвофилософский, прим.) к жестовости был фундирован эпистемологическим переломом, имеющим место в XIX–XX вв., когда «антинормативная» мысль, путем обращения к работам Маркса, Ницше и Фрейда и особым поэтическим текстам, «попыталась выпутаться из сетей «логоцентрической» рациональности (с её «субъектом», дискурсом, коммуникацией)» (Кристева Ю. Указ. соч. С. 114).

³¹ О связи *gestus* с древнеримским *figura* и древнегреческим *σχῆμα* (жест-схема) – см. работу И.Я. Мацевич-Духан (Мацевич-Духан И.Я. Эстетика жеста в креативном обществе: *Je ne sais-quoi* // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 33–43).

³² Цит. по: Ibid. С. 44.

иллюстрация-удвоение устной речи, следовательно, она мыслится скорее как визуализация, а не действие, как «побочная репрезентация» (Ницше), а не процесс»³³. Представляется, что данное виденье функционала жеста преимущественно было характерно и для последующих исторических периодов, вплоть до середины XX века, когда, как уже отмечалось, проблема жестовости и определение роли жестов в коммуникации приобрели особый статус, и невербальное поведение стало оцениваться, например, Р. Бердвистелом, как воплощающее основной социальный смысл беседы. Тем не менее, исторически проблематика жеста, как представляется, редко рассматривается в отрыве от процессов речепроизводства: какой бы аспект природы жестовой коммуникации не оценивался, он в той или иной степени, прямо или косвенно будет соотноситься с процессами вербальной коммуникации. Даже сегодня наиболее изученными жёстами людей являются ко-речевые (сопровождающие речь) жесты³⁴. Широкое же признание того, что язык жестов сравним с вербальным, разговорным языком, и что человеческий язык в целом представляет собой интегрированную систему, состоящую из речи и жестов, было характерно для 80-х гг. прошлого столетия и связано преимущественно с работами Д. МакНила³⁵³⁶. Однако отмеченное, скорее, целесообразнее отнести к отдельному направлению исследований жеста в его взаимосвязи с процессами речи, что будет рассмотрено ниже.

³³ Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? С. 115.

³⁴ Multimodal communication and language origins... P. 13.

³⁵ См., например: McNeill D. Language viewed as action. In J. V. Wertsch (ed.), Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1985a. P. 258–270; Idem. So you think gestures are nonverbal? // Psychological Review. 1985b. Vol. 92, No. 3. P. 350–371.

³⁶ Полноценно ознакомиться с историей изучения жестов можно обратившись к работам Адама Кендона и Дэвида МакНила. В 70-80 гг. прошлого столетия эти учёные были пионерами в области комплексного осмысления жестовой проблематики в контексте соотношения жеста, слова и мысли, жестового и речевого аспекта коммуникации (см., например: Kendon A. Gesture // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 109–128; Idem. Gesture and speech: How they interact [A comprehensive review up to 1982]. In J. M. Wieman and R. P. Harrison (eds.), Nonverbal Interaction. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1983. P. 13–45. and references in it; McNeill D. Gesture. In P. C. Hogan (ed.), The Cambridge encyclopedia of the language sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2005b. P. 344–346). В одной из статей, опубликованной в 1996 году (Kendon A. An agenda for gesture studies. P. 8–12), А. Кендон составил специальный библиографический список, разделенный на тематические блоки («История жестов и история изучения жестов», «Изучение взаимосвязи между жестом и речью», «Изучение общепринятых жестов и конвенционализации в жесте» и т.д.), позволяющий всем заинтересованным в исследовании жестов ознакомиться с основной литературой по данной проблематике.

Проблема классификации жестов, кодирования жестовых выразительных движений. Ученые, стремящиеся изучить природу жестовой коммуникации, предлагают различные варианты классификации жестов, причем отмеченная исследовательская задача может быть как основной, так и вспомогательной при оценке структурно-функциональных и иных особенностей жеста. При этом в качестве наиболее значимых исследователями выделяются различные характеристики данного коммуникативного компонента, ввиду чего существуют различные варианты классификации жестов. Так, жесты могут классифицироваться в зависимости от коммуникативной функции, взаимосвязи и/или взаимозависимости с процессами речепроизводства, пространственной и/или социальной ориентации. Например, могут выделяться жесты-регуляторы – управляют процессом коммуникации (критерий – *коммуникативная функция*), жесты-автономные «высказывания» – употребляются независимо от речи (критерий – *роль в речевых процессах*), групповые жесты – производятся большинством представителей одной группы/популяции, но отсутствуют в других группах (критерий – *социальная ориентация*), жесты-манипуляции с объектом – предполагают использование объекта, например, бросок (критерий – *пространственная ориентация*) и т.д.

Одной из первых является классификация, предложенная Д. Эфроном³⁷. Ученый выделил две основные группы жестов: символические (жесты-эмблемы) и употребляемые вместе с речью, которые могут быть физиографическими (отражают аспект содержания высказывания) и идеографическими (в большей степени отражают ход самого процесса мышления)³⁸. Во многом на базе данной классификации такие ученые, как П. Экман и У. Фризен предложили её собственный вариант, выделив четыре типа жестов: жесты-эмблемы, жесты-регуляторы, жесты-иллюстраторы,

³⁷ Д. Эфрон был первым исследователем культурных различий в использовании жестов (им изучались жесты южных итальянских и восточноевропейских еврейских эмигрантов, недавно переселившихся в Америку, а затем эти жесты сравнивались с теми, которые возникали у эмигрантов второго и третьего поколения).

³⁸ См. подробнее: Efron D. *Gesture and environment*. N.Y.: King's crown Press, 1941. 184 pp; Idem. *Gesture, Race and Culture*. The Hague: Mouton & Co, 1972. 226 p.

жесты-адаптеры³⁹. Уже упоминаемый выше Д. МакНил, к примеру, выделяет иконические жесты (подобные по своей форме и/или выражению тем объектам, которые изображают/на которые указывают), метафорические жесты (представляют абстрактные понятия), дейктические жесты (указывающие на объект; могут указывать на виртуальный объект в виртуальном пространстве – абстрактные дейктические жесты)⁴⁰. А. Кендон, который, наряду с Д. МакНилом, стоял у истоков комплексного осмысления проблематики жеста, в том числе в соотношениями с процессами речепроизводства, в одной из работ⁴¹ выделил четыре типа жестов, в соответствии с их отношением к сопровождающей речи, и, опять же, Д. МакНил⁴² упорядочил их в линейном воплощении, назвав «континуумом Кендона (*Kendon's continuum*)»:

«Gesticulation → Speech-Linked → Pantomime → Emblems → Sign language, т.е.

Жестикуляция → Жесты, связанные с речью → Пантомима → Жесты-эмблемы → Язык глухонемых»⁴³.

Отечественные ученые в области лингвистики, например, Г.Е. Крейдлин, рассматривает семантические типы жестов⁴⁴, Е.А. Гришина анализирует однократные и многократные, краткие (длиной в одно фонетическое слово) и удлиненные (размером в несколько фонетических слов) жесты⁴⁵.

Очевидно, таким образом, что имеется множество таксономий жестов по различным основаниям. Разумеется, что в зависимости от научной направленности и поставленных исследовательских задач авторами используется определённая классификация, которая бы позволила

³⁹ См. подробнее: Ekman P., Friesen W. V. (1969). The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1, No. 1. P. 49–98.

⁴⁰ McNeill D. *Hand and Mind*: ... 416 p.

⁴¹ Kendon A. *Gesture: visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.

⁴² McNeill D. *Gesture and Thought*. Chicago: University of Chicago Press, 2005a. 318 p.

⁴³ Гришина Е. А. Автодейксис: основные типы и значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 178.

⁴⁴ Крейдлин Г. Е. Семантические типы жестов // *Лики языка*. М., 1998. С. 174–185.

⁴⁵ Гришина Е. А. Жесты и прагматические характеристики высказывания // *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования*. М.: Буки-Веди, 2014. С. 25–47.

осуществить более системный анализ жестовости. Ввиду того, что отмеченную проблему можно с уверенностью назвать междисциплинарной, подходы как к определению, так и к классификации жестов могут значительно разниться. Следует заметить, что зачастую это может приводить к путанице и некорректной экстраполяции идей по отношению к различным, неоднородным типам и/или проявлениям жестовости.

Проблема изучения функциональных и содержательных аспектов жестового выражения и взаимосвязи жестов с процессами речи. Пожалуй, к данному исследовательскому направлению можно отнести подавляющее большинство работ современных нейро- и психолингвистов, изучающих специфику жестовых компонентов коммуникации. Среди зарубежных ученых, занимающихся отмеченной проблематикой, следует отметить М. Алибали, Л.В. Барсалу, Б. Баттерворта, К. Вимер-Гастингс, С. Голдин-Мидоу, Ж. Калбрис, А. Кендона, С. Кита, Р.М. Краусса, В. Левелта, Д. МакНила, К. Мюллер, А. Озюрек, В.М. Рота, Дж. П. де Рюйтера, Н. Фридмана, С. Харрисона, Ю. Хадара, О. Хостеттер, К. Эммори и др. Среди отечественных ученых, тематика работ которых связана с данной областью, можно отметить А.А. Кибрика, Г.Е. Крейдлина, Е.А. Гришину, О.К. Ирисханову и других специалистов центра СКоДис⁴⁶, В.И. Подлесскую, Н.В. Сухову, О.В. Федорову и др.

Следует еще раз отметить, что толчком к бурному развитию исследований в данной области послужили работы Д. МакНила и А. Кендона⁴⁷, в которых оба исследователя в артикулированном виде изучали проблему взаимосвязи между воспроизводством речевых и жестовых аспектов сообщения.

⁴⁶ Центр социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) при МГЛУ занимается когнитивными исследованиями коммуникативных ресурсов (речи, жестов, изображений) в разнообразных социальных контекстах и изучает стратегии поведения говорящих в зависимости от их представлений о мире, социальных ролей и намерений. Сайт Центра: <http://scodis.ru>

⁴⁷ См., например: Kendon A. Gesture and speech: How they interact. P. 13–45; Idem. Some relationships between body motion and speech. An analysis of an example. In A. Siegman, B. Pope (eds.), Studies in Dyadic Communication. Elmsford, New York: Pergamon Press, 1972. P. 177–210; McNeill D. Hand and Mind: ... 416 p.; Idem. So you think gestures are nonverbal? P. 350–371.

Представляется, что в русле отмеченного исследовательского направления можно условно выделить *три ключевые темы*⁴⁸:

– *источник речевого и жестового производства*: какими системами воспроизводятся речь и жест, насколько интегрировано действие данных систем и можно ли говорить о том, что какая-то из этих систем первична⁴⁹

– *роль жеста в воспроизводстве и поддержании речи*⁵⁰: участвует ли жест в генерации речевого сообщения, облегчает/ухудшает ли производство последнего и каким именно образом (за счет каких параметров жеста) это реализуется, какую информацию и как жест кодирует⁵¹.

⁴⁸ Необходимо добавить, что зачастую исследования, посвященные жестовым компонентам коммуникации, могут затрагивать сразу несколько аспектов, поэтому предпринятая в рамках текущего диссертационного исследования разбивка по тематикам носит условный характер и используется в прагматических целях для наглядной демонстрации ключевых исследовательских блоков в рассматриваемой проблематике (жест-речь).

⁴⁹ См., например: Кибрик А. А., Молчанова Н. Б. Каналы мультимодальной коммуникации: ... С. 99–114; Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. 592 с.; de Ruiter J. P. Gesture and speech production. Nijmegen, the Netherlands: Katholieke Universiteit Nijmegen, 1998. 132 p; Idem. The asymmetric redundancy of gesture and speech. P. 59–75; Idem. The Production of gesture and speech. In D. McNeill (ed.), Language and Gesture. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 284–311; Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. P. 23–47; Idem. Gesture and speech: How they interact. P. 13–45; Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266; McNeill D. The growth point hypothesis of language and gesture as a dynamic and integrated system. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, and S. Tessendorf (eds.), Body - Language - Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 135–155; Symbolic gestures and spoken language are processed by a common neural system / Xu J. [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009. Vol. 106, No. 49. P. 20664–20669.

⁵⁰ На сегодняшний день авторами выдвигаются различные гипотезы, связанные с оценкой жестов в процессах порождения речи. Данный аспект подробнее будет рассмотрен во второй главе текущего диссертационного исследования. В целом, можно выделить два основных исследовательских полюса, к которым тяготеют наработки в данной области: 1) жест как деятельность связан с речью (это «побочный эффект» от усилий говорящего; инструмент, облегчающий говорение; продукт лингвистического выбора говорящего при построении высказывания и т.д.); 2) жест как самостоятельный, отдельный способ выражения, обладающий своими собственными свойствами, который может синхронизироваться с вербально выражаемым высказыванием, при этом эти два способа выражения используются взаимодополняющим способом (Kendon A. An agenda for gesture studies. P. 8–12).

⁵¹ См., например: Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 744 с; Речевые сбои и жестикуляция: отбор стимульного материала для психолингвистического и нейрофизиологического исследований (тезисы доклада) / Смирнова К. В. [и др.] // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 35–38; Сухова Н. В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2004. 166 с; Alibali M. W., Kita S., Young, A. Gesture and the process of speech production ... P. 593–613; Barsalou L. W., Wiemer-Hastings K. Situating abstract concepts. P. 129–163; Hadar U., Butterworth B. Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech // Semiotica. 1997. Vol. 115, Issue 1-2. P. 147–172; Kita S. How representational gestures help speaking. P. 162–185; Morsella E., Krauss R. M. The role of gestures in spatial working memory and speech // The American Journal of Psychology. 2004. Vol. 117, No. 3. P. 411–424; Spatial language use predicts spatial memory of children: Evidence from sign, speech, and speech-plus-gesture / Karadöller, D. Z [et al.]. In T. Fitch, C. Lamm, H. Leder, & K. Teßmar-Raible (eds.), Proceedings of the 43rd Annual Conference of the Cognitive Science Society (CogSci 2021). Vienna: Cognitive Science Society, 2021. P. 672–678.

– значение жестов в усвоении, обработке и представлении информации/роль жестов в когнитивных процессах человека: что жестовое сообщение может сказать о мыслительной деятельности человека и каким образом это возможно диагностировать⁵².

В свою очередь, в дополнение к вышеизложенному представляется необходимым отметить *проблему изучения самоориентированных, когнитивных функций жестов*. В наиболее отчетливом, артикулированном виде данная проблема, как представляется, поднимается в работах психолингвиста Сотаро Кита и его коллег⁵³. Более подробно предложенные им гипотезы в отношении когнитивно-коммуникативных функций жеста будут рассмотрены далее, в параграфе, посвященном концептуализирующей роли жестов. Однако на данном этапе представляется необходимым отметить, что С. Кита утверждает, что ввиду способности к схематизации и активации пространственно-моторного мышления, жест облегчает обработку информации и позволяет сосредоточиться на важных для решения задачи аспектах⁵⁴.

Таким образом, представляется очевидной многоаспектность изучения проблематики жеста в соотношении с процессами речепроизводства. Большое разнообразие исследований и их растущее число в данной области иллюстрирует актуальность изучения жестовых компонентов коммуникации в контексте речевой деятельности и когнитивных процессов, опосредующих жестовое и речепроизводство. Как еще в середине 80-х гг. прошлого столетия отмечал А. Кендон, «Жест, по-видимому, представляет большой интерес именно потому, что можно увидеть, с одной стороны, как он является проявлением спонтанного способа представления значения, но, с другой

⁵² См., например: Argyriou P., Mohr C., Kita S. Hand matters: Left-hand gestures enhance metaphor explanation // Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. 2017. Vol. 43, No. 6. P. 874–886; Aspectuality across languages: event construal in speech and gesture / Cienki A., Iriskhanova O. [eds.]. Human Cognitive Processing, Vol. 62. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 239 p; Goldin-Meadow S., Alibali M. W. Gesture's role in speaking, learning, and creating language // The Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 257–283; Kita S., Alibali M. W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266.

⁵³ См., например: Alibali M. W., Kita S., Young, A. Op. cit.; Kita S. Op. cit.; Kita S., Alibali M. W., Chu M. Op. cit.

⁵⁴ Kita S., Alibali M. W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266.

стороны, как такие проявления могут быть стандартизированы и преобразованы в произвольные символические формы»⁵⁵.

Проблема происхождения языка и определение роли жестов и жестикуляции в филогенезе речи. Необходимо заметить, что данный исследовательский ориентир, предполагающий оценку жестовой коммуникации в становлении языка человека, имеет достаточно длительную историю: в XVIII веке в 1746 году увидела свет работа французского философа Этьенна Кондильяка «Опыт о происхождении человеческих знаний», которая не только послужила началом исследовательского бума в отношении генезиса языка, но и в которой именно жест трактовался как первоисточника языка⁵⁶. Таким образом, возникла гипотеза в отношении языка «сначала жест» (the “gesture-first” hypothesis of language origins)⁵⁷, которая и в XIX веке, и к середине XX века (после некоторого затишья в конце XIX века по отношению к проблеме происхождения языка) оказалась в исследовательском мейнстриме⁵⁸. Значимая роль жестов в процессе исторического формирования речевых компетенций и развития психики в той или иной мере отмечалась Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым⁵⁹.

Многими современными учеными жестовая форма коммуникации также видится первичной по отношению к разговорному языку. Так, например, М. Арбибом, Дж. Коллом, М. Корбаллисом, С. Левинсоном, Дж. Риццолатти, М. Томаселло, Дж. Хьюзом приводятся аргументы в пользу того, что именно

⁵⁵ Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. P. 44.

⁵⁶ Язык, согласно воззрениям Э. Кондильяка, сначала был инстинктивным жестовым, затем он был вытеснен языком возгласов, который поначалу сопровождал жесты и постепенно переходил в область сознания путем запоминания часто повторяющихся практик, в ходе которых соотносились жесты и отражающие человеческие страсти возгласы (Кондильяк Э. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1980, С. 183–185).

⁵⁷ К примеру, в двухтомном труде *“Die Sprache”* («*Речь*»), опубликованном в 1900, В. Вундт, родоначальник экспериментальной психологии и психолингвистики, выдвигает жестовую теорию происхождения языка, в соответствии с которой именно жесты, являющиеся крупными, значимыми, выразительными движениями тела, которые выражают аффект, значение или мысль, представляют собой универсальное, естественное средство выражения для Homo Sapiens. Жесты непосредственно выражают мысль, ввиду чего, по мнению В. Вундта, возникают спонтанно в любом обществе. Тогда как звуки речи не имеют внутреннего значения.

⁵⁸ Как отмечает А. Кендон, возрождение интереса к проблематике гипотезы «сначала жест» во многом было связано со статьей Дж. Хьюза (1973), в которой приводились веские доводы в пользу отмеченной гипотезы (Kendon A. Reflections on the “gesture-first” hypothesis ... P. 163).

⁵⁹ См., например: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.; 67. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов по спец. “Психология”/ Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000. 509 с.

на основе жеста мог сформироваться человеческий язык со всеми присущими ему свойствами интенциональной символической коммуникативной системы⁶⁰⁶¹.

Особым направлением исследований в контексте рассматриваемой проблематики является *изучение жестовых коммуникативных систем обезьян*⁶² (преимущественно, человекообразных) в целях обнаружения эволюционной роли жестовой коммуникации ближайших к человеку видов в становлении человеческого языка. К ученым, занимающимся данными исследованиями, следует отнести Р. Бирна, М. Бона, Р. Виттинга, Э. Генти, К. Грэм, Дж. Колла, К. Либаль, С. Пика, Ф. Пля, Ж. Приера, Э. Родригез, Р. Сифарда, М. Томаселло, М. Фролих, К. Хобайтер, Д. Чини, К. Шнайдер и др.⁶³

Таким образом, жест как предмет исследовательских изысканий представляет интерес не только как средство невербальной коммуникации и

⁶⁰ См., например: Bohn M., Call J., Tomasello M. Comprehension of iconic gestures by chimpanzees and human children // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2016. Vol. 142. P. 1–17; Corballis M. C. From mouth to hand: gesture, speech, and the evolution of right-handedness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2003. Vol. 26, Issue 2. P. 199–208; Idem. The word according to Adam ... P. 177–197; Hewes G. W. Primate communication and the gestural origins of language // *Current Anthropology*. 1973. Vol. 14, No. 1-2. P. 5–24; Levinson S. C., Holler J. The origin of human multi-modal communication. P. 1–9; Rizzolatti G., Arbib M. A. Language within our grasp // *Trends in Neurosciences*. 1998. Vol. 21, Issue 5. P. 188–194.

⁶¹ Подробно данная тема рассматривается во второй главе текущего диссертационного исследования (параграф «Основные свойства жестовой коммуникации приматов: мультимодальная парадигма»).

⁶² Углубленное изучение жестов обезьян начало реализовываться только в течение последних двадцати лет (A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 13) и, преимущественно, зарубежными учеными.

⁶³ См., например: A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 235–259; Bohn M., Call J., Tomasello M. Natural reference: a phylo- and ontogenetic perspective on the comprehension of iconic gestures and vocalizations // *Developmental Science*. 2018. Vol. 22, Issue 2. P. 1–12; Connecting primate gesture to the evolutionary roots of language: A systematic review / Rodrigues E. D. [et al.] // *American Journal of Primatology*. 2021. Vol. 83, Issue 9. P. 1–18; Frohlich M., Wittig R. M., Pika S. Play-solicitation gestures in chimpanzees in the wild: flexible adjustment to social circumstances and individual matrices // *Royal Society Open Science*. 2016a. Vol. 3, Issue 8. P. 1–16; Genty E., Zuberbühler K. Spatial reference in a bonobo gesture // *Current Biology*. 2014. Vol. 24, Issue 14. P. 1601–1605; Hobaiter C., Byrne R. W. Zuberbühler K. Wild chimpanzees' use of single and combined vocal and gestural signals // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2017. Vol. 71, Issue 6. P. 1–13; Plooi F. X. Some basic traits of language in wild chimpanzees? In A. Lock (ed.), *Action, Gesture and Symbol: The Emergence of Language*. London: Academic Press, 1978. P. 111–131; Schneider C., Call J., Liebal K. Onset and early use of gestural communication in non-human great apes: ... P. 102–113; Seyfarth R. M., Cheney D. L. Signalers and receivers in animal communication // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54, Issue 1. P. 145–173; Tanner J. E., Byrne R. W. The development of spontaneous gestural communication in a group of zoo-living lowland gorillas. In T. Parker, R. W. Mitchell and H. L. Miles (eds.), *The Mentalities of Gorillas and Orangutans. Comparative Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 211–239; The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 531–554;

второстепенный по отношению к речи когнитивный компонент, но и как одно из ключевых звеньев в эволюции человеческого языка.

Проблема изучения национальных, возрастных и патологических особенностей функционирования жестов. Исследователями, занимающимися жестовой проблематикой, признается неоднородность содержательных, структурных и иных аспектов жестового производства людьми разных культур, возрастов, социальных статусов и т.д. Отмечается, что жесты подвержены влиянию культурных, социальных, психических факторов⁶⁴. К примеру, упоминаемое выше исследование Д. Эфрона также было связано с выявлением специфических характеристик использования жестов представителям разных культур⁶⁵. Исследователями также может оцениваться то, каким образом носители разных языков представляют события невербально, при помощи жестов⁶⁶. Отдельной областью исследований в русле данного направления являются работы, посвященные особенностям и функциям жестов в коммуникации людей, страдающих рядом нарушений (аутизм, глухота, афазии, болезнь Альцгеймера и т.д.)⁶⁷. В контексте становления языковой компетенции и развития когнитивных способностей особое значение имеют исследования, посвященные жестовой коммуникации в раннем детстве⁶⁸.

Очевидно, тем самым, что изучение жестовых аспектов коммуникации представителей различных культурных, социальных, половозрастных и иных

⁶⁴ Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. 592 с.

⁶⁵ Efron D. Gesture and environment. 184 pp; Idem. Gesture, Race and Culture. 226 pp.

⁶⁶ См., например: Kita S., Danziger E., Stolz C. Cultural specificity of spatial schemas, as manifested in spontaneous gestures. In M. Gattis (ed.), Spatial schemas and abstract thought. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 115–146; The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally. P. 9163–9168.

⁶⁷ См., например: A systematic review of gesture treatments for post-stroke aphasia / Rose M. L. [et al.] // Aphasiology. 2013. Vol. 27, Issue 9. P. 1090–1127; Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: Implications for Understanding and Treating Neurogenic Communication Disorders // Frontiers in Human Neuroscience. 2020. Vol. 14. P. 1–22;

⁶⁸ См., например: Cook S. W., Goldin-Meadow S. The role of gesture in learning: Do children use their hands to change their minds? // Journal of Cognition and Development. 2006. Vol. 7, Issue 2. P. 211–232; Infants' intentionally communicative vocalizations elicit responses from caregivers and are the best predictors of the transition to language: A longitudinal investigation of infants' vocalizations, gestures and word production / Donnellan E. [et al.] // Developmental Science. 2020. Vol. 23, Issue 1; Pine K. J., Lufkin N., Messer, D. More gestures than answers: children learning about balance // Developmental Psychology. 2004. Vol. 40, Issue 6. P. 1059–1067; Rowe M. L., Goldin-Meadow S. Early gesture selectively predicts later language learning // Developmental Science. 2009. Vol. 12, Issue 1. P. 182–187.

групп также представляет сегодня интерес для ряда ученых, стремящихся определить ключевые факторы культурного разнообразия в использовании жестов, специфические черты последних в коммуникации детей и взрослых, особенности жестовых компонентов коммуникации у людей с различными когнитивно-коммуникативными патологиями и т.д.

Проблема использования невербальных выразительных средств в искусстве. В рамках данного исследовательского направления жест изучается как элемент невербального поведения, позволяющий выразительно передать определенные настроения, состояния, чувства и переживания в различных формах искусства. В таком контексте жест оценивается в трудах теоретиков драматургии и актерского мастерства (А. Арто, К. С. Станиславский, М. А. Чехов, С. М. Эйзенштейн), в работах, посвященных анализу выразительных средств (в том числе жеста) в живописи, скульптуре, музыке, фотографии и литературе (А. Варбург, Ф. Заксль, Д. Моррис, В. Флюссер, Т.В. Цареградская, Я.В. Чеснов, М.Б. Ямпольский). К примеру, С.М. Эйзенштейн оценивает жест как необходимое звено в искусственном художественном построении, с помощью которого актер выстраивает содержание, в дальнейшем отыгрываемое голосом⁶⁹, А. Арто – как средство, при помощи которого в театральном действе могут быть выражены тайные истины⁷⁰, М.Б. Ямпольский – как деятельность, которая не перешла в знак, которая со всей экспрессивностью выражает бессознательную спонтанность людей, но которая может стать знаком, обретя отчетливый интенциональный объект⁷¹.

Таким образом, жест может также выступать в качестве предмета исследования для искусствоведческих дисциплин, в рамках которых ведется поиск и описание средств выразительности (в том числе телесной природы),

⁶⁹ Эйзенштейн С. М. Психологические вопросы искусства / Под ред. Е.Я. Басина. М.: Смысл, 2002. 335 с.

⁷⁰ Арто А. Театр и жестокость. Театр жестокости (Первый манифест) / Пер. С. Исаева // Театральная жизнь. 1990. № 8.

⁷¹ Ямпольский М. Б. Жест умершего и спящего, или Жест до жеста и после жеста // От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна (Науч. приложение. Вып. LXXXIX) / сост.: А. Лавров, А. Осповат, Р. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 429–445.

позволяющих передать актеру, музыканту, живописцу, писателю, скульптору и т.д. определенное смысловое содержание в рамках того или иного жанра.

Проблема использования искусственно созданных жестовых систем и их соотношения с языком и речью. В русле данного направления рассматриваются жестовые языки как особые искусственно созданные самодостаточные системы, позволяющие людям, не способным к вербальной речи, осуществлять коммуникацию. Жестовый язык рассматривается как особая система концептуализации⁷², как семиотическая система кодирования, которая некоторым образом противопоставляется языку жестов как присущему каждому человеку в качестве естественного сопровождения речи компоненту мультимодальной коммуникации⁷³. Считается, что кроме канала передачи, жестовому языку присущи все свойства звукового языка⁷⁴.

Исследователи, изучающие жестовый язык, оценивают его лингвокультурные особенности, характеристики языковой организации, принципы построения грамматики, сходства и различия с естественным вербальным языком, характерные черты в качестве «домашних» систем общения между не слышащими и/или неговорящими членами семьи, потенциал в качестве инструмента общения, которому можно обучить человекообразных обезьян и т.д.⁷⁵

⁷² Магировская О. В. Жестовый язык: проблемы статуса, организации и региональной вариативности // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 67–71.

⁷³ Привалихина Е.С. Жестовый язык как особая система концептуализации // SiberiaLingua. 2018. № 1. С.114–121.

⁷⁴ Зайцева Г. Л. Система жестового обучения глухих // Язык в океане языков / Сост. Донских О. А. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 28–42; 320; Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf // Studies in linguistics. Occasional papers. Vol. 8. Buffalo, N. Y.: University of Buffalo, 1960. 78 p.

⁷⁵ См., например: Зайцева Г. Л. Система жестового обучения глухих. С. 28–42; Её же. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: ВЛАДОС, 2000. 192 с.; Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.; Кибрик А. А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / под ред. А. А. Комарова, Н. А. Чаушьян. М.: ОООИ ВОГ, 2008. С. 122–129; Магировская О. В., Привалихина Е. С. Лексический уровень жестового языка как особая система номинации (на материале американского и русского жестовых языков) // Мир науки, культуры, образования. № 4 (77). 2019. С. 389–391; Пинкер С. Язык как инстинкт (пер. с англ.). М.: УРСС, 2004. 456 с.; Singleton J. L., Newport E. L. When learners surpass their models: The acquisition of American Sign Language from inconsistent input // Cognitive psychology. 2004. Vol. 49. P. 370–407. Stokoe W. C. Sign language structure: ... 78 p.; The emergence of grammar: Systematic structure in a new language / Sandler W. [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2005. Vol. 102. No. 7. P. 2661–2665.

Очевидно, что изучение жестовых языков представляет собой отдельную исследовательскую проблему, которая затрагивается в таких областях знания, как социо- и психолингвистика, дефектология, сурдопедагогика, приматология, психология развития и т.д.

Таким образом, рассмотренные выше направления исследований жеста иллюстрируют многоаспектность изучения данного когнитивно-коммуникативного элемента. Жест оценивается исследователями не только как компонент невербальной коммуникации, являющийся вспомогательным средством для вербального обмена информацией, но и как самостоятельное когнитивно-коммуникативное образование, которое может облегчать и/или фундировать процессы речепроизводства, служить самостоятельным средством концептуализации действительности, выражать с максимальной экспрессивностью и искренностью человеческие переживания, предоставлять возможности для развития языковых компетенций и когнитивных навыков, отображать особенности культурного образа жизни и т.д. Сегодня становится очевидным, что исследование жеста как компонента мультимодальной человеческой коммуникации является актуальным направлением исследования для ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

В дополнение к вышеизложенному представляется целесообразным для выполнения поставленных в текущем исследовании задач тезисно отметить ряд *философских идей* в отношении природы и функционирования жестов, которые будут служить теоретико-методологическим подспорьем дальнейшего анализа как когнитивно-коммуникативной, так и социальной природы жеста.

Во-первых, следует отметить *Дж. Г. Мида* и его концепт, который в последующем Д. МакНил окрестил *Петлей (или циклом) Мида (Mead's Loop)*⁷⁶. Американский философ еще в первой трети XX века высказал идею о

⁷⁶ См., например: Growth Points from the Very Beginning / McNeill D. [et al.] // Interaction Studies. 2008. Vol. 9. P. 117–132.

социальной обусловленности жеста: «жесты становятся значимыми символами, когда они неявно вызывают у индивида ту же реакцию, которую они явно вызывают у других индивидов»⁷⁷. Таким образом, воспроизводство жеста подразумевает «социального другого», реального или виртуального⁷⁸. Представляется интересным, что, к примеру, при помощи предложенного Дж. Г. Мидом концепта, Д. МакНил объясняет связь *мысль-язык-рука*: в отношении эволюции идея Дж. Г. Мида о том, что жест имеет смысл, когда он вызывает у того, кто его делает, ту же реакцию, что и у того, кто его получает, говорит о том, что зеркальные нейроны⁷⁹ сформировались, чтобы привнести собственные образы жестов и их значение в область Брока, двигательную область для управления действиями, включая речь и жест. В то время как прямые зеркальные нейроны воспроизводят действия другого, со значениями, которые соответствуют этим действиям, поворот Петли Мида реагирует на собственные жесты, как будто они получены от другого, и привносит различные значения в области управления действиями мозга, в области жестов⁸⁰. Таким образом, сама природа жеста носит *социальный* характер, ибо жестовое сообщение потому и наделяется смыслом, что оно вызывает у индивида ту же реакцию, которую последний стремится вызвать у визави, производя жест. Другой в данном случае становится мотивом к производству жеста и необходимым звеном формирования его общепринятого (совместного) значения.

Во-вторых, особую значимость для текущего исследования представляет трактовка жеста, предложенная французским феноменологом *М. Мерло-Понти*, который оценивает жест в схожем с идеями Дж. Г. Мида ключе, делая акцент на социальности, интенциональности и телесности жеста: «Коммуникация или понимание жестов достигаются через взаимность моих

⁷⁷ Цит. по: Ibid. P. 125.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Вкратце: нейроны, ответственные за имитативные способности (разряжаются при *выполнении* действия, которое выполняет потенциальный или реальный наставник, и при *наблюдении* за действиями последнего).

⁸⁰ См. подробнее: McNeill D. How Language Began: Gesture and Speech in Human Evolution (Approaches to the Evolution of Language). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 114–165.

интенций и жестов другого, моих жестов и интенций, читаемых в поведении другого. Все происходит так, как *если бы намерения другого жили в моем теле* (здесь и далее курсив мой – Е.Б.), или как если бы мои намерения жили в его. Жест, который я вижу, *пунктиром намечает интенциональный объект*. Этот объект актуализируется и полностью понимается, когда возможности моего тела к нему приспособляются и [мое тело] им овладевает»⁸¹. Таким образом, жест, будучи телесно фундированным и социально направленным, предполагает «указание» на определенный интенциональный объект, и этим указанием, предполагающим телесную адаптацию к объекту, обеспечивает понимание последнего. М.Б. Ямпольский, интерпретируя идеи М. Мерло-Понти, замечает, что «Превращение жеста в знак в существенной степени связано именно с этим часто невидимым интенциональным объектом»⁸². То есть, в пространство социальности, с учетом наличия Другого как своего рода «гаранта» понимания, посредством жеста интегрируется интенциональный объект (зачастую виртуальной природы), значение которого выкристаллизовывается при соотнесении с интенциями и жестами Другого по отношению к данному объекту.

В-третьих, идеи Ю. Кристевой в отношении функционала жеста также представляются релевантными, в том числе ввиду того, что некоторым образом согласуются с отмеченными выше положениями. Так, философ отмечает, что жест «...указует не для того, чтобы что-то означать, а для того, чтобы *включить в единое пространство* (без проведения дихотомии между мыслью и словом, означаемым и означающим) (курсив мой – Е.Б.), можно даже сказать, в один и тот же семиотический текст, «субъект», «объект» и практику»⁸³. Тем самым здесь опять же идет речь о том, что жест является *связующим звеном* между субъектом, объектом и практикой, включая их в единый пространственно-временной контекст: указательный и/или изобразительный характер жеста определяет принципиальную

⁸¹ Цит. по: Ямпольский М.Б. Жест умершего и спящего ... С. 434.

⁸² Ibid.

⁸³ Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? С. 118.

взаимозависимость между отмеченными феноменами, обнаруживающуюся в указании.

Необходимо добавить, что в текущем диссертационном исследовании комплексное осмысление феномена жеста также фундируется следующими философским концептом – *абсолютным жестом человека* в представлении Г.В.Ф. Гегеля. В ходе дальнейшего изложения будет обоснован данный исследовательский ориентир, пока же следует пояснить, что для Гегеля абсолютным жестом человека является *вертикальность его позы*: «Абсолютный жест человека есть *вертикальное положение*; только он способен на это, тогда как даже орангутанг может сохранить прямое положение только при помощи палки. Человек не является от природы, с самого начала своей жизни, поставленным в прямое положение, но сам выпрямляется энергией своей воли; и хотя эта его манера держаться стоя, превратившись в привычку, уже не требует более никакого нового напряжения деятельности воли, но все же состояние это должно быть постоянно проникнуто нашей волей, так как иначе мы тотчас же должны были бы упасть. Рука, и в особенности *кисть руки*, человека есть точно так же нечто только ему свойственное; ни одно животное не имеет такого подвижного орудия, деятельности, направленного вовне. Рука человека, это *орудие орудий*, способна служить выражением бесконечного множества проявлений воли! Обыкновенно мы делаем жесты прежде всего при помощи кисти руки и уже потом при помощи всей руки и остального тела»⁸⁴. Представляется, что данная цитата из «Философии духа» содержит целый ряд идей, нашедших сегодня свое подтверждение в ходе эмпирических исследований, однако разумеется, что в первую очередь Гегель ведет речь о *прямохождении*: абсолютный жест человека, проявляющийся в вертикальности его позы, является, выражаясь словами Я.В. Чеснова, «субстанциальной основой Я». На время дистанцируясь от дальнейших философских трактовок тезиса Гегеля, следует

⁸⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. М.: «Мысль», 1977. С. 212–213.

отметить, что действительно, прямохождение (наряду с «трудовой свободной кистью» (о которой Гегель, кстати, тоже упоминает) и высокоразвитым мозгом) – атрибут сугубо *Человека разумного*, оказавший беспрецедентное влияние на образ жизни последнего: «освобождение» передних конечностей от функции локомоции (передвижения) легло в основу орудийного отношения людей к окружающей среде – особого типа адаптации⁸⁵; вертикальное положение позвоночника обеспечило возможности для обладания бóльшим объёмом мозга, способствовало адаптации голосового тракта для производства более широкого спектра звуков, бипедия (двуногость) оказалась энергетически более эффективна, чем квадропедия (перемещение на четырёх конечностях) и привела к расширению общего поля зрения, которое, как отмечает российский лингвист С.А. Бурлак, «...облегчило возможность обращать внимание сородичей на те или иные факторы окружающей среды, а это очень важно для языка, который, по свидетельству психологов, используется прежде всего не для побуждений, а именно для обращения внимания... Это обусловило возможность возникновения в дальнейшем так называемого *остенсивного определения* (*курсив мой* – Е.Б.) – определения при помощи *указательного жеста* (*курсив мой* – Е.Б.), который имеется во всех человеческих культурах...»⁸⁶.

Представляется, что кажущееся на первый взгляд метафоричным заявление Гегеля о вертикальности позы человека как об абсолютном жесте последнего приобретает «осязаемые черты»: переход к прямохождению, наряду с другими социоэкологическими изменениями в образе жизни предковых форм людей, позволил последним использовать свои руки (и кисти, в частности) как для применения и изготовления орудия труда, способствуя интенсификации манипулятивных практик, предполагающих биманульные скоординированные действия, так и для уточнения жестовой коммуникации.

⁸⁵ Социальная философия и философия истории ... С. 54.

⁸⁶ Бурлак С.А. Происхождение языка ... С. 109.

Таким образом, вертикальность позы, прямохождение – абсолютный жест человека – является, с одной стороны, тем, что отличает последнего от иных живых организмов, его «отклонением» (*excursion* в терминологии А. Кендона) как представителя вида *Homo Sapiens* от остального природного мира. С другой стороны, абсолютный жест, «высвободивший» передние конечности, дает возможность появления жестов в их привычном понимании как «отклонений» от обычных и естественных движений.

В свете вышеизложенного представляется очевидным, что жест – это один из ключевых атрибутов коммуникативного взаимодействия между людьми. При этом жест может оцениваться не только как элемент невербального поведения, но и как тесно интегрированный с процессами речепроизводства коммуникативный компонент. Исследователи, в работах которых в той или иной степени затрагивается проблематика жеста, изучают культурное разнообразие жестовой коммуникации, выявляют социальную природу жестовости, определяют роль жестовых коммуникативных систем в становлении языка, изучают жестовые языки как особые самодостаточные системы концептуализации, анализируют жест в качестве выразительного художественного средства и т.д. Характеристика жеста также дается в трудах философов, где акцент делается на интенциональной природе жеста, его социальной направленности, практическом выражении и телесной субстанции.

Таким образом, исследования жеста носят многоаспектный характер, и в зависимости от предметной области и исследовательских целей трактовка жеста может значительно варьироваться. Очевидно, однако, что изучение жеста как когнитивно-коммуникативного компонента представляет особую актуальность для внушительного ряда дисциплин, стремящихся всесторонне охарактеризовать уникальность мультимодальной коммуникации и когнитивных функций Человека Разумного, жизнедеятельность которого разворачивается в пространстве социального.

Выводы по параграфу

В параграфе были рассмотрены ключевые направления исследований жеста. Была приведена характеристика по каждому из направлений, перечислены основные исследовательские наработки в различных областях изучения жестовости. Было определено, что жест может рассматриваться в качестве: компонента невербальной коммуникации; тесно интегрированного с речью когнитивно-коммуникативного компонента; ключевого этапа в становлении человеческого языка; средства художественной выразительности; ключевой единицы жестового языка как самостоятельной знаковой системы; иллюстратора культурных, социальных, психических и иных характеристик коммуниканта; связующего звена между субъектом, объектом и практикой. Было обосновано, что жест в подавляющем большинстве исследований в той или иной мере соотносится с процессами речепроизводства.

В параграфе было предложено авторское определение жеста, позволяющее учесть телесную природу, интенциональную основу и изобразительный характер последнего. При обращении к философским идеям в отношении жестовости, было продемонстрировано, что жест – это коммуникативный компонент, в котором отражена человеческая природа: определенная конфигурация человеческой телесности, социальный способ бытия и интенциональная природа коммуникативных взаимодействий с принципиальной обращенностью к Другому воплощаются в жестовости.

Таким образом, в параграфе было представлено комплексное осмысление проблематики жеста и обоснована актуальность изучения последнего в целях всестороннего познания мультимодальной человеческой коммуникации и её социальной основы.

1.2. Основные свойства жестовой коммуникации приматов: мультимодальная парадигма

Язык человека, будучи мультимодальной системой, разворачивающийся по различным каналам⁸⁷, представляет собой уникальное явление, философское постижение которого сулит приближение к ответу на вопрос о том, «что такое» Человек разумный. Очевидно, что ввиду своей сложности и многокомпонентности, отмеченная философская проблема не перестает быть предметом многочисленных дискуссий, разворачивающихся в рамках как естественнонаучных, так и гуманитарных дисциплин. Однако следует заметить, что в большинстве своем та или иная точка зрения в отношении глоттогенеза затрагивает вопрос о предшествующей человеческому языку стадии – о некоторой коммуникативной системе (или совокупности ряда коммуникативных компонентов), на базе которой мог сформироваться язык. Такой системой нередко называют жест⁸⁸⁸⁹, причем в качестве элемента как человеческой коммуникации, так и коммуникативной системы приматов. Оценивая в качественном и количественном отношении последнюю, можно

⁸⁷ Очевидно, что человеческая речь всегда сопровождается зрительными, оро-лицевыми, жестовыми и иными телесными сигналами (см. схему мультиканальной коммуникации в *Приложении 1*). Существует такое явление, как эффект МакГарка (*McGurk effect*), выражающееся в том, что артикуляционные жесты, сопровождающие акустическое восприятие речи, изменяют последнее, являясь дополнительным визуальным сигналом (McGurk H., MacDonald J. Hearing lips and seeing voices // *Nature*. 1976. Vol. 264. P. 746–748.). Вслед за М. Фрелих и её коллегами, в текущем диссертационном исследовании мультимодальные сигналы будут определяться как «...сигналы, состоящие из двух или более компонентов различных сенсорных модальностей, которые обязательно связаны (например, причмокивание губами с заметным визуальным и слуховым компонентом), тогда как в *мультимодальных комбинациях сигналов* (курсив мой – Е.Б.) два или более различных сигнала, которые включают различные сенсорные модальности (например бесшумный бесконтактный жест плюс вокализация), гибко связаны», а мультимодальность в целом – как интеграция различных входных каналов при производстве и/или восприятии сообщения для целей формирования коммуникативной единицы и/или идентификации отдельного сообщения (*Multimodal communication and language origins...* P. 3).

⁸⁸ См., например: Corballis M. C. *From Hand to Mouth: The origins of language*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. 272 p.; Rizzolatti G., Arbib M. A. *Language within our grasp*. P. 188–194; Tomasello M. *Origins of Human Communication ...* 394 p.

⁸⁹ Необходимо добавить, что более современные исследования (см., например: *Gestural and symbolic development among apes and humans...* P. 1–10; *The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories*. P. 531–554) признают мультимодальность как человеческой коммуникации, так и коммуникативных систем животных, разделяя тезис о мультимодальной основе отмеченных: предшественниками человеческого языка являются составляющие разных модальностей, между которыми мог осуществляться эволюционный переход, и одним из таких этапов как раз мог явиться жест. При этом, ввиду наличия тесной интеграции речевых, жестовых и иных телесных коммуникативных компонентов, анализ, сосредоточенный лишь на вокализации и жестах, также может оказаться недостаточно продуктивным (*Multimodal communication and language origins...* P. 1809–1829.). Однако именно жесты и вокализация являются наиболее обсуждаемыми модальностями с точки зрения эволюции языка, ввиду чего в текущем параграфе будет сосредоточено внимание именно на них с акцентом на жестовой коммуникации.

приблизиться к решению вопроса о эволюционных корнях человеческой коммуникации⁹⁰ и, в частности, жестовых её проявлений.

Следует заметить, что системам коммуникации приматов также, как и языку человека, присуща мультимодальность: в рамках коммуникативного взаимодействия (преимущественно, на близком расстоянии (*face-to-face communication*)) приматы интегрировано используют такие модальности, как жест, мимика и вокализация⁹¹. При этом, как утверждает ряд исследователей, жестовые коммуникативные компоненты играют роль основных носителей информации в коммуникации на близком расстоянии между приматами, тогда как комбинации сигналов используются для уточнения информации и устранения неоднозначности⁹².

Изучение жестовых (также, как и вокальных) коммуникативных систем приматов в отмеченном контексте во многом реализуется учеными с целью обнаружить те фундаментальные черты этих систем, которые были ли бы характерны и для человеческой коммуникации^{93,94}.

⁹⁰ Сегодня исследователи-компаративисты предлагают рассматривать язык как «эволюционно стратифицированную систему» (*evolutionarily stratified system*), предполагающую совокупность способностей различного эволюционного происхождения, когнитивная основа которых имеет сходные черты между человеческой коммуникацией и коммуникативными системами животных (Levinson S. C., Holler J. The origin of human multi-modal communication. P. 1–9.).

⁹¹ Primate Communication: A Multimodal Approach / Liebal K. [et al]. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 304 p.

⁹² См., например: Multimodal communication and language origins... P. 1809-1829; Fröhlich, M., van Schaik, C. P. The function of primate multimodal communication // Animal cognition. 2018. Vol.21, Issue 5. P. 619–629; Hobaiter C., Byrne R. W., Zuberbühler K. Wild chimpanzees' use of single and combined vocal and gestural signals. P. 1–13; Production of and responses to unimodal and multimodal signals in wild chimpanzees, Pan troglodytes schweinfurthii / Wilke C. [et al.] // Animal Behaviour. 2017. Vol. 123. P. 305–316.

⁹³ См., например: Arbib M. A., Liebal K., Pika S. Primate vocalization, gesture, and the evolution of human language // Current Anthropology. 2008. Vol. 49, No. 6. P. 1053–1063; Corballis M. C. From mouth to hand: gesture, speech, and the evolution of right-handedness. P. 199–208; Multimodal communication and language origins... P. 1809-1829; The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories... P. 531–554.

⁹⁴ Так, например, среди проблем, занимающих центральное место в сравнительных исследованиях человеческого языка и жестовых систем коммуникации приматов, можно отметить следующие: значение жестовых сигналов и языковая семантика, структура жестовой коммуникации и синтаксис языка, сходства и различия поведенческого, неврологического и физиологического развития и производства языка и жестов (см., например: Bonobo and chimpanzee gestures overlap extensively in meaning / Graham K. E. [et al.] // PLOS Biology. 2018. Vol. 16, Issue 2. P. 1–18; Hand gestures as visual prosody: BOLD responses to audio–visual alignment are modulated by the communicative nature of the stimuli / Biau E. [et al.] // NeuroImage. 2016. Vol. 132. P. 129–137; Meguerditchian A., Molesti S., Vauclair J. Right-handedness predominance in 162 baboons (*Papioanubis*) for gestural communication: Consistency across time and groups // Behavioral Neuroscience. 2011. Vol. 125, No. 4. P. 653–660.). Эволюционные корни человеческой коммуникации исследователи пытались обнаружить преимущественно в двух модальностях – вокальной и жестовой – стремясь определить, какая из них иллюстрирует большее количество когнитивных характеристик языка.

Одной из таких характеристик признается *интенциональность (intentionality)*⁹⁵. Философская трактовка интенциональности в широком смысле как направленности сознания на объект в диссертации не применяется. Отмеченное понятие, используемое не только в философии, но и в психологии, лингвистике, характеризуется неопределенностью категориального статуса и нуждается в ряде уточнений⁹⁶. Однако отмеченное представляется избыточным для рассматриваемых в работе проблем. При этом следует добавить, что в текущем исследовании интенциональность преимущественно рассматривается в узком смысле как свойство коммуникации (человеческой, в первую очередь), предполагающее добровольность, произвольность и целенаправленность коммуникативных актов и включающее когнитивный и кооперативный компонент: с одной стороны, коммуникант открыто сообщает о своем намерении информировать, при помощи вербальных и невербальных средств давая понять визави о своём намерении «сообщить что-то», с другой – принимающий сигнал распознает это намерение и реагирует на сообщение. Коммуникация между людьми предполагает, что последние открыто демонстрируют своё *намерение* информировать партнеров по коммуникации, которые также открыто демонстрируют своё *понимание или непонимание* сообщения. Человеческая коммуникация в целом представляет собой *кооперативное, совместное предприятие*, и требует того, чтобы коммуникаторы реагировали на сигналы визави соответствующим образом с учетом контекстуальных, ролевых и иных характеристик ситуации, а также с учетом характеристик самого сигнала⁹⁷.

⁹⁵ Интенциональную коммуникацию в широком смысле можно определить как добровольную, произвольную (*voluntarily*) и целенаправленную (*goal-directed*) передачу сигналов (Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 2).

⁹⁶ Воронина Л. В. Категория интенциональности в лингвистической перспективе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 177.

⁹⁷ К примеру, основатель теории имплицатур (скрытый, небуквальный смысл сообщения) Пол Грайс отмечал, что диалог – это кооперативное предприятие, которое предполагает наличие совместной для вступивших в него цели, ввиду чего коммуникаторы с необходимостью обращают внимание на сигналы друг друга с учетом ситуации. Однако именно для людей характерно *декларативное* использование языка, предполагающее обмен информацией при отсутствии очевидного мотива сотрудничества, выгодного для коммуникаторов, тогда как подавляющая часть коммуникации между приматами носит обязательный, императивный характер: для того, чтобы животное что-то «заявило», его должны к этому побудить определенные экологические условия (Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 5).

Именно жестовая коммуникация приматов впервые стала изучаться исследователями с точки зрения выявления интенционального характера данных коммуникативных систем. Такими исследователями, как, например, М. Томаселло, К. Либаль, Д. Ливенс и др. были предложены критерии оценки интенциональности сигнала, где в одних случаях делался акцент на коммуникативной настойчивости, в других – на продуманном поведении. В свою очередь, наиболее комплексным автору текущего диссертационного исследования представляется определение *интенционального жеста*, которое было предложено авторами мультикаузальной теории происхождения языка, Ж. Приером, С. Барбу, К. Блуа-Хойлен и А. Лемассоном.

Отталкиваясь от приведенного отмеченными авторами определения, следует отметить, что жест считается интенциональным (преднамеренным), если он: а) имеет социальную цель; б) направлен на конкретного реципиента (об этом должны свидетельствовать определенное положение тела сигнализирующего, визуальный и/или физический контакт с реципиентом); в) вызывать добровольную реакцию реципиента (сигнализирующий пристально смотрит на реципиента в ожидании его реакции и/или проявляет коммуникативную настойчивость, если реципиент не реагирует или реагирует не должным образом)⁹⁸.

Для отличия преднамеренных жестов от врождённых и/или обусловленных, стоит отметить следующие, принятые многими авторами (М. Томаселло, Дж. Колл, Д. Ливенс, Дж. Рассел, У. Хопкинс, С. Пика, К. Либаль, Ж. Приер и др.), критерии:

– гибкость в использовании жестов (*flexibility of gesture use*). Приматы могут использовать один и тот же жест в разных функциональных контекстах и применять различные жесты в одной и той же ситуации. Более того, все человекообразные обезьяны, как в неволе, так и в дикой природе, могут изучать и изобретать новые (идиосинкразические) жесты;

⁹⁸ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 533.

– чувствительность к состоянию внимания адресата (*sensitivity to the targeted recipient's attentional state*). Основываясь на ряде свидетельств, авторы отмечают, что приматы и, в частности, все человекообразные обезьяны, способны приспосабливать, видоизменять свои жесты в соответствии с состоянием внимания реципиента: жестикулирующий в большей степени ориентируется на обращенного к нему визави, используя при этом соответствующий тип жеста;

– коммуникативная настойчивость для достижения социальной цели (*communication persistence to achieve a social goal*). Приматы прекращают коммуникацию в случае, если достигнута социальная цель. Если же цель не достигнута, то сигнализирующая особь продолжает коммуникацию, выполняя либо один и тот же жест (повторение), либо другой тип жестов и/или комбинацию жестов (уточнение)⁹⁹.

При этом следует заметить, что существуют некоторые затруднения в диагностировании степени интенциональности жестовых компонентов коммуникации приматов и людей ввиду ограниченного доступа к когнитивным состояниям отмеченных¹⁰⁰. Поэтому, для исследования и определения намерений коммуникатора, преимущественно анализируются его видимые поведенческие проявления, критерии оценивания которых впервые были предложены специалистом в области когнитивных наук и психолингвистики Э. Бейтс в ходе исследований способности младенцев привлекать внимание окружающих и оказывать влияние на их поведение¹⁰¹.

Стоит добавить, что авторами мультикаузальной теории отдельное внимание уделяется необходимости более детальной категоризации интенциональности как одной из фундаментальных основ социального

⁹⁹ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 534.

¹⁰⁰ Стоит добавить, что исследования жестовых коммуникативных систем приматов реализовывались в большинстве своем с участием шимпанзе и бонобо (карликовый шимпанзе) (*Connecting primate gesture to the evolutionary roots of language: ...* P. 13), однако для того чтобы сформировать более глубокое и всестороннее понимание эволюционных корней человеческого языка и вклада жестовых аспектов коммуникации в его развитие, необходимы исследования, которые затрагивали бы изучение жестовых коммуникативных систем различных видов обезьян.

¹⁰¹ См., например: *The emergence of symbols: Cognition and Communication in Infancy* / Bates E. [et al.]. New York: Academic Press. 1979. 387 p.

познания, языковых практик, культурного обучения и сотрудничества. По мнению авторов, необходим учитывающий как можно большее количество факторов многокритериальный анализ *интенциональности* (способность выполнять заранее обдуманые, спланированные, преднамеренные действия) и *общей/совместной интенциональности*¹⁰² (умение и стремление обмениваться целями/намерениями и разделять последние с другими во время совместных действий) с целью снижения уровня неопределенности при характеристике поведения в качестве преднамеренного.

В опубликованной в 2018 году работе Ж. Приер и его коллеги¹⁰³ предлагают использовать индекс для количественной оценки развития интенциональных способностей (*Intentionality Characterisation Index: ICI*), который позволит, по мнению авторов, сравнивать интенциональные способности между отдельными людьми, внутри видов и популяций и между ними соответственно, внутри и между системами жестовой (тактильной, визуальной и/или слуховой), oro-лицевой и речевой коммуникации¹⁰⁴.

Ссылаясь на ряд исследований, Ж. Приер, С. Барбу, К. Блуа-Хойлен и А. Лемассон отмечают также, что жестовые коммуникативные системы приматов (в большей степени – человекообразных обезьян) обладают ***широким репертуаром***: при коммуникации приматы используют большое разнообразие жестов. При этом, как минимум, половина всех жестов (по крайней мере, это справедливо в отношении четырех человекообразных обезьян, сиамангов и берберских макак) являются *ручными* жестами, которые могут быть визуальными (не предполагают физического контакта с реципиентом – например, поднятие руки), тактильными (предполагают физический контакт с реципиентом – напр., объятия), слуховыми (образуют

¹⁰² К примеру, можно отослать читателя к статье М. Томаселло (Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. P. 2–19.), где анализируется феномен совместной интенциональности, возникающий в ходе кооперативной деятельности людей при достижении общих целей, где каждый индивид должен адаптировать свое поведение и свое сообщение, принимая во внимание роль и точку зрения партнёра. Ввиду совместной интенциональности индивиды координируют свои действия в процессе коллективной деятельности, понимая свою взаимозависимость между друг другом.

¹⁰³ Challenges facing the study of the evolutionary origins of human right-handedness and language / Prieur J. [et al.] // International Journal of Primatology. 2018. Vol. 39, Issue 2. P. 183–207.

¹⁰⁴ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 535.

звук во время выполнения – напр., шлепок рукой), жестами-манипуляциями с объектом (предполагают использование объекта – напр., бросок объекта)¹⁰⁵. Необходимо добавить, что частота использования жестов и богатство жестового репертуара во многом зависят от *социального опыта* особи: более высокие показатели взаимодействия с нематеринскими конспецификами и большее количество партнеров по взаимодействию предсказывают большее разнообразие жестов и интенсивность их использования¹⁰⁶.

Ввиду того что широкий коммуникативный репертуар и множественные проявления интенциональности являются, с точки зрения авторов мультикаузальной теории, фундаментальными свойствами языка, которые также присущи жестовым коммуникативным системам приматов, необходимо дальнейшее изучение данных систем с целью анализа эволюционного значения жестов для становления человеческого языка.

Еще одной характеристикой, которая, в соответствии с рядом исследований, присуща как жестовым коммуникативным системам приматов, так и вокализациям¹⁰⁷, является *референциальность (referentiality)*. На основе выработанных в лингвистике и философии языка атрибутов референции, можно выделить две основные категории последней, которые могут послужить теоретической основой для анализа мультимодальности коммуникативных систем приматов: *семантическая референция* и *референция говорящего*¹⁰⁸¹⁰⁹.

Семантическая референция (Semantic Reference) определяется языковой конвенцией и основывается на идее, что слова сами по себе «отсылают»: для

¹⁰⁵ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 533.

¹⁰⁶ См., например: Fröhlich M., Wittig R. M., Pika S. The ontogeny of intentional communication in chimpanzees in the wild // *Developmental Science*. 2018. Vol. 22, Issue 1.

¹⁰⁷ Референциальность в вокализациях приматов была определена в сигналах тревоги (например, местоположение и тип хищника), сигналах, связанных с качеством и количеством встречаемой пищи, доступности фертильных самок (см., например: Male Barbary macaques eavesdrop on mating outcome: a playback study // Pfefferle D. [et al.] // *Animal Behaviour*. 2008. Vol. 75, Issue 6. P. 1885–1891; Seyfarth R. M., Cheney D. L. Signalers and receivers in animal communication. P. 145–173).

¹⁰⁸ Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 6.

¹⁰⁹ Одним из первых, кто предложил различать данные типы референции, был американский философ С. Крипке (Kripke S. Speaker's reference and semantic reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, Issue 1. P. 255–276).

обозначения одного конкретного референта обычно используется определенное слово (например, Байкал, Кассиопея, Джомолунгма и т.д.). Данный тип референции характеризует восприятие слова вне жесткой привязки к контексту: референт определяется однозначно и не требует контекстуальных подсказок.

*Референция говорящего (Speaker's Reference)*¹¹⁰, с одной стороны, определяется контекстом и намерением автора высказываемого, с другой – предполагает также функционирование определенных когнитивных процессов: у говорящего должно быть очевидное для аудитории намерение «ссылаться», которое должно формировать представление слушающих о репрезентируемом референте, позволять делать о нем выводы и/или понимать значение того, о чем говорится, на основе сформированных ранее ассоциаций. Значение слов в данном случае бывает сложно установить в отрыве от контекста.

В биологических науках существует также функциональный подход к определению референции. Так, к примеру, М. Фролих с коллегами, ссылаясь на работу Дж. Македония и К. Эванса, отмечают, что функционально референтный сигнал должен быть «...вызван особым классом стимулов и способен вызывать поведение, адаптивное к таким стимулам в отсутствие контекстуальных сигналов»¹¹¹. Однако ввиду сложностей в определении когнитивных механизмов, фундирующих отмеченный процесс, а также в связи с наличием ряда эмпирических данных, свидетельствующих об отсутствии контекстуально не зависимых сигналов, данный подход может быть проблематичным.

В отношении жестовой коммуникации приматов выводы о её референциальном характере делаются, в большинстве своем, на основе

¹¹⁰ К примеру, такие исследователи коммуникации приматов, как К. Сиверс и Т. Грубер, считают, что именно референция говорящего, в силу её неконвенционалистской природы, представляет интерес для компаративистских исследований систем коммуникаций животных (Sievers C., Gruber, T. Reference in human and non-human primate communication: what does it take to refer? // *Animal Cognition*. 2016. Vol. 19. P. 759–768). В соответствии с такой трактовкой референцию можно определить как намерение сигнализатора «отослать» получателя к чему-то, обратить его внимание на что-то.

¹¹¹ Cit. by: Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 6.

данных об указательных (дейктических) жестах, которые иногда наблюдаются у человекообразных обезьян¹¹². Очевидно, однако, что для того чтобы однозначно оценить жесты приматов как референциальные, существующих на сегодняшний день данных недостаточно. К примеру, отсутствуют экспериментальные доказательства того, каким именно образом получателями обрабатываются референциальные сигналы (жесты) и действительно ли они являются таковыми.

Иконичность (Iconicity) также рядом исследователей признается в качестве одной из ключевых характеристик языка, которые также иногда обнаруживаются в жестовой коммуникации приматов¹¹³.

Иконичность можно определить как отношение подобия между знаком и объектом, на который данный знак указывает: структура знака позволяет определить его значение. Так, сторонники жестовой теории происхождения языка зачастую используют следующий аргумент в поддержку своих взглядов: «...вокализации были основаны на жестах из-за больших возможностей последних для *иконической продуктивности в визуальном пространстве* (курсив мой – Е.Б.), что очевидно проявляется в формах пантомимы»¹¹⁴. К примеру, эксперименты, проводившиеся при участии людей, подтверждают то, что жестовая коммуникация оказывается более эффективной с точки зрения скорости протекания и достижения успешного коммуникативного результата: иконический жест, передавая информацию о референте ввиду своего с ним сходства, предоставляет более точный способ определения

¹¹² См., например: Genty E., Zuberbühler K. Spatial reference in a bonobo gesture. P. 1601–1605; Hobaiter C., Leavens D. A., Byrne R. W. Deictic gesturing in wild chimpanzees (*Pan troglodytes*)? Some possible cases // *Journal of Comparative Psychology*. 2014. Vol. 128, Issue 1. P. 82–87; Lyn H., Russell J. L., Hopkins W. D. The impact of environment on the comprehension of declarative communication in apes // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, Issue 3. P. 360 – 365.

¹¹³ См., например: Douglas P. H., Moscovice L. R. Pointing and pantomime in wild apes? Female bonobos use referential and iconic gestures to request genito-genital rubbing // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. P. 1–9; Genty E., Zuberbühler K. Spatial reference in a bonobo gesture. P. 1601–1605.

¹¹⁴ Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 8.

референта при отсутствии языка¹¹⁵¹¹⁶. Последнее может свидетельствовать в пользу того, что ранняя коммуникация между людьми носила преимущественно жестовый характер.

Следует заметить, что в последнее время все чаще встречаются исследования, которые свидетельствуют в пользу иконического характера вокальной коммуникации между людьми¹¹⁷. Однако подобных доказательств нет в отношении вокализации животных, тогда как существуют следующие экспериментальные данные: несмотря на то, что обезьяны испытывают трудности со спонтанным пониманием иконических жестов, они усваивают их быстрее, чем произвольные жесты¹¹⁸. Ввиду отмеченного (в частности, в отношении коммуникации между людьми) можно предположить, что именно жест, обладая иконической природой, является более подходящим инструментом для создания ранних коммуникативных систем.

Еще одной характеристикой языка, которую стремятся обнаружить компаративисты в коммуникативных системах животных, является **комбинаторность (combinatoriality)**. Данное свойство можно определить как возможность образовывать из конечного числа дискретных коммуникативных единиц бесконечное число выражений с новым значением. Существуют эмпирические данные, подтверждающие, что, например, некоторые виды приматов и два вида птиц способны образовывать последовательности контекстно-зависимых вокальных сигналов, аналогичные комбинаторным структурам в языке¹¹⁹. При этом отсутствуют доказательства наличия

¹¹⁵ См., например: Bohn M., Call J., Tomasello M. Natural reference: ... P. 1–12; Creating a communication system from scratch: gesture beats vocalization hands down // Fay N. [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. P. 1–12.

¹¹⁶ К примеру, многие сигналы американского языка жестов (амслена) первоначально формировались как иконические представления объектов и действий и только со временем утрачивали сходства между своей формой и тем референтом, на который указывали (Goldin-Meadow S. The role of gesture in communication and thinking // *Trends in Cognitive Sciences*. 1999. Vol. 3, No. 11. P. 419–429).

¹¹⁷ См., например: Ellestrom L. Bridging the gap between image and metaphor through cross-modal iconicity. In A. Zirker, M. Bauer, O. Fischer and C. Ljungberg (eds.), *Dimensions of Iconicity*. Vol.15. Amsterdam.: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 167–190; Imai M., Kita S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 369, Issue 1651. P. 1–13; Perlman M. Debunking two myths against vocal origins of language... P. 376–401.

¹¹⁸ См., например: Bohn M., Call J., Tomasello M. Comprehension of iconic gestures ... P. 1–17.

¹¹⁹ См., например: Engesser S., Ridley A. R., Townsend S. W. Meaningful call combinations and compositional processing in the southern pied babbler // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of*

последовательностей, схожих с комбинаторной структурой языка, в жестовых сообщениях животных. Однако в невербальном коммуникативном поведении людей, за пределами языка жестов, комбинаторные последовательности обнаруживаются в большинстве своем в пантомиме (предполагающей скоординированные последовательности движений всего тела, кодирующие и передающие информацию независимо от языка и распознаваемые преимущественно посредством визуального канала восприятия)¹²⁰, а также среди отдельных, дискретных жестовых знаков (эмблем, домашних знаков), которые могут комбинироваться для формирования систематических составных сообщений¹²¹. Таким образом, на текущий момент остается дискуссионный вопрос о том, эволюционировал ли синтаксис человеческого языка постепенно от комбинаторных систем животных или образовался недавно в результате функционального изменения лингвистических операций¹²².

Поворот в разговоре (turn-taking) также признается ключевой особенностью языка, которую исследователи пытаются выявить в системах коммуникации животных. Поворот в разговоре представляет собой способ организации коммуникации, при котором реализуется совместный быстрый обмен репликами, обеспечивающий взаимопонимание и успешное осуществление совместных действий. У ряда представителей животного царства, таких как насекомые, лягушки, летучие мыши и в особенности приматы и птицы, были обнаружены акустические повороты – точная, стереотипная координация звуковых сигналов между двумя особями¹²³.

America. 2016. Vol. 113, No. 21. P. 5976–5981; Ouattara K., Lemasson A., Zuberbühler K. Campbell's monkeys use affixation to alter call meaning // PLoS One. 2009. Vol. 4, Issue 11. P. 1–7.

¹²⁰ См., например: Symbolic gestures and spoken language are processed by a common neural system. P. 20664–20669.

¹²¹ См., например: Goldin-Meadow S., Alibali M. W. Gesture's role in speaking, learning, and creating language. P. 257–283.

¹²² Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 10

¹²³ См., например: Bailey W. J. Insect duets: underlying mechanisms and their evolution // Physiological Entomology. 2003. Vol. 28, Issue 3. P. 157–174; Dahlin C. R., Benedict L. Angry birds need not apply: a perspective on the flexible form and multifunctionality of avian vocal duets // Ethology. 2014. Vol. 120, Issue 1. 1–10; Do temperature and social environment interact to affect call rate in frogs (*Crinia signifera*)? / Wong B. [et al] // Austral Ecology. 2004. Vol. 29, Issue 2. P. 209–214; Geissmann T., Orgeldinger M. The relationship between duet songs and pair bonds in siamangs,

Поворот же в жестовой коммуникации приматов изучался (и был обнаружен) только у человекообразных обезьян¹²⁴. В целом стоит заметить, что коммуникативные повороты могут проявляться как в вокальной, так и в жестовой модальности (а также в зрительной (направление взгляда), в движениях тела и его ориентации), что необходимо учитывать при оценке сложности коммуникативных систем животных и их эволюционной близости к человеческому языку. Исследователями было обнаружено также, что в вокальной коммуникации животных присутствуют гомологичные языку **разговорные правила**. В вокальной коммуникации приматов, например, были зарегистрированы *протограмматические правила* – морфо-синтаксис, выражающийся в возможности объединения звуковых вызовов при помощи суффиксов, которые могут отражать контекстуальные и социальные условия коммуникации¹²⁵.

Важный вклад в понимание эволюционных корней языка вносят компаративистские исследования в области нейробиологии. Одной из важнейших проблем в данной сфере является выявление **нейронной основы производства и обработки** жестов и вокализации у приматов. Так, к примеру, исследователями отмечается, что, вероятно, произвольность (добровольный контроль) производства коммуникативных сигналов требует участия *корковых структур мозга*¹²⁶.

В отношении нейронной основы жестового производства, следует заметить, что наиболее, как представляется, целостной является *гипотеза зеркальной системы* (the “mirror system hypothesis”), предложенная Дж. Ричцоллатти, Л. Фогасси и В. Галлезе в результате открытия зеркальных нейронов, разряжающихся как в процессе выполнения действий, так и в

Hylobates syndactylus // Animal Behaviour. 2000. Vol. 60, Issue 6. P. 805–809; Vernes S. C. What bats have to say about speech and language // Psychonomic Bulletin & Review. 2017. Vol. 24, Issue 1. P. 111–117;

¹²⁴ См., например: Frohlich M., Wittig R. M., Pika S. Play-solicitation gestures in chimpanzees in the wild: ... P. 1–16.

¹²⁵ См., например: Coye C., Zuberbühler K., Lemasson A. Morphologically structured vocalizations in female Diana monkeys // Animal Behaviour. 2016. Vol. 115. P. 97–105; Flexible use of simple and combined calls in female Campbell's monkeys / Coye C. [et al] // Animal Behaviour. 2018. Vol. 141. P. 171–181.

¹²⁶ Jurgens U. Neural pathways underlying vocal control // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2002. Vol. 26, Issue 2. P. 235–258.

процессе наблюдения за этими действиями, выполняемыми визами¹²⁷. Хотя точная роль последних в понимании людьми действий друг друга на данный момент не ясна, представляется, что тот факт, что зеркальные нейроны были обнаружены в мозговых структурах всех приматов¹²⁸, а также в связи с тем, что данные нейроны были обнаружены у обезьян в зоне F5, (премоторная кора), которая является гомологичной области языкового производства у людей¹²⁹, данную гипотезу следует принимать во внимание при анализе роли жестовых коммуникативных систем приматов в качестве возможных эволюционных источников языка.

В отношении полушарной специализации людей и приматов существуют исследовательские данные, в соответствии с которыми преимущественно в левом полушарии людей находятся «центры речи» – зона Брока (ответственная за производство речи) и зона Верника (ответственная за понимание речи) – гомологи которых также были обнаружены в мозговых системах человекообразных обезьян¹³⁰. Интересным представляется тот факт, что жестовая коммуникация обезьян является преимущественно правосторонней¹³¹, тогда как и в невербальной коммуникации людей правая рука также является ведущей, что справедливо для различных категорий жестов¹³².

¹²⁷ Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V. Neurophysiological mechanisms underlying the understanding and imitation of action // *Nature Reviews Neuroscience*. 2001. Vol. 2. P. 661 – 670.

¹²⁸ См., например: Tramacere A., Pievani T., Ferrari P. F. Mirror neurons in the tree of life: mosaic evolution, plasticity and exaptation of sensorimotor matching responses // *Biological Reviews*. 2017. Vol. 92, Issue 3. P. 1819–1841.

¹²⁹ См., например: Nishitani N., Hari R. Temporal dynamics of cortical representation for action // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2000. Vol. 97, No. 2. P. 913–918.

¹³⁰ См., например: Hopkins W. D., Nir T. Planum temporale surface area and grey matter asymmetries in chimpanzees (*Pan troglodytes*): the effect of handedness and comparison with findings in humans // *Behavioural Brain Research*. 2010. Vol. 208, Issue 2. P. 436–443; Symbolic gestures and spoken language are processed by a common neural system. P. 20664–20669; Wernicke's area homologue in chimpanzees (*Pan troglodytes*) and its relation to the appearance of modern human language / Spocter M. A. [et al] // *Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences*. Vol. 277, Issue 1691. P. 2165–2174.

¹³¹ См., например: A multifactorial investigation of captive chimpanzees' intraspecific gestural laterality / Prieur J. [et al] // *Animal Behaviour*. 2016. Vol. 116. P. 31–43; Meunier H., Fizet J., Vauclair, J. Tonkean macaques communicate with their right hand // *Brain and Language*. 2013. Vol. 126, Issue 2. P. 181–187.

¹³² См., например: Corina D. P., Vaid J., Bellugi U. The linguistic basis of left hemisphere specialization // *Science*. 1992. Vol. 255, Issue 5049. P. 1258–1260; Saucier D. M., Elias L. J. Lateral and sex differences in manual gesture during conversation // *Laterality*. 2001. Vol. 6, Issue 3. P. 239–245; The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 531–554; Vauclair J., Imbault J. Relationship between manual preferences for object manipulation and pointing gestures in infants and toddlers // *Developmental Science*. 2009. Vol. 12, Issue 6. P. 1060–1069.

Стоит добавить, что на основе ряда нейробиологических данных¹³³ М. Фролих и её коллеги предполагают, что мозговые структуры¹³⁴, которые участвуют в производстве и обработке вокальных и визуально-жестовых сигналов, сильно пересекаются: например, действия рта и рук контролируются тесно связанными мозговыми системами. Более того, исследовательские данные в отмеченной области позволяют сделать вывод о том, что коммуникация как приматов, так и людей, является мультимодальной: одновременные коммуникативные сигналы разных модальностей предполагают функционирование тесно интегрированных систем мозга.

Выше уже было отмечено, что количественные и качественные показатели социального опыта оказывают влияние на развитие коммуникативных систем приматов. Данный аспект также играет существенную роль при оценке *онтогенетической пластичности* – способности производить, использовать, воспринимать и обрабатывать сигналы в зависимости от различных социоэкологических условий. Обобщая ряд данных, можно сделать вывод, что в отношении как вокальных, так и жестовых сигналов существующие исследовательские наработки свидетельствуют о том, что структура и морфология отмеченных сигналов, вероятно, генетически обусловлена (носит врожденный характер)¹³⁵. Однако развитие данных коммуникативных модальностей является достаточно гибким: различные социальные обстоятельства (коммуникативный контекст, партнеры по коммуникации, членство в группе и т.д.) и накопленный индивидуальный социальный опыт могут оказывать существенное влияние на

¹³³ См. подробнее: Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 10–11.

¹³⁴ Как отмечает М. Фролих, наибольший интерес для оценки мультимодальности языка и коммуникативных систем приматов представляет префронтальная кора (*The prefrontal cortex (PFC)*), в которой располагаются важнейшие для понимания функционирования языка области, например, зона Брока.

¹³⁵ См., например: Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*) ... P. 527–546; Graham K. E., Furuichi T., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild bonobo (*Pan paniscus*): a mutually understood communication system // *Animal Cognition*. 2017. Vol. 20, Issue 2. P. 171–177.

характеристики сигнализации¹³⁶¹³⁷. В целом, сегодня определение роли обучения и социального опыта как никогда является важнейшей задачей в исследованиях коммуникативных систем животных и человека¹³⁸.

Стоит заметить, что данные современных исследований свидетельствуют в пользу того, что эволюцию языка необходимо рассматривать как развитие мультимодальной коммуникации, и выделение сугубо одной стадии, предшествовавшей языку, будь то жесты или вокальные выкрики, сегодня уже не представляется релевантным. Однако для целей текущего диссертационного исследования, где оцениваются когнитивно-коммуникативные функции жестов, необходимо отметить, что последние являются полноценными компонентами коммуникации как человека, так и приматов, ввиду чего заслуживают отдельного исследовательского внимания, в том числе с точки зрения их роли в познавательных процессах. Представляется, однако, что исследования коммуникативных систем приматов не затрагивали проблему значения жестовой коммуникации в решении задач. К примеру, в тех работах, которые были изучены автором диссертационного исследования, не было ни одного упоминания о том, реализовывались ли наблюдение (или организация эксперимента) за поведением отдельных особей, вне их сугубо коммуникативных отношений с другими, и оценивалось ли их жестовое поведение (и были ли вообще задокументированы жесты) с точки зрения решения задач (например, добыча пищи, исследование местности).

В целом представляется необходимым кратко рассмотреть, какие существуют трудности при исследовании коммуникативных систем человека и приматов.

¹³⁶ См., например: Cheney D. L., Seyfarth R. M. Flexible usage and social function in primate vocalizations // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. Vol. 115, No. 9. P. 1974–1979; Fröhlich M., Wittig R. M., Pika S. The ontogeny of intentional communication in chimpanzees in the wild ...

¹³⁷ Отмеченное исследование М. Фролих, Р.М. Виттинга и С. Пика было первым, где оценивалось развитие интенциональной коммуникации шимпанзе с использованием мультимодального подхода.

¹³⁸ Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 12.

Так, остается открытым вопрос о том, как *взаимосвязаны между собой вокальная и жестовая модальности*, а также какие они претерпели изменения от состояния предковых форм до современного человеческого языка.

Следует отметить, что сам *термин «жест» определяется в различных исследованиях по-разному*, однако исследовательские выводы экстраполируются на одну и ту же предметную область. Так, жест может трактоваться как сугубо «ручной»¹³⁹ или же определяться максимально широко, предполагая движения и позы всего тела, что может придавать «несоразмерность» тем заключениям, к которым приходят исследователи в отношении роли жестов в коммуникации приматов¹⁴⁰.

Очевидно также, что *жесты человека и приматов имеют ряд различий*. К примеру, в коммуникативных системах животных отсутствуют ко-речевые (сопровождающие речь) жесты, которые являются наиболее изученным компонентом (не)вербальной человеческой коммуникации. Однако, как свидетельствуют современные данные, в репертуаре обезьян присутствует весомая доля жестов, используемых детьми¹⁴¹.

Между словами, используемыми людьми, и вокализациями приматов также существуют значительные различия (что справедливо в отношении морфологии сигналов, их фонетической организации, принципов комбинаторности, добровольного контроля над производством сигналов т.д.).

Как отмечает М. Фролих с коллегами, произошел «*эволюционный переход*» между *доминирующими модальностями в общении*. Существующие на сегодняшний день данные свидетельствуют о том, что, вероятно, именно жесты, ввиду их богатого репертуара, зависящего от социального контекста, и высокой частоты использования, являются основным средством коммуникации человекообразных обезьян на близком расстоянии. Тогда как в

¹³⁹ См., например: Premack A. J., Premack D. Teaching language to an ape // Scientific American. 1972. Vol. 227, No. 4. P. 92–99.

¹⁴⁰ Fröhlich M., Hobaiter C. The Development of Gestural Communication in Great Apes // Behavioral Ecology and Sociobiology. 2018. Vol. 72, No. 12. P. 1–14.

¹⁴¹ См., например: A gestural repertoire of 1- to 2-year-old human children: in search of the ape gestures / Kersken V. [et al] // Animal Cognition. 2018. Vol. 22, Issue 4. P. 577–595.

отношении человеческой коммуникации справедливо противоположное: жесты дополняют и уточняют вербальное сообщение и не могут полноценно использоваться автономно¹⁴². Так или иначе, тесная связь между вокализацией и жестами как компонентами мультимодальной коммуникации очевидна: движения рта, предполагающиеся во время речи, динамически интегрированы как с ручными жестами, так и с другими движениями тела¹⁴³.

Таким образом, как жестовая, так и вокальная коммуникация приматов обладает характеристиками, которые свойственны языку человека: растущее число данных эмпирических исследований подтверждает тезис о мультимодальном характере как коммуникативных систем животных, так и человеческой коммуникации. При этом интерес с точки зрения исследования эволюционных предпосылок становления языковой компетенции человека представляют как вокализации, так и жесты животных и, в частности, приматов, коммуникативные системы которых по ряду параметров являются наиболее близкими к человеческому языку. В частности, жестовые коммуникативные системы обезьян (в первую очередь, человекообразных¹⁴⁴) предполагают *большое разнообразие жестов*, которые могут *гибко* использоваться в зависимости от социоэкологических параметров и функциональных контекстов. Особую важность представляют данные, свидетельствующие о *намеренном характере* жестовой коммуникации, её *интенциональной природе*, которая также фундирует общение между людьми. В пользу вариативных проявлений интенциональности жестовой коммуникации обезьян свидетельствует гибкое использование жестов последними, чувствительность и приспособление жестов к вниманию воспринимающего сигнал, коммуникативная настойчивость к достижению социальной цели. Ведущая роль левого полушария в жестовой коммуникации

¹⁴² Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations... P. 14.

¹⁴³ См., например: Gentilucci M., Corballis, M. C. From manual gesture to speech: a gradual transition // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2006. Vol. 30, P. 949–960.

¹⁴⁴ Дж. Колл и М. Томаселло, осуществив анализ данных о жестовом репертуаре четырех человекообразных обезьян, сиамангов и берберских макак, пришли к выводу, что, как минимум, половина репертуара каждого вида соответствует человеческим жестам (The gestural communication of apes and monkeys // Call J., Tomasello M. (eds.). 1st Edition. London: Psychology Press Ltd. 256 p.).

приматов также свидетельствует в пользу важнейшей эволюционной роли последней в становлении мультимодальной человеческой коммуникации. При этом представляется продуктивным с точки зрения дальнейшего анализа роли жестов в когнитивно-коммуникативных процессах приматов выработать теоретико-методологическую и организационную основу исследований, позволяющих оценить функции жестов не только в коммуникативных взаимодействиях между обезьянами, но в процессах когнитивного анализа последними социоэкологической информации и выработки определенного типа реагирования и модели поведения.

Выводы по параграфу

В параграфе были рассмотрены следующие характеристики жестовой коммуникации приматов, которые свойственны человеческому языку и, вероятно, фундируют его возникновение: интенциональность, референциальность, наличие разговорных правил, иконичность, поворот в разговоре, комбинаторные способности, онтогенетическая пластичность (см. Приложение 2). Было определено, что данные характеристики присущи и вокализациям обезьян: современные исследования свидетельствуют в пользу того, что как коммуникативные системы животных, так и человеческий язык являются мультимодальными. Ввиду чего эволюцию языка целесообразно рассматривать как развитие мультимодальной коммуникативной системы. Важную роль в отмеченном процессе, наряду с такими коммуникативными компонентами, как вокальные сигналы, оро-лицевая мимика, движения всего тела и т.д., играют жесты. Исследования жестовых коммуникативных систем приматов (и, в первую очередь, человекообразных обезьян) демонстрируют, что жесты обезьян не только обладают широким репертуаром и могут вариативно использоваться в зависимости от различных параметров социально-коммуникативной ситуации, но и являются интенциональными. Отмеченная характеристика также является системообразующей для процессов человеческого социального познания, языковых практик и иных совместных культурных предприятий.

В пользу вариативной интенциональной природы жестов обезьян свидетельствуют: широкий репертуар жестов, чувствительность к состоянию внимания реципиента (воспринимающего сигнал), коммуникативная настойчивость в достижении социальной цели.

В параграфе было отмечено, что частота использования жестов и богатство жестового репертуара во многом зависят от индивидуального социального опыта особи: различные социальные обстоятельства (коммуникативный контекст, партнеры по коммуникации, членство в группе и т.д.), частота и интенсивность социальных взаимодействий могут оказывать существенное влияние на характеристики как вокальной, так и жестовой сигнализации.

Было определено, что гибкое использование жестов, широкий репертуар и иконическая продуктивность последних в визуальном пространстве определяют доминирующий статус жестовой коммуникации обезьян на близком расстоянии. Последнее, в свою очередь, дает основание для дальнейшего исследования жестов приматов на предмет их эволюционного значения в качестве переходного этапа в становлении человеческих коммуникативных систем.

Наряду с перечисленными характеристиками, жесты приматов преимущественно являются правосторонними и находятся под контролем левого полушария, где были обнаружены гомологичные языковым центрам в мозгу человека области. При этом в мозгу приматов также были обнаружены зеркальные нейроны, которые разряжаются в ответ на раздражители, связанные именно с действиями (манипуляторными практиками). Данные нейроны, «...участвующие в производстве и восприятии зрительно-жестовых действий и oro-лицевого общения, расположены в области F5, которая гомологична области производства языка у людей»¹⁴⁵.

Таким образом, материал, изложенный в параграфе, свидетельствует в пользу мультимодальной природы как человеческой коммуникации, так и

¹⁴⁵ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 540.

коммуникативных систем приматов. И вокальные сигналы, и жесты (а также оро-лицевая мимика, направление взгляда и т.д.) играют важную роль в процессах передачи информации как в сообществах обезьян, так и в человеческих коллективах. Особую значимость в отмеченных процессах играют социальные факторы, которые оказывают влияние на интенсивность, частоту, структурно-функциональные характеристики и ведущую модальность сигналов. При этом одним из возможных эволюционных предшественников человеческого языка может быть жест (преимущественно, человекообразных обезьян), который является, в соответствии с современными данными, основным коммуникативным инструментом в общении обезьян на близком расстоянии ввиду широкого жестового репертуара, гибкого использования жестов, а также иконической природы последних, позволяющей максимально быстро определить и оценить параметры объекта, о котором идет речь в сообщении. Ввиду отмеченного дальнейшее изучение жеста как одного из центральных компонентов коммуникации как между людьми, так и в сообществах обезьян представляется продуктивным с точки зрения, с одной стороны, определения эволюционного вклада жестовой коммуникации в становление человеческого языка, с другой – выявления и оценки самоориентированных функций жестов в процессах познания и коммуникации. Представляется, что для достижения отмеченных целей целесообразно определить, каким образом приматы приобретают способность к жестовой коммуникации. Данный аспект будет рассмотрен в следующем параграфе.

1.3. Истоки жестовой коммуникации приматов

Рассмотренные в предыдущем параграфе доказательства в пользу мультимодальности коммуникативных систем приматов и человеческой коммуникации фундируют исследовательский интерес текущего диссертационного исследования в отношении такого коммуникативного компонента, как жест, который, наряду с вокальными сигналами, оро-лицевой мимикой, направлением взгляда и позами тела, является важнейшим звеном информационного обмена как в сообществах обезьян, так и в человеческих коллективах. Более того, схожесть ряда характеристик жестовой коммуникации приматов с человеческим языком свидетельствует в пользу эволюционного значения жестов в становлении языковой компетенции человека. В силу того, что жесты приматов и, в частности, человекообразных обезьян, обладают широким репертуаром, вариативно используются в зависимости от различных параметров коммуникативной ситуации, а также являются иконически продуктивными и в большей степени подконтрольными левому полушарию мозга, где находятся гомологичные языковым областям в мозгу человека зоны и локализуются зеркальные нейроны, исследование жестов представляет особую значимость с точки зрения оценки их когнитивно-коммуникативной роли в процессах мультимодальной коммуникации. Представляется, что для того, чтобы полноценно исследовать отмеченный вопрос, необходимо определить, каким именно образом приматы научаются жестикуляции: как и почему жест становится одной из ключевых (а в некоторых обстоятельствах – доминирующей) модальностей коммуникативного взаимодействия.

Как было отмечено выше, одним из определяющих для текущего диссертационного исследования теоретико-методологических оснований является мультикаузальная теория происхождения языка, авторами которой являются Ж. Приер, С. Барбу, К. Блуа-Хойлен и А. Лемассон¹⁴⁶. В рамках

¹⁴⁶ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 531–554.

данной теории авторы оценивают механизмы, которые фундируют возникновение жестов у обезьян. Как представляется, авторам удалось, на основе анализа внушительного количества эмпирических данных, комплексно и систематично охарактеризовать отмеченные механизмы, ввиду чего видится возможным изложить в текущем параграфе основные постулаты в отношении того, как у приматов возникла жестовая коммуникация, базируясь преимущественно на материале, предложенном авторами мультикаузальной теории происхождения языка.

Предваряя раскрытие отмеченной темы, следует отметить, что все человекообразные обезьяны¹⁴⁷ используют жесты, которые, как уже было отмечено в предыдущем параграфе, наиболее эффективны при общении на близком расстоянии, в частности, в диадическом взаимодействии, предполагающим стремление сигнализатора достичь определенной цели посредством общения с партнером. Жесты при этом могут использоваться для инициации ухаживания, приглашения к игре, в качестве требования дать пищу и т.д.¹⁴⁸ Так или иначе, практически все виды повседневных социальных взаимодействий между человекообразными обезьянами «пронизаны» жестовой коммуникацией¹⁴⁹.

Ж. Приер совместно с коллегами выделяет четыре основных механизма, лежащих в основе возникновения жестов:

– *филогенетическая ритуализация (phylogenetic ritualisation)* – это процесс, предполагающий возникновение коммуникативных сигналов из движений тела, изначально не обладающих коммуникативной функцией ввиду их заимствования из других социальных контекстов. Опираясь, в частности, на исследования Кэтрин Хобейтер и Ричарда Бирна, авторы МТЯ отмечают,

¹⁴⁷ Естественное коммуникативное взаимодействие именно между человекообразными обезьянами как ближайшими, живущими ныне «родственниками» человека, было основным предметом сравнительных исследований, посвященных анализу процессов овладения жестами в сообществах приматов (см., например: Hobaiter C., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild chimpanzee // *Animal Cognition*. 2011. Vol. 14. P. 747–767; Perlman M., Tanner J. E., King B. J. A mother gorilla's variable use of touch to guide her infant: insights into inconity and the relationship between gesture and action. In Pika S., Liebal K. (eds.), *Current developments in primate gesture research*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 55–71).

¹⁴⁸ A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 2.

¹⁴⁹ Fröhlich M., Hobaiter C. The Development of Gestural Communication in Great Apes. P. 1.

что большинство жестов человекообразных обезьян являются *врожденными*. В свою очередь, использование жестов вариабельно (*flexible*) в разных контекстах, однако в отношении формы жесты не претерпевают изменений, что обуславливает высокую степень согласованности внутри группы конспецификов. При этом из первоначально большого репертуара врожденных жестов формируется индивидуальный набор последних, который является наиболее «продуктивным» для каждой отдельной особи¹⁵⁰.

Механизм филогенетической ритуализации был определен еще в работах Ч. Дарвина, который одним из первых проявил интерес к выражениям эмоций у человека и животных¹⁵¹, а также к процессам обучения, опосредующим отмеченные явления (а также лежащим в основе различных видов сигнализации, в том числе жестовой)¹⁵². Эволюционно сигналы, которые, как было отмечено выше, заимствуются из других контекстов, которые предполагают определенное эмоциональное содержание, предоставляют преимущества как для тех, кто обучился их воспроизводству, так и для тех, кто научился их наиболее быстро и точно распознавать. Как предполагают некоторые исследователи (к примеру, уже упоминаемый Р. Бирн и другие ученые, входящие в состав исследовательских групп Сент-Эндрюсского университета¹⁵³ – специалисты Центра социального обучения и когнитивной эволюции, Школы психологии и нейронауки и т.д.), жестовые репертуары различных видов человекообразных обезьян являются типичными («жестко генетически запрограммированными») как для вида, так и для семейства, что, в свою очередь, предсказывает постоянство формы воспроизводимых жестов на протяжении всего развития¹⁵⁴. И в силу того, что имеются значительные совпадения жестовых репертуаров среди всех

¹⁵⁰ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 535.

¹⁵¹ Книга Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (*The Expression of the Emotions in Man and Animals*) впервые была опубликована в 1872 году.

¹⁵² Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с.

¹⁵³ Ознакомиться с исследованиями на базе Сент-Эндрюсского университета в отмеченных областях и не только можно на сайте: <https://risweb.st-andrews.ac.uk/portal/en/>

¹⁵⁴ См., например: Hobaiter C., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild chimpanzee. P. 747–767.

человекообразных обезьян, филогенетическое происхождение их жестовых коммуникативных систем является сравнительно древним¹⁵⁵.

При этом имеются данные, свидетельствующие о том, что, к примеру, более естественный состав групп горилл (в частности, в естественной среде обитания) предполагает наличие большего разнообразия в использовании жестов¹⁵⁶. Отмеченное демонстрирует значение социальной среды с точки зрения особенностей жестового воспроизводства.

– *онтогенетическая ритуализация*¹⁵⁷ (*ontogenetic ritualisation*) – это процесс, в ходе которого коммуникативный сигнал образуется двумя коммуникантами, которые приспособливают свое поведение друг под друга при повторяющихся взаимодействиях с течением времени, при этом имеет место постепенное сокращение последовательности действий при производстве сигнала. Иными словами, это процесс, предполагающий трансформацию существующего действия (его *ритуализацию*) в ходе повторяющихся практик взаимодействия между индивидами в коммуникативный жест¹⁵⁸.

В пользу данного механизма свидетельствует наличие у обезьян идиосинкразических жестов (жесты, которые используются конкретными особями в группе), а также высокая вариабельность использования жестов между группами различных видов обезьян и даже внутри диад (это касается самок-матерей и детенышей бонобо)¹⁵⁹. Критика же в отношении данной гипотезы преимущественно связана со следующими обстоятельствами: нет

¹⁵⁵ Great ape gestures: intentional communication with a rich set of innate signals / Byrne R.W. [et al] // *Animal Cognition*. 2017. Vol. 20. P. 755–769.

¹⁵⁶ См., например: Pika S., Liebal K., Tomasello M. Gestural communication in young gorillas (*Gorilla gorilla*): gestural repertoire, learning and use // *American Journal of Primatology*. 2003. Vol. 60, Issue 3. P. 95–111.

¹⁵⁷ Онтогенетическая ритуализация была первой формальной гипотезой в отношении восприятия и овладения жестами, и предложена она была в работах М. Томаселло и его коллег (The learning and use of gestural signals by young chimpanzees: a transgenerational study / Tomasello M. [et al] // *Primates*. 1994. Vol. 35. P. 137–154; Tomasello M. Cultural transmission in the tool use and communicatory signalling of chimpanzees. In Parker S.T., Gibson K. R. (eds.), *Language and intelligence in monkeys and apes: comparative developmental perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 274–311).

¹⁵⁸ М. Фролих и С. Пика, анализируя данную гипотезу, отмечают, ссылаясь на работы таких авторов, как Дж. Г. Мид и Л. С. Выготский, что иначе она трактуется рядом исследователей как *конвенционализация* (Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes: the Social Negotiation Hypothesis // *Animal Cognition*. 2019. Vol. 22. P. 555).

¹⁵⁹ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 536.

ясности, какие именно параметры исходного действия становятся основой жеста; остается открытым вопрос, возникают ли жесты сугубо от действий, лишенных коммуникативной функции; как особи, обладая идиосинкразическим набором жестов, научаются понимать внутригрупповых сородичей и как сами могут эффективно донести до них сигнал¹⁶⁰.

В целом, можно сказать, что филогенетическая ритуализация и онтогенетическая ритуализация – это два полиса, к которым тяготеют те или иные исследовательские наработки в отношении происхождения жестов у обезьян, ставящие во главу угла при анализе вариаций форм жестов генетику (жесты как биологически унаследованные формы коммуникации) или индивидуальный опыт (жесты как ритуализованные повторяющиеся действия, приобретенные в процессе онтогенеза). Важно отметить, что в независимости от того, каким именно способом реализуется приобретение жестов, последнее возможно только в ходе повторяющихся социальных взаимодействий, которые «...необходимы для того, чтобы обезьяны получили общее понимание того, как использовать свои жесты, будь то значение жеста или более тонкие нюансы контекста или времени»¹⁶¹. В целом, наряду с отмеченными выше исследовательскими ориентирами, можно сказать также, что ученые, изучающие жестовые коммуникативные системы приматов, изначально проводили различие между индивидуальными и социальными процессами овладения жестами¹⁶².

– *социальное обучение/передача через имитацию (social learning/transmission via imitation)* – это процесс, в рамках которого овладение жестами реализуется посредством подражательного научения. Данный процесс возможен в условиях взаимодействия обезьян в рамках одной группы, где последние понимают коммуникативное намерение жестикулирующей особи и могут имитировать её роль, воспроизводя идентичный жест и имея

¹⁶⁰ См., например: Great ape gestures: intentional communication with a rich set of innate signals. P. 755–769; Liebal K., Call J. The origins of non-human primates' manual gestures // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2012. Vol. 367, Issue 1585. P. 118–128.

¹⁶¹ A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 11.

¹⁶² Fröhlich M., Hobaiter C. The Development of Gestural Communication in Great Apes. P. 4.

аналогичное коммуникативное намерение. В соответствии с данной гипотезой, должна присутствовать высокая степень согласованности репертуаров жестов внутри групп и низкая – между группами (см. Приложение I)¹⁶³.

Ж. Приер и его коллеги акцентируют внимание на значимости данного механизма в отношении людей, однако, ссылаясь на ряд свидетельств, высказывают предположение о минимальной значимости подражания¹⁶⁴ в процессе овладения жестами большими человекообразными обезьянами ввиду отсутствия у последних групповых жестов;

– *социальные переговоры (social negotiation)* – это процесс, предполагающий совместное конструирование жестов в реальном времени и придание им общего для коммуницирующих смысла. В пользу данного механизма свидетельствуют следующие данные¹⁶⁵: различные показатели согласованности жестов внутри диад мать-детеныш, внутри групп и между группами, иллюстрирующие изменчивость и гибкость жестовых взаимодействий шимпанзе; способность детенышей шимпанзе видоизменять свои жестовые сигналы (в частности, в ходе социальной игры) в зависимости от характеристик конспецифика (пол, возраст, родственные связи); влияние опыта социальных взаимодействий детенышей шимпанзе с нематеринскими конспецификами на количественные и качественные характеристики их

¹⁶³ Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes: the Social Negotiation Hypothesis. P. 554.

¹⁶⁴ Текущую исследовательскую неэффективность гипотезы социального обучения через имитацию подтверждают также данные в отношении использования жестов детенышами человекообразных обезьян: детеныши шимпанзе и бонобо имеют более схожий жестовый репертуар в особыми соответствующего возраста, чем с матерями (Schneider C., Call J., Liebal K. Onset and early use of gestural communication in non-human great. P. 102–113). При этом характер жестов в диадах детеныш-мать является односторонним: жесты матери адресуются детенышу, при этом последний не воспроизводит данный жест по отношению к матери (см., например: Halina M., Rossano F., Tomasello M. The ontogenetic ritualization of bonobo gestures // *Animal Cognition*. 2013. Vol. 16. P. 653–666).

¹⁶⁵ Ж. Приер и его коллеги основывают свои выводы в отношении гипотезы социальных переговоров, ссылаясь на данные, полученные Марлен Фрелих, Симоной Пика и Романом Виттингом результате исследований жестовой коммуникации шимпанзе (см., например: Fröhlich M., Wittig R. M., Pika S. Play-solicitation gestures in chimpanzees in the wild ... P. 1–16).

жестового репертуара¹⁶⁶; взаимное приспособление и обмен поведенческими моделями между конспецификами в процессе жестовой коммуникации¹⁶⁷.

История становления гипотезы социальных переговоров связана с исследованиями, проведенными психологом Ф. Плом в 70-80-х гг. прошлого столетия, который впервые сформулировал отмеченную гипотезу¹⁶⁸. При этом теоретической основой последней в некотором смысле являются, с одной стороны, построения Л. Витгенштейна, где коммуникативные акты (в том числе жестовые) рассматриваются как результат совместного конструирования, совместного понимания смыслов взаимодействующими в определенной практической ситуации, с другой – теория речевых актов Дж. Остина, которая в дальнейшем была расширена Э. Бейтс и применена к коммуникативным актам в целом¹⁶⁹. В соответствии с данной теорией, устное речевое сообщение может рассматриваться как перлокутивный или иллокутивный акт. Перлокутивный речевой акт предполагает осуществление коммуникации ввиду того, что получатель сообщения умело идентифицирует и интерпретирует поведение отправителя (например, агрессию, испуг, интерес), тогда как последний сигнализирует перлокутивно без намерения общаться. Иллокутивный речевой акт воспроизводится в ситуации совместного внимания, предполагает наличие двух и более участников, когда сигнализатор понимает, что его поведение и/или сигнал может использоваться для манипулирования окружающими и привести к определенному результату¹⁷⁰. Так, Ф. Плой утверждал, что, подобно общению человеческих младенцев, в коммуникации шимпанзе реализуется переход между перлокутивными и иллокутивными актами в возрасте 9-12 месяцев, когда

¹⁶⁶ Стоит отметить, что важность опыта социальных взаимодействий подтверждается при анализе языкового развития детей и их способностей понимать ментальное состояние другого (теория разума). Чем больше братьев и сестер имеет ребенок, тем выше уровень его социального интеллекта и совершеннее навыки понимания психического состояния визави: дети с большим количеством братьев и сестер успешнее справляются с тестами на ложные убеждения (Garfield J. L., Peterson C. C., Perry, T. Social Cognition, Language Acquisition and The Development of the Theory of Mind // *Mind & Language*. 2001. Vol. 16. P. 494-541).

¹⁶⁷ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 536.

¹⁶⁸ См., например: Plooi F. X. Some basic traits of language in wild chimpanzees? P. 111–131.

¹⁶⁹ Bates E., Camaioni L., Volterra V. The acquisition of performatives prior to speech // *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*. 1975. Vol. 21, No. 3. P. 205–226.

¹⁷⁰ Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 556.

детеныши научаются не только поддерживать, но и *инициировать* взаимодействие (например, игру) при использовании сигналов, которые были «конвенционализированы» в предшествующих социальных взаимодействиях: жесты шимпанзе не носят сугубо врожденный характер с заранее заданной, не изменяемой формой, а могут развиваться и видоизменяться в процессе социального взаимодействия на протяжении всего онтогенеза¹⁷¹.

Необходимо отметить, что в ходе первого систематического количественного сравнения развития жестов у двух разных подвидов шимпанзе¹⁷², осуществленного С. Пика и М. Фролих¹⁷³, было продемонстрировано, что различные модели поведения обезьян: могут использоваться в коммуникативных целях, *передают определенное значение, связанное с конкретным социальным контекстом* (где жест может рассматриваться как подверженная изменениям онлайн-настройка), *создаются для достижения определенных целей*.

Авторы, на основе исследований коммуникативных взаимодействий между шимпанзе, пришли к выводу, что ни филогенетическая, ни онтогенетическая ритуализации не могут полноценно объяснить процесс приобретения жестов у шимпанзе. Во-первых, жесты не представляют собой устойчивые, полностью сформированные средства коммуникации, а обладают широкой вариативностью в отношении ряда параметров (размер, ориентация, интенсивность исполнения и т.д.), которые зависят не только от особенностей

¹⁷¹ См., например: Plooi F. X. How wild chimpanzee babies trigger the onset of mother–infant play – and what the mother makes of it. In Bullova M. (ed.), Before speech: the beginning of interpersonal communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 223–243; Idem. Some basic traits of language in wild chimpanzees? P. 111–131.

¹⁷² Оценивались преимущественно следующие коммуникативные контексты взаимодействия шимпанзе в диадах самка-детеныш: совместное питание, совместное путешествие самки-матери и её детеныша, социальная игра (Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 556). К примеру, исследователями было обнаружено, что по мере взросления детенышей как последние, так и их самки-матери используют в общении между друг другом меньше тактильных (преобладающих в раннем младенчестве и предполагающих физический контакт с получателем) и больше визуальных жестов (которые не предполагают физический контакт и постоянное звуковое сопровождение) при инициации совместного путешествия: с течением времени детеныши все меньше проводят времени с матерями, сокращая с последними физический контакт, становятся более мобильными и научаются применять интенциональные сигналы для манипулирования вниманием сородичей без непосредственного физического контакта с последними (Ibid. P. 557). Стоит добавить, что М. Фролих и С. Пика исследовали не только взаимодействие самок с их детенышами, но и коммуникацию детенышей с нематеринскими конспецификами, чтобы оценить влияние опыта социальных взаимодействий на процесс овладения жестами.

¹⁷³ Ibid.

(в частности, анатомических) вида, но и от социоэкологических условий (общение на короткие и дальние расстояния, возможности получателя и т.д.). Во-вторых, производство жестов не обязательно предполагает сокращение последовательности действий (как гласит гипотеза онтогенетической ритуализации), а, скорее, подразумевает воспроизводство полностью сформированного в ходе повторяющихся социальных обменов с партнерами поведения. В ходе социального взаимодействия, обмениваясь с партнерами моделями поведения, в процессе онлайн-настройки особи научаются взаимно идентифицировать, понимать и использовать эти модели как коммуникативные инструменты для передачи информации и достижения определенных целей. При этом сигнализаторы, находясь в определенном социальном контексте, обучаются оценивать влияние последнего, предполагающего различные социальные конфигурации ситуации, на значение жестовых сигналов и на достижение того или иного результата. Как предполагают С. Пика и М. Фролих, взаимное формирование значения и результата жестового сообщения в ходе взаимодействия в режиме реального времени – *социальные переговоры* – играют решающую роль в производстве и передаче коммуникативного смысла между человекообразными обезьянами¹⁷⁴.

В отмеченном исследовании С. Пика и М. Фролих также обосновывается важнейшая роль опыта социальных взаимодействий в освоении жестов. Оценивая коммуникацию детенышей двух видов шимпанзе с нематеринскими конспецификами (преимущественно в контексте социальной игры), авторы пришли к выводу, что как демографические показатели (пол, возраст), так и характеристики социального контекста имеют значение при формировании жестовых коммуникативных систем человекообразных обезьян. К примеру, детеныши мужского пола использовали больше тактильных жестов, нежели детеныши-девочки¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 558.

¹⁷⁵ Ibid.

Вероятно, ввиду того что тактильные жесты являются более физически эффективными, для особей мужского пола они представляют особую важность с точки зрения потенциальной демонстрации силы. В исследовании, проведенном Э. Лонсдорф совместно с коллегами, также были приведены свидетельства в пользу важности социального опыта для молодых самцов шимпанзе для приобретения статуса доминирования в более зрелом возрасте: молодые особи мужского пола более активно и вариативно принимали участие в социальных играх, имели более разнообразную сеть социальных партнеров, активнее вступали в контакт с взрослыми самцами¹⁷⁶.

Богатый социальный опыт, количество и разнообразие социальных партнеров в целом благоприятно сказывается на развитии жестовой коммуникации: частота использования жестов и богатство жестового репертуара положительно коррелирует с наличием у особи в раннем возрасте контактов с сородичами¹⁷⁷ (но не с матерями)¹⁷⁸. Так, сложный социальный контекст является эффективной площадкой для процессов ранней социализации и коммуникативного развития, в силу того что большее количество социальных контактов предполагает разнообразие социально-коммуникативных ситуаций, и, как следствие, вариативность испытываемых и наблюдаемых реакций. В процессе повторяющихся социальных взаимодействий человекообразные обезьяны научаются общаться при помощи жестов, и чем более разнообразны будут эти взаимодействия, тем богаче будет жестовый репертуар. Тем самым социальное окружение предоставляет ту информацию, которая является необходимой для формирования коммуникативных навыков¹⁷⁹. При этом следует добавить, что

¹⁷⁶ Sex Differences in Wild Chimpanzee Behavior Emerge during Infancy / Lonsdorf E. V. [et al] // PLoS ONE. 2014. Vol. 9, Issue 6. P. 1–9.

¹⁷⁷ В более раннем исследовании С. Пика и М. Фролих совместно с коллегами обнаружили также, что количество типов жестов, используемых детенышами шимпанзе (в возрасте от 9 до 69 месяцев), увеличивалось с ростом числа партнеров по взаимодействию в предыдущий месяц жизни (Gestural development of chimpanzees in the wild ... P. 271–282). На основе этих данных можно сделать вывод, что социальное окружение оказывает значительное влияние на коммуникативное становление шимпанзе на раннем этапе развития.

¹⁷⁸ Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 559.

¹⁷⁹ Ibid. P. 560.

мультимодальные комбинации сигналов «...могут быть частью процесса обучения при коммуникативном развитии, в котором незрелая обезьяна учится применять соответствующие контексту коммуникативные тактики, сначала используя избыточные сигналы последовательно и/или одновременно» (к примеру, шимпанзе в зрелом возрасте переходят к использованию эффективных одиночных жестов, тогда как на более раннем этапе развитие используют длинные и зачастую избыточные последовательности жестов¹⁸⁰ .

Следует добавить, что в недавно опубликованном исследовании¹⁸¹ авторы, занимающиеся изучением жестовых коммуникативных систем человекообразных обезьян, также доказывают важность учета как физических (экологических), так и социальных факторов при исследовании специфики жестов. На вариативность жестикуляции и разнообразие форм, конфигураций, легкости передачи различных типов жестов могут оказывать влияние уровень социальной сплоченности, сила и характер меж- и внутривидовых социальных связей, размер и состав социальных единиц, место обитания (тропические леса, заболоченные леса, открытые саванны и т.д.), плотность растительности, которая накладывает ограничение на передачу визуальной информации, доступность пищи и её основной тип (травянистая растительность или фрукты) и т.д. К примеру, подвиды человекообразных обезьян, которые живут в визуально плотных средах обитания и/или которые активно питаются наземной травянистой растительностью, могут использовать большее количество как звуковых, так и контактных жестов для усиления передачи сигнала; у человекообразных обезьян, которые с определенной периодичностью сталкиваются с когнитивно сложным решением проблем (например, при поиске пищи и/или её добыче при помощи инструментов), может становиться более гибкой и вариативной жестовая коммуникация¹⁸².

Влияние различных социальных параметров оказывает значительное (если не решающее) влияние на жестовую коммуникацию человекообразных

¹⁸⁰ Fröhlich M., Hobaiter C. The development of gestural communication in great apes. P. 8–9.

¹⁸¹ A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 235–259.

¹⁸² Ibid. P. 238–239.

обезьян, причем отмеченное справедливо как в отношении подвида, образ жизни которого характеризуется определенными социоэкологическими условиями, так и в отношении индивидуальной особи определенного пола и возраста, живущей в конкретной социальной структуре, обладающей уникальными, приобретенными в процессе онтогенеза свойствами, местом (рангом) в социальной иерархии и т.д. Социальное взаимодействие между конспецификами в целом является важнейшей движущей силой развития жестов¹⁸³. К примеру, в более раннем возрасте обезьяны используют больше тактильных и визуальных жестов, тогда как звуковые применяются позже; детеныши шимпанзе мужского пола больше взаимодействуют со взрослыми самцами, чем детеныши женского пола, ввиду чего используют большее разнообразие жестов в раннем возрасте¹⁸⁴.

Таким образом, в соответствии с тезисом о том, что коммуникация – это система, адаптированная посредством эволюционного отбора и/или процессов обучения к той социоэкологической нише, в которой она используется¹⁸⁵, критически необходимым для адекватной оценки жестовой коммуникации обезьян предстает учет влияния социоэкологических факторов на последнюю. Экология среды обитания может оказывать существенное влияние на социальную структуру, характерную для различных видов и подвидов, что приводит к инаковости их социально-коммуникативных стратегий. Различные социальные среды, в свою очередь, предоставляют вариативные возможности для социального обучения. К примеру, в более сплоченных сообществах реализуется больше возможностей для коммуникации с широким кругом особей, что потенциально влияет на качественные и количественные

¹⁸³ См., например: A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 235–259; Frohlich M., Wittig R. M., Pika S. Should I stay or should I go? Initiation of joint travel in mother–infant dyads of two chimpanzee communities in the wild // *Animal Cognition*. 2016b. Vol. 19. P. 483–500; Schneider C., Call J., Liebal K. Onset and early use of gestural communication in non-human great apes: ... P. 102–113.

¹⁸⁴ A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species ... P. 243.

¹⁸⁵ Seyfarth R. M., Cheney D. L. The origin of meaning in animal signals // *Animal Behaviour*. 2017. Vol. 124. P. 339–346.

характеристики процессов социального обучения и способствует более быстрой передаче новых моделей поведения между конспецификами¹⁸⁶.

Ж. Приер с коллегами также утверждает, что как генетические, так и социальные факторы оказывают влияние на формирование такой сложной системы, как жестовая коммуникация человекообразных обезьян, и все перечисленные выше процессы лежат в основе приобретения жестов приматами.

Так, авторы МТЯ выдвигают гипотезу об эволюционном происхождении жестов, которая зиждется на следующих постулатах:

- жесты появились в результате *ритуализации сигналов*;
- «...жесты сформировались из ранее существовавшего набора *инстинктивных, произвольных действий*, необходимых для выживания (например, бегство, поиск пищи, спаривание, уход) не имеющих сигнальной функции, но предоставляющих информацию наблюдателям об *эмоциональном состоянии актора* ввиду происходящих с ним физиологических и поведенческих изменений, проявляющихся в ускорении частоты дыхания, движениях тела, конечностей, головы и глаз в сочетании с выражением лица и/или вокализацией...» и позволяющих наблюдателям «...извлечь выгоду из обнаружения и различения эмоциональных/поведенческих паттернов актора, предвосхищая его поведение и реагируя соответствующим образом...»¹⁸⁷. Отмеченные поведенческие паттерны, эволюционируя со временем, сохранялись на протяжении поколений и приводили к возникновению филогенетически ритуализированных коммуникативных сигналов;
- ввиду усложнения экологического и социального образа жизни, а также в связи с интенсификацией манипулятивных практик (в частности, инструментально опосредованных актов, предполагающих биманульные¹⁸⁸ скоординированные действия) у животных возникают ключевые

¹⁸⁶ Muthukrishna M., Morgan T. J. H., Henrich J. The when and who of social learning and conformist transmission // Evolution and Human Behavior. 2016. Vol. 37, Issue 1. P. 10–20.

¹⁸⁷ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 538.

¹⁸⁸ Биманульные действия – действия, предполагающие одновременное использование двух рук.

социокогнитивные, коммуникативные способности (интенциональность) и формируются соответствующие коммуникативные системы, характеризующиеся интенциональностью, референциальностью и предполагающие наличие разговорных правил;

– формирование данных коммуникативных систем и социокогнитивных способностей животных осуществлялось методом проб и ошибок (*trial-and-error*) в процессе обучения действию-реакции, что позволяло каждой отдельной особи в течение всего жизненного цикла приобретать и развивать различные стратегии взаимодействия в результате:

- а) сокращения последовательности действий посредством *онтологической ритуализации*;
- б) взаимной адаптации поведенческих моделей, сформированных в результате *филогенетической ритуализации*, посредством обучения через *социальные переговоры*;
- с) подражательного научения;

– в результате эволюции гоминид могли сформироваться *более сложные когнитивно-коммуникативные навыки*, позволяющие осуществлять референциальные коммуникативные акты и использовать иконические и дейктические (указательные) жесты¹⁸⁹.

Можно заключить, что отстаиваемый авторами МТЯ тезис об эволюционном значении жестовой коммуникации в развитии человеческого языка не лишён оснований. Видится очевидным, что дальнейшие исследования жестовых коммуникативных систем приматов смогут снабдить науку новыми знаниями в области глоттогенеза.

Представляется, что анализ механизмов, посредством которых человекообразные обезьяны учатся общаться с сородичами при помощи жестов, позволит оценить значение как видовых и индивидуальных, так и социальноэкологических особенностей на развитие коммуникативных компетенций обезьян и выявить, в какой степени видовая природа,

¹⁸⁹ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 538.

индивидуальный опыт, социальная и физико-экологическая среда влияют на коммуникацию видов в целом. Для достижения отмеченной цели исследователи коммуникативных систем человекообразных обезьян стремятся изучать жизнедеятельность последних не только в неволе, но и в естественных для обезьян средах обитания¹⁹⁰. Разумеется, что различия в физико-экологической и социальной среде между отмеченными условиями обитания могут сказываться на результатах проведенных исследований.

На основе материалов, используемых в текущем параграфе, можно сделать вывод, что сегодня существуют исследовательские данные, в той или иной степени подтверждающие существующие на сегодняшний день гипотезы¹⁹¹ в отношении приобретения жестов человекообразными обезьянами. При этом, к примеру, нет противоречия в том, что жесты, будучи в подавляющем большинстве врожденными, могут модифицироваться и гибко использоваться на протяжении всей жизни определенной особи. Очевидно также, что социальная среда со всеми её качественными и количественными параметрами, является важнейшим источником информации, при помощи которого обезьяны могут формировать свои коммуникативные навыки: в ходе социальных взаимодействий формируется общие коммуникативные значения, различающиеся в зависимости от характеристик контекста.

Таким образом, гипотезы филогенетической и онтогенетической ритуализации, а также гипотеза социальных переговоров могут послужить эффективным подспорьем для исследователей, стремящихся определить и изучить уникальность как коммуникативных систем приматов, так и

¹⁹⁰ См., например: Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*) ... P. 527–546; Hobaiter C., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild chimpanzee. P. 747–767; Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 551–565.

¹⁹¹ М. Фролих и К. Хобайтер предлагают *концептуально-теоретический вариант* согласования существующих гипотез. Так, к примеру, «прикосновение» как тип жеста, который характерен для коммуникации не только человекообразных, но и всех обезьян в целом, можно рассматривать как филогенетически ритуализированный жест, общий для всех (или для подавляющего большинства) особей всех видов, тогда как конкретные формы этого жеста могут варьироваться в зависимости от различных факторов (индивидуальных, социальных, физико-экологических и т.д.). Поэтому трактовка жеста и оценка способов его приобретения могут варьироваться в зависимости от «уровня объяснения» и предметной направленности исследования (Fröhlich M., Hobaiter C. The Development of Gestural Communication in Great Apes. P. 5).

человеческого языка. Принимая во внимание отмеченные гипотезы, можно оценить значение видовых характеристик, индивидуальных особенностей развития, социальных и физико-экологических условий на становление жестовой коммуникации человекообразных обезьян. Жесты, которые являются наиболее эффективным коммуникативным инструментом при общении на близком расстоянии и которые могут гибко модифицироваться и использоваться в зависимости от различных параметров ситуации, опосредуют практически все социальные взаимодействия между обезьянами. Наблюдая за жестовой коммуникацией приматов и исследуя механизмы, при помощи которых обезьяны научаются жестам, можно оценить то, какие социокогнитивные механизмы лежат в основе производства жестов и чем эти механизмы отличаются от тех, которые фундируют жестовую коммуникацию между людьми. Очевидно, что определенные анатомические возможности приматов, их естественная среда обитания с различными физико-экологическими характеристиками, специфика социальной организации, а также индивидуальный опыт оказывают влияние на то, как конкретная особь овладевает жестовой коммуникацией.

Представляется, что мультикаузальная теория происхождения языка, интегрируя различные подходы к происхождению жестов у человекообразных обезьян, учитывая действие индивидуальных, видовых, социальных и контекстуальных характеристик на становление жестовых коммуникативных систем приматов, может стать комплексной теоретико-методологической основой для исследований, направленных на изучение уникальности мультимодальной коммуникации приматов и человека. Разумеется, анатомо-физиологические особенности, способ адаптации, сложность социальной организации, образ жизни, среда обитания и иные параметры не являются одинаковыми для жизнедеятельности обезьян и человека, ввиду чего жестовые (и не только) коммуникативные системы последних имеют, наряду с общими, и принципиально отличные черты. Исследование то, какие факторы и как оказывают влияние на генезис жестовой коммуникации обезьян,

позволит не только сравнить их с факторами, оказывающими влияние на становление языка человека, но и оценить их эволюционное значение в развитии этой уникальной мультимодальной системы.

Выводы по параграфу

В параграфе были рассмотрены такие существующие в современной литературе гипотезы в отношении истоков жестовой коммуникации приматов (человекообразных обезьян), как филогенетическая ритуализация, онтогенетическая ритуализация, обучение через социальные переговоры. Было отмечено, что гипотеза социального обучения через имитацию на сегодняшний день не имеет эмпирических подтверждений. Тогда как остальные перечисленные механизмы имеют достаточное количество эмпирических данных, подтверждающих их действие. При этом непротиворечивое применение этих гипотез может быть достигнуто с учетом четкого определения исследовательского уровня, на котором осуществляется изучение процессов овладения жестами.

Было определено, что видовые особенности, индивидуальный опыт, сложность социальной организации, экологические условия, а также необходимость решения сложных когнитивных задач оказывает существенное влияние на возникновение и структурное разнообразие жестов, используемых человекообразными обезьянами.

Было высказано предположение, что с точки зрения оценки механизмов, фундирующих овладения жестовой коммуникацией приматами, мультикаузальная теория происхождения языка является наиболее исследовательски продуктивной, так как не исключает ни процессы филогенетической и онтогенетической ритуализации, ни роль социальных переговоров в становлении жестовой коммуникативных систем обезьян, а позволяет учесть все отмеченные механизмы и оценить их вклад в развитие жестовой коммуникации приматов.

В параграфе было продемонстрировано, что жесты человекообразных обезьян являются наиболее филогенетически древними для видов, при этом

приобретаются обезьянами посредством ритуализации сигналов, модификации моделей поведения в режиме реального времени как обладающих совместным коммуникативным значением для партнеров по социальному взаимодействию, с учетом различных параметров контекста, социальных обстоятельств, индивидуального опыта и при действии метода проб и ошибок (выработки наиболее эффективного сигнала). Было определено, что любая коммуникативная система должна быть адаптирована под те социоэкологические условия, в которых она используется.

Таким образом, была продемонстрирована важность изучения жестовой коммуникации человекообразных обезьян и механизмов её приобретения последними с точки зрения определения сущностных особенностей коммуникативных систем приматов, выявления роли социальных условий для развития коммуникативных компетенций, оценки эволюционного значения данных систем в становлении языка человека, а также для выявления когнитивно-коммуникативных функций, которые выполняет жест в мультимодальных системах коммуникации не только человекообразных обезьян, но и человека.

Глава 2. Когнитивные механизмы и овладение жестами

2.1. Жест как ключевой компонент познавательных процессов человека: концептуализирующая функция жестовой коммуникации

Авторская трактовка понятия «*жест*» уже была рассмотрена в первой главе диссертационного исследования (параграф 1.1). При этом стоит еще раз сделать акцент на том, что, с точки зрения автора диссертации, жест целесообразно трактовать не только как уникальный *компонент* мультимодальной человеческой коммуникации, который привносит ценную, уникальную информацию в речевое сообщение и иллюстрирует (объективирует) базовые знания и интеллектуальный опыт говорящего¹⁹², но и в некотором смысле как автономное *когнитивно-коммуникативное образование*, изучение которого поможет пролить свет на познавательные процессы человека и, в частности, оценить его концептуальные способности.

*Концептуализацию*¹⁹³, в свою очередь, целесообразно определить как процесс получения, когнитивной обработки и организации информации в виде концептуальных структур (в том числе на основе чувственного, моторного и эмоционального опытов), осуществляемый человеком в ходе коммуникативной и/или познавательной деятельности и связанный с формированием понятий. Данное определение восходит к работам одного из

¹⁹² В соответствии с существующими теоретическими наработками в области изучения жестово-речевой взаимосвязи, речь и жест, вероятно, имеют общее концептуальное происхождение (возникают из одной и той же репрезентативной системы (McNeill D. Hand and Mind: ... 416 p.) или из двух разных, но тесно интегрированных систем (de Ruiter J. P. The Production of gesture and speech. P. 284–311.) и пересекаются во временных, семантических и функциональных аспектах, обогащая коммуникативный контекст (Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 1.).

¹⁹³ Необходимо заметить, что в текущем диссертационном исследовании некоторые темы, связанные с процессами концептуализации и механизмами образования концептов, не будут подробно рассмотрены. Представляется, что, к примеру, вопросы происхождения концептов, их онтологического статуса, структурной организации и функционального предназначения не являются системообразующими для данной работы и выходят за пределы рассматриваемых в диссертации проблем.

родоначальников когнитивной лингвистики и, в частности, когнитивной грамматики, Р. Лангакера¹⁹⁴¹⁹⁵.

Термины «*концепт*» и «*понятие*» будут употребляться в синонимичном ключе в контексте формирования определенной мысли (которая может быть эксплицирована в жестовой и/или вербальном акте), предполагающего функционирование сознательной и не осознанной деятельности, олицетворяющей моменты, этапы или итоги познания¹⁹⁶ и позволяющего группировать объекты и события в отдельные классы¹⁹⁷.

Под *когнитивными механизмами* будут пониматься способы формирования концептуального содержания и передачи конкретных смыслов, предполагающие приобретение и развитие способности классифицировать объекты, события и отношения в классы, позволяющей идентифицировать/обобщать новые данные в качестве перцептивно, ассоциативно или функционально эквивалентные ранее полученным знаниям.¹⁹⁸ Данная трактовка была предложена авторами мультикаузальной теории языка, которая является системообразующей для текущего диссертационного исследования. При этом следует сделать акцент на том, что развитие отмеченной классифицирующей способности реализуется в рамках перманентного взаимодействия (в частности, *сенсорно-моторного*) живого организма с окружающим миром.

¹⁹⁴ Наряду с Р. Лангакером можно отметить таких авторов, стоявших у истоков когнитивного подхода к языку, как Ч. Филлмор (фреймовая семантика), Ж. Фоконье (теория ментальных пространств), Р. Джэкендофф (концептуальная семантика), Дж. Лакофф (теория прототипов и естественная категоризация) и т.д. Отмеченный подход предполагает: изучение языка как средства организации, обработки и передачи информации; постижение, на основе языковых исследований, сущности и основных структур знания и описание зависимостей между ними и языком (Болдырев. Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 9, С. 23)

¹⁹⁵ Langacker R. Concept, image, symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin: New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.

¹⁹⁶ Вероятно, моменты, этапы или итоги познания будет целесообразным также охарактеризовать при помощи понятия *когниции* – процесса, предполагающего (наряду с целенаправленным, теоретическим познанием) простое, обыденное постижение мира, которое может быть неосознанным и фундироваться простым сенсорно-моторным взаимодействием человека с окружающей средой: это «...любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти, использованием» (Болдырев. Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. С. 23).

¹⁹⁷ Keller F. S., Schoenfeld W. N. Principles of psychology. New York: Appleton- Century-Crofts, 1950. 456 p.

¹⁹⁸ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 537.

Переходя непосредственно к вопросу о роли жестов в процессах концептуализации, следует заметить, что вопреки расхожему мнению о том, что люди в большинстве своем жестикулируют во время говорения для того, чтобы быть лучше понятыми аудиторией, жесты (в частности, репрезентативные), как в дальнейшем будет продемонстрировано, могут облегчать производство и планирование речи, а также способствовать образованию концептуальной основы вербализуемых в языке идей¹⁹⁹.

Так, *концептуализирующая* функция жестов преимущественно рассматривается исследователями в соотношении с процессами речепроизводства (оценивается то, как жест «облегчает» речь). Одной из первых моделей, которая послужила ориентиром для данных исследовательских направлений, является **модель В. Левелта**²⁰⁰, согласно которой процесс производства речи состоит из трех этапов: *концептуализации, формулирования и артикуляции*. «Во время концептуализации генерируются долигвистические мысли говорящего и объединяются в пропозициональную форму. Во время формулирования эти мысли переводятся в соответствующие языковые единицы путем поиска в ментальном лексиконе и определения соответствующих лемм (*начальных, словарных форм слов*) и лексических записей. Во время артикуляции создается и выполняется двигательный план произнесения фонем, соответствующих лексемам²⁰¹²⁰²».

¹⁹⁹ Alibali M. W., Heath D. C., Meyers, H. J. Effects of visibility between speaker and listener on gesture production: Some gestures are meant to be seen // Journal of Memory and Language. 2001. Vol. 44, Issue 2. P. 169–188; Hostetter A. B., Alibali M. W. On the Tip of the Mind: Gesture as a Key to Conceptualization // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2004. Vol. 26. P. 589.

²⁰⁰ Levelt W. J. M. Speaking: From intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 556 p.

²⁰¹ В качестве модели, которая некоторым образом детализирует модель В. Левелта, можно назвать **модель интерфейса (The Interface Model)**, предложенная С. Кита, профессором кафедры психологии Уорикского университета, и А. Озюрек, профессором психологии и лингвистики Университета Неймегена имени святого Радбода Утрехтского. В соответствии с данной моделью, на этапе концептуализации также осуществляется выбор *способа выражения* коммуникативного намерения. В последующем производство жестов и речи реализуется двумя отдельными системами, такими как генератор действий (активация схем действий для пространственно-моторных образов) и генератор сообщений (формулирование вербального предложения), которые взаимодействуют в двух направлениях во время концептуализации и формулирования высказываний. Формирование жеста, таким образом, зависит как от пространственно-моторных свойств референта, так и от того, как информация организована и упакована для производства речи (Kita S., Özyürek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? ... P. 16–32; Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 3.).

²⁰² Hostetter A. B., Alibali M. W. On the Tip of the Mind: Gesture as a Key to Conceptualization. P. 589.

Акцентируя исследовательское внимание на какой-либо из отмеченных стадий, авторы, занимающиеся жестовой проблематикой, выдвинули ряд гипотез в отношении основной функции жестов для процесса говорения.

В первую очередь необходимо отметить **теорию точек роста** (*The Growth Point Theory*), которая была предложена одним из пионеров в области комплексного осмысления жеста Д. МакНилом²⁰³²⁰⁴. В соответствии с данной теорией, *точка роста* – это «...начальная единица мышления, которая объединяет лингвистическую и образную информацию вместе, чтобы инициировать динамические когнитивные процессы, которые организуют мышление для речи и приводят к совместному речевому жесту (*co-speech gesture* – прим.). Эта теория предполагает, что речь и жест происходят из единой системы, где высказывание содержит как лингвистическую, так и визуально-пространственную структуру, которая не может быть разделена»²⁰⁵. С точки зрения Д. МакНила, жест и речь предстают интегрированными и для воспроизводящего сообщение, и для воспринимающих информацию, позволяя слушателям формировать единое мысленное представление о передаваемой информации на основе услышанного (речь) и увиденного (жест). Таким образом, теория точек роста предполагает, что жестовое и речевое производство фундируется *единой концептуальной системой*.

²⁰³ См., например: McNeill D. *Hand and Mind*: ... 416 p; Idem. The growth point hypothesis of language and gesture ... P. 135–155.

²⁰⁴ Во многом именно благодаря работе Д. МакНила «Рука и разум: что жесты говорят о мысли» (*Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*), увидевшей свет в 1992 году, началось активное изучение жеста как в контексте порождения речи, так и в контексте формирования мысли. В целом, западноевропейская наука уже более 20 лет концентрируется на комплексном изучении жестов: еще в 2001 году был основан журнал *Gesture*, редакторами-основателями которого были Адам Кендон и Корнелия Мюллер (данный журнал сопровождается серией книг *Gesture Studies*). В 2002 году было основано Международное общество по изучению жестов (*International Society for Gesture Studies (ISGS)*). Веб-сайт Общества: <https://www.gesturestudies.com>).

²⁰⁵ Clough S., Duff M. C. Op. cit. P. 2–3.

В свою очередь, теория активации изображения (*The Image Activation Hypothesis*) или модель эскиза²⁰⁶ (*The Sketch Model*)²⁰⁷ предполагает, что общим для жеста и речи является единое коммуникативное намерение, тогда как сами по себе они представляют *отдельные системы*, тесно взаимосвязанные и при этом реализующиеся параллельными способами производства. В соответствии с данной моделью, речь и жест формируются на основе общего концептуального базиса (или коммуникативного намерения), где имеет место как довербальное сообщение (*a preverbal message*) для последующей экспликации в речи, так и пространственно-временной эскиз или изображение (*spatiotemporal sketch*), предназначенное для отображения жестом размеров, местоположения, траектории и/или скорости находящейся в «концептуализаторе» идеи²⁰⁸. Однако на этапе лингвистической формулировки и, в дальнейшем, артикуляционного (моторно-двигательного) выражения для речи и жеста соответственно вырабатываются собственные программы. В связи с вышеотмеченными постулатами рассматриваемой модели при расстройствах концептуального уровня могут возникнуть проблемы при производстве как речи, так и жестов. Однако нарушения на этапах формулирования и/или артикуляции могут оказывать различное влияние на конструирование жестового или речевого сообщения. Последнее, в свою очередь, означает, к примеру, возможность сохранения жестовых коммуникативных компонентов при наличии речевых расстройств²⁰⁹. Стоит

²⁰⁶ Не так давно эта модель была пересмотрена и переименована в модель эскиза ассиметричной избыточности (*The Asymmetric Redundancy Sketch Model*), в соответствии с которой предполагается, что речь – это доминирующая модальность, тогда как иконические жесты являются избыточными по отношению к содержанию речевого сообщения (de Ruiter J. P. The asymmetric redundancy of gesture and speech. P. 59–75; Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 3; The production of gesture and speech by people with aphasia: influence of communicative constraints / de Beer C. [et al.] // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2019. Vol. 62, Issue 12. P. 4417–4432).

²⁰⁷ См., например: de Ruiter J. P. Gesture and speech production. 132 p; Idem. The Production of gesture and speech. P. 284–311; Freedman N. Hands, words, and mind: ... P. 109–132; Gestures maintain spatial imagery / Wesp R. [et al.] // The American Journal of Psychology. 2001. Vol. 114, No. 4. P. 591–600; Hadar U., Butterworth, B. Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech. P. 147–172.

²⁰⁸ Н. Фридман, специалист в области психоаналитики, утверждает, что репрезентативный жест, «подкрепляя» изображение, закрепляет связь последнего со словом. Схожих позиций придерживается и психолингвист Дж. П. де Руйтер, считая, что жестикуляция активирует и реактивирует некоторые пространственные характеристики, которые кодируются процессами формулирования языка.

²⁰⁹ Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 3.

добавить, что теория активации изображения в отношении жеста гласит, что последний *поддерживает и усиливает уже существующие пространственно-визуальные образы* и препятствует их разрушению, благодаря чему производство речи обеспечивается качественной пространственно-визуальной информацией, служащей одной из основ эксплицируемых в речи идей.

В соответствии с **гипотезой лексического поиска (*The Lexical Retrieval Hypothesis*)**, жесты являются инструментом кросс-модального прайминга, способствующим увеличению нейронной активации и облегчающим доступ к определенным элементам лексики²¹⁰.

Так, можно предположить, что внимание сторонников данной гипотезы, рассматривающих влияние жеста на речь, сосредоточено преимущественно на стадии *формулирования*. Так, Р.М. Краусс, специалист в области социальной психологии языка и коммуникации, совместно с коллегами утверждает, что производство репрезентативных жестов помогает говорящему извлекать лексическую запись с морфологической и синтаксической информацией на основе концептуальной спецификации посредством кросс-модального прайминга. Жест, иными словами, выполняет функцию усиления активации элементов в ментальном лексиконе говорящего, упрощая и облегчая лексический доступ²¹¹. Жест может активировать *пространственные* характеристики объекта, которые составляют одну из частей семантического представления лексического элемента, и способствовать первичной экспликации последнего.

При этом Р.М. Краусс также отмечает, что жест способствует «удержанию» (“*hold*”) в памяти концептуальных свойств искомой лексической

²¹⁰ См., например: Krauss R. M., Chen Y., Chawla, P. Nonverbal behavior and nonverbal communication: What do conversational hand gestures tell us? // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1996. Vol. 28. P. 389–450; Krauss R. M., Chen Y., Gottesman R. F. Lexical gestures and lexical access: a process model. P. 261–283; Krauss R. M. Why do we gesture when we speak? *Current Directions in Psychological Science*. 1998. Vol. 7, No. 2. P. 54–60; Morrel-Samuels P., Krauss R. M. Word familiarity predicts temporal asynchrony of hand gestures and speech // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. 1992. Vol. 18, No. 3. P. 615–622.

²¹¹ См., например: Hadar U., Butterworth B. Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech. P. 147–172; Rauscher F. H., Krauss R. M., Chen Y. Gesture, speech, and lexical access: The role of lexical movements in speech production // *Psychological Science*. 1996. Vol. 7, No. 4. P. 226–231.

записи²¹² во время лексического поиска, активируя пространственно-динамическое изображение и поддерживая активацию данных концептуальных свойств во время извлечения соответствующей лексической единицы²¹³²¹⁴.

В пользу данной гипотезы свидетельствуют следующие данные: в ситуации затрудненного поиска слов (к примеру, во время спонтанной речи или в процессе описания объекта по памяти) люди жестикулируют больше²¹⁵; воспроизводство жеста обычно предшествует слову, с которым он ассоциируется; возникают коммуникативные сложности (увеличение времени пауз и их количества, замедление скорости речи) в ситуации, если жест запрещен; при описании объектов, идей, форм, которые легко называемы, люди жестикулируют меньше, нежели при описании трудно называемых единиц; люди с афазией, испытывающие трудности с лексическим доступом, используют больше жестов, чем представители контрольной группы²¹⁶.

Однако, сторонники иной точки зрения в отношении функционала жеста (например, М. Алибали и О. Хостеттер²¹⁷) приводят контраргумент в отношении теории лексического поиска, ссылаясь на исследование Дж. Битти и Дж. Кофлан²¹⁸, результаты которого сводятся к следующему: участники

²¹² Представляется, что в данном аспекте, ввиду обращения к структурам памяти, теория лексического поиска с её идеей «удержания» также относится и к этапу концептуализации в модели В. Левелта.

²¹³ Krauss R. M., Chen Y., Chawla, P. Nonverbal behavior and nonverbal communication: ... P. 389–450.

²¹⁴ Следует добавить, что психолингвист Сотари Кита (теория которого также рассматривается в диссертации), указывает на то, что, вероятно, теорию Р.М. Краусса с её гипотезой «удержания» можно интерпретировать как синтез теории активации изображения и теории лексического поиска, где «...где аспект производства речи, который выигрывает от усиления изображения, локализован в лексическом поиске» (Kita S. How representational gestures ... P. 163).

²¹⁵ Существует ряд исследований (см., например: Graziano M., Gullberg M. When speech stops, gesture stops: evidence from developmental and crosslinguistic comparisons // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 1–17), где доказывалось, во-первых, что производство жестов увеличивается во время беглой, нежели бессвязной речи, во-вторых, что при прекращении речи жесты также не генерируются. Ввиду отмеченного предполагается, что «...функция жеста не является компенсаторной или поддерживающей, а скорее способствует созданию языка вместе с речью» (Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 5.).

²¹⁶ См., например: Chawla P., Krauss R. M. Gesture and speech in spontaneous and rehearsed narratives // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1994. Vol. 30, Issue 6. P. 580–601; Ideational gestures and speech: A neurolinguistic investigation / Hadar U. [et al] // *Language and Cognitive Processes*. Vol. 13. P. 59–76; Morrell-Samuels P., Krauss R. M. Word familiarity predicts temporal asynchrony of hand gestures and speech. P. 615–622; Morsella E., Krauss R. M. The role of gestures in spatial working memory and speech. P. 411–424.

²¹⁷ Hostetter A. B., Alibali M. W. On the Tip of the Mind: Gesture as a Key to Conceptualization. P. 589 – 594.

²¹⁸ Данное исследование относится к так называемым экспериментам «на кончике языка» (tip-of-the-tongue). Данное состояние возникает тогда, когда говорящий, испытывая «чувство знания», сталкивается с трудностями доступа к информации, хранящейся в памяти (Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 5.).

эксперимента, которым запрещено было жестикулировать, находили (извлекали) больше слов, чем те говорящие, у которых запрета на жестикуляцию не было²¹⁹. Основываясь на этих данных, М. Алибали и О. Хостеттер утверждают, что «...хотя жесты, как правило, сочетаются с пространственной речью и со словами, которые трудно найти, утверждение о том, что жесты действительно помогают говорящему находить правильные слова, в настоящее время остается несколько необоснованным»²²⁰.

В свою очередь, М. Алибали и О. Хостеттер предлагают трактовку **жеста как имитируемого действия**²²¹ (*The Gesture as Simulated Action*), в соответствии с которым автоматическая генерация жестов происходит в результате умственной активации, которая возникает тогда, когда люди думают о моторных действиях и перцептивных состояний. Согласно данному подходу, говорящие при активации визуально-пространственного и/или моторного моделирования жестикулируют с большей скоростью²²². При этом авторы отмеченного подхода также разделяют гипотезу упаковки информации, которая некоторым образом интегрирует положения последнего.

Гипотеза упаковки информации (*The Information Packaging Hypothesis*), предложенная психолингвистом Сотаро Кита и относящаяся преимущественно к стадии концептуализации, предполагает, что жесты проясняют идеи и помогают их упорядочить: «...жестикуляция помогает говорящему организовать информацию способом, подходящим для языкового выражения»²²³. Данная гипотеза является одной из системообразующих для

²¹⁹ Beattie G., Coughlan, J. An experimental investigation of the role of iconic gestures in lexical access using the tip-of-the-tongue phenomenon // *British Journal of Psychology*. 1999. Vol. 90, Issue 1. P. 35–56.

²²⁰ Hostetter A. B., Alibali M. W. On the Tip of the Mind: Gesture as a Key to Conceptualization. P. 590.

²²¹ Во многом данный концепт фундирован *теорией воплощенного познания* (являющейся теоретической основой текущего диссертационного исследования), в соответствии с которой язык (и жест, в частности), базируется на сенсомоторном опыте. Так, М. Алибали и О. Хостеттер выдвигают предположение, согласно которому жесты «отражают ментальные модели, созданные телом» и «являются проявлениями воплощенного познания» (Ibid. P. 593).

²²² См., например: Hostetter A. B., Alibali, M. W. Gesture as simulated action: revisiting the framework. P. 721–752; Ibidem. Visible embodiment: gestures as simulated action // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2008. Vol. 15. P. 495–514; Hostetter A. B., Skirving C. J. The effect of visual vs. verbal stimuli on gesture production // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2011. Vol. 35. P. 205–223.

²²³ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 180.

текущего диссертационного исследования, ввиду чего представляется необходимым раскрыть её основные положения.

Предмет анализа – репрезентативные жесты. С. Кита оценивает концептуализирующие функции **репрезентативных жестов**, являющихся, в соответствии с классификацией Д. МакНила²²⁴, *иконическими* (предполагающими определенную степень соответствия между жестом и той сущностью, которую он представляет²²⁵), *абстрактными дейктическими* (указывающими на «...на кажущееся пустым пространство перед телом, как будто устанавливая виртуальный объект в пространстве жестов или указывая на такой виртуальный объект»²²⁶) и *метафорическими* (изображающими абстрактные понятия²²⁷)

Пространственно-моторное мышление (spatio-motoric thinking) и особенности языкового кодирования – основа репрезентативных жестов. Представляется, что данный аспект гипотезы упаковки информации является одним из фундаментальных для понимания когнитивных функций жеста, ввиду чего целесообразно привести весьма объемную цитату С. Кита, раскрывающую суть рассматриваемого вопроса.

«Пространственно-моторное мышление организует информацию с помощью схем действий и их модуляции в соответствии с особенностями окружающей среды. Это тип мышления, обычно используемый, когда люди взаимодействуют с физической средой, используя тело (например, взаимодействие с объектом, передвижение и подражание чьим-либо действиям). Это включает автоматическое восприятие информации, которая определяет возможную модуляцию схем действий и в некоторых случаях

²²⁴ McNeill D. Hand and Mind: ... 416 p.

²²⁵ Иначе можно сказать, что данные жесты «...изображают действие, движение или форму, или которые указывают местоположение или траекторию» (Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245). Следует добавить также, что в центре внимания исследователей находятся как *ко-речевые (co-speech gestures)* репрезентативные жесты, так и *ко-мыслительные (co-thought gestures)*, которые могут генерироваться не только и не столько для слушающего, сколько для самого говорящего.

²²⁶ Kita S. How representational gestures ... P. 162.

²²⁷ «Например, произнося “мнение”, говорящий может изобразить чашеобразную форму ладонью вверх, как будто держит предмет, таким образом метафорически представляя мнение как понятный объект» (Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245).

вызывает новую схему действий. Это похоже на то, что Гибсон (1986) назвал поиском “возможностей”. Например, когда вы хватаете предмет новой формы, ваше тело может найти устойчивый захват. Когда вы исследуете объект, рассматривая его и прикасаясь к нему, *пространственно-моторное мышление открывает различные возможности для прикосновения к объекту и манипулирования им* (курсив мой – Е.Б.). Когда объект движется на стабильном фоне, наши глаза улавливают изменение, их фокус переключается на объект, и движение объекта сопровождается поворотом головы и глаз.

Выполнение определенного движения тела к цели влечет за собой анализ информации об окружающей среде. *Определенная часть окружающей среды выбирается как относящаяся к движению тела* (курсив мой – Е.Б.), например, форма и ориентация области контакта для захвата и касания или вектор перемещения для отслеживания движущегося объекта. Набор возможных движений тела в определенной среде представляет собой *организацию экологической информации с точки зрения пространственно-моторного структурирования* (курсив мой – Е.Б.)»²²⁸.

На основе перечисленных характеристик пространственно-моторного мышления С. Кита выдвигает предположение о том, что репрезентативные жесты – *это действия в виртуальной среде*, которая внутренне создается в виде образов и к которой также применимо пространственно-моторное мышление. При этом источник репрезентативных жестов видится в *практических действиях*²²⁹.

²²⁸ Kita S. How representational gestures ... P. 164.

²²⁹ С. Кита отстаивает *деятельностный (акциональный)* взгляд на природу жеста, утверждая, что «... жестовый знак формируется когнитивной системой, которая также используется при движении тела в физической среде» и что «... даже жесты, которые не имеют очевидного компонента действия, такие как абстрактные дейктические жесты, также формируются пространственно-моторным мышлением. Создание абстрактных дейктических жестов, которые указывают на кажущееся пустым место перед говорящим или двигаются так, как будто отслеживают движущийся объект, может быть связано со способностью ориентировать части нашего тела (например, взгляд и руку) на цель в физической среде и способностью отслеживать цель, когда она движется» (Ibid. P. 170–171). Ввиду того, что жест предоставляет доступ к мышлению в терминах действия (пространственно-моторному мышлению), он оказывает особое влияние на мыслительные (и познавательные процессы), предоставляя информацию, не доступную пропозициональному и вербальному мышлению (Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245).

Стоит добавить, что С. Кита, основываясь на результатах исследования описания сцен испытуемыми, говорящими на английском или на японском языках²³⁰, утверждает, что репрезентативные жесты формируются, с одной стороны, пространственно-моторным мышлением (стремясь к максимальной степени схожести с перцептивно воспринятыми характеристиками стимулов), с другой – зависят от возможностей языкового кодирования: «...репрезентативные жесты создаются на уровне механизма взаимодействия языка и познания, где ищется компромисс между обсуждаемым "сырьем" в познании и возможностями кодирования языка»²³¹.

Пространственно-моторное и аналитическое мышление – две системы для формирования высказывания. Репрезентативные жесты, как уже было отмечено, предполагают функционирование пространственно-моторного мышления. Наряду с последним в процесс планирования речи также включается *аналитическое мышление*, которое предполагает «иерархическое структурирование деконтекстуализированных концептуальных шаблонов», не зависящих от модальности, то есть не предполагающих активацию, к примеру, визуальных или моторных модулей. Отталкиваясь от теории точек роста Д. МакНила (в соответствии с которой мысль говорящего образуется при взаимодействии двух разных информационных структур), С. Кита утверждает, что отмеченные два способа мышления организуют информацию для говорения: они находятся во взаимном контроле и влияют на представление друг друга, с целью «...организации богатой и сложной информации в ряд пакетов, которые могут быть вербализованы в рамках одной единицы планирования речи (считается, что она примерно равна размеру предложения...)»²³². В данном процессе информационной организации, как замечает С. Кита, особую роль играют репрезентативные жесты, так как «...производство репрезентативных жестов предполагает иной тип мышления

²³⁰ См., подробнее: Kita S. Language and thought interface: A study of spontaneous gestures and Japanese mimetics. PhD dissertation. University of Chicago, 1993.

²³¹ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 167

²³² Ibid. P. 169.

(а именно пространственно-моторное мышление), чем мышление по умолчанию для говорения (а именно аналитическое мышление)»²³³, для которого может быть не доступна организация информации, реализующая пространственно-моторным мышлением, так как отмеченные типы мышления – это две тесно связанные, но при этом независимые системы. Ввиду чего, по мнению С. Кита, жест и речь имеют определенную степень независимости друг друга, и само по себе пространственно-моторное мышление не зависит от речевых процессов²³⁴.

Резюмируя вышеизложенное в отношении гипотезы упаковки информации, можно заключить следующее: жест, ввиду своей телесно ориентированной природы и морфологического сходства с практическими действиями, обеспечивает доступ к пространственно-моторному мышлению, «проясняя концепт» в сознании говорящего и упрощая тем самым лексикализацию этого концепта.

В ходе дальнейших исследований С. Кита совместно с М. Алибали и М. Чу, расширяет и дополняет свои выводы, выдвигая **гипотезу жеста для концептуализации** (*The Gesture-for-Conceptualization Hypothesis*). Данная гипотеза, как утверждают её авторы, ставит в иное положения проблему жеста, дистанцируется от компаративистских изысканий «жест-язык-речь» и рассматривает жест в качестве ключевого компонента *познавательных процессов человека*. Гипотеза жеста для концептуализации призвана объяснить самоориентированные когнитивные функции жестов. Ввиду чего для текущего диссертационного исследования она представляет особый интерес. Так, гипотеза жеста для концептуализации состоит из следующих основополагающих постулатов²³⁵.

Жест – репрезентативный схематизатор. Отталкиваясь от теории воплощенного познания (в соответствии с которой когнитивные процессы

²³³ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 169.

²³⁴ Ibid. P. 171.

²³⁵ Следует заметить, что гипотеза жеста для концептуализации базируется на гипотезе упаковки информации, интегрируя ключевые постулаты последней (в частности, в отношении роли репрезентативных жестов и пространственно-моторного мышления в процессах организации информации).

человека укоренены в действиях его тела в физической среде и фундированы процессами *восприятия и действия*), авторы рассматриваемой гипотезы утверждают, что жесты – это «...это физические действия особого типа, то есть репрезентативные действия»²³⁶. То есть, во-первых, как уже было отмечено, жесты порождаются теми же механизмами, что и практические действия,²³⁷ выполняя схожие с последними функции пространственно-моторного анализа окружающей среды, и не являются зависимыми исключительно от процессов речепроизводства²³⁸. Во-вторых, жесты не влияют непосредственно на физические объекты/практические действия, а *представляют* их: жесты «...схематизируют действия, а не отражают их достоверно»²³⁹. Ввиду способности жеста к схематизации последний, как предполагают авторы гипотезы жеста для концептуализации, оказывает беспрецедентное влияние на мышление человека,²⁴⁰ которое реализуется по следующим причинам. В связи с тем, что жесты *не привязаны непосредственно к реальным объектам*, они «...заставляют людей создавать более богатые внутренние представления об объектах и выстраивать более прочные связи между движениями тела и мышлением»²⁴¹.

Схематизирующая функция жестов, являющаяся формой абстракции, где сохраняются одни элементы и удаляются другие, облегчает когнитивную обработку ввиду того, что:

– схематизация помогает сосредоточить внимание *на существенных для текущей (познавательной) ситуации элементах* и отвлечься от

²³⁶ Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245.

²³⁷ «Для каждого жеста, указывающего на движение тела, форму объекта, движение объекта или местоположение объекта, существует аналогичное практическое действие. Например, жест, изображающий удержание кружки для питья, аналогичен захвату кружки для питья, жест, указывающий на круглую форму края кружки, аналогичен отслеживанию края кружки, жест, который отслеживает траекторию мяча, аналогичен отслеживанию движения мяча путем изменения направления взгляда...» (Ibid. P. 253). Данный «практический» аспект производства жестов будет далее рассматриваться с учетом развития орудийной деятельности людей в третьей главе текущего диссертационного исследования.

²³⁸ См. краткое изложение доказательств: Ibid. P. 254–255.

²³⁹ Ibid. P. 255.

²⁴⁰ Авторы гипотезы доказывают при этом, что жесты в большей степени, чем действия: влияют на мышление; облегчают кодирование пространственной информации; способствуют обобщению математических стратегий; могут оставить след в памяти; способствует изучению стратегий решения проблем, которые можно обобщить на новые ситуации (см. краткое изложение доказательств: Ibid. P. 256).

²⁴¹ Ibid. P. 256.

второстепенных, облегчая процесс переноса извлеченной информации в новые контексты;

– схематизированная информация *свободна от физических ограничений*, ввиду чего более эффективно используются представления;

– схематизированные представления *более гибки и мобильны*: в зависимости от параметров познавательной задачи схематизированные в жесте представления могут быть легко скорректированы и видоизменены²⁴².

Отмеченный схематизирующий процесс формирует функции жеста, которые будут рассмотрены далее.

Жест активирует, манипулирует, упаковывает и исследует пространственно-моторную информацию для целей речи и мышления.

«Во-первых, люди используют жест для **активации** (здесь и далее курсив мой – Е.Б.) пространственно-моторной информации... Когда есть выбор между использованием пространственно-моторных представлений и другими более абстрактными представлениями для речи или мышления, создание жестов побуждает людей больше полагаться на пространственно-моторные представления²⁴³. Во-вторых, люди используют жесты для **передачи** пространственно-моторной информации... *Точно так же, как люди используют действие для манипулирования объектами, люди могут использовать жест для манипулирования пространственно-моторной информацией.* В-третьих, люди используют жестикуляцию для **упаковки** пространственно-моторной информации в единицы, полезные для других когнитивных операций. Например, при вербальном выражении сложных идей информация должна быть линеаризована на небольшие фрагменты, каждый из которых может быть вербально закодирован в предложении. Жест облегчает этот процесс... В-четвертых, люди используют жест, чтобы **изучить** различные возможности для того, на какой информации сосредоточиться в

²⁴² См. подробнее краткое изложение доказательств: Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 257.

²⁴³ При этом могут активироваться как уже существующие представления (как гласит и теория активации изображения), так и генерироваться новые. Подробнее о соотношении гипотезы жеста для концептуализации с другими гипотезами, оценивающими роль ко-речевых жестов см.: Ibid. P. 258-260.

деятельности, которая включает богатую или сложную пространственно-моторную информацию. Наконец, мы утверждаем, что четыре функции зависят от жестов, являющихся *схематическими представлениями*, которые фокусируются на небольшом подмножестве информации, которая потенциально имеет отношение к рассматриваемой задаче...»²⁴⁴.

Возвращаясь к тезису о схематизирующей природе жестов, следует отметить, каким именно образом последняя фундируют рассмотренные функции. Так, жест ввиду своей схематичной природы, позволяет сосредоточиться на важных для решения задачи аспектах, а именно пространственно-моторных, *активизируя* представления о них. *Манипулирование* информацией предполагает нагрузку на рабочую память, тогда как жесты, являясь формой схематизации, образуют более «простые» представления, ввиду чего объем обрабатываемой информации уменьшается и снижается когнитивная нагрузка. Также схематизированные, упрощенные представления являются более подходящими для последующей *упаковки* информации для мыслительных и речевых операций. В свою очередь, производство жестов позволяет схематизировать богатый массив сенсорных данных при *изучении* пространственно-моторной информации, сосредоточиться на существенных схематизированных и упрощённых «сгустках» информации. Данные процессы лежат в основе способов концептуализации, которые предоставляет жест, облегчая когнитивную обработку и активируя поиск новых идей и стратегий в решении познавательных задач.

Таким образом, основываясь на большом количестве экспериментальных исследований, в которых реализовалось манипулирование производством жестов (например, при запрещении жеста) и/или «стимулировалось» появление жестов (к примеру, при усложнении

²⁴⁴ Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 246 and references in it.

когнитивных задач)²⁴⁵, авторы гипотезы заявляют о самоориентированных когнитивных функциях жеста для речи и мышления²⁴⁶: жест стимулирует когнитивные процессы человека (говорящего), поскольку предоставляет альтернативные способы концептуализации информации и/или формулирования проблемы с последующим её решением ввиду своей схематизирующей природы, позволяющей сосредоточиться на существенных для решения конкретной познавательной задачи характеристиках. Жест, тем самым, занимает центральное место в человеческом познании.

В свете вышеизложенного представляется очевидным, что С. Кита с коллегами стремится обосновать точку зрения (и, как представляется, делает это весьма убедительно), в соответствии с которой жест, наряду с

²⁴⁵ Примеры экспериментальных данных для когнитивных функций жестов. Функция *активации* пространственно-моторной информации: участники исследований, используя жесты, лучше запоминают маршрут, нежели при его визуализации в условиях запрета движения рук; участники описывают значения метафорических понятий обширнее в ситуации, когда жест разрешен (жесты облегчают сопоставление между буквальными понятиями и абстрактными значениями) (см., например: Kita S. Hand matters: Left-hand gestures enhance metaphor explanation. P. 874–886; Producing gestures facilitates route learning / So W. C. [et al] // PLoS ONE. 2014. Vol. 9. P. 1–21). Функция *манипулирования* пространственно-моторной информацией: участники, умеющие пользоваться для расчетов счетами, при вычислениях без последних, жестикулируют, имитируя действия со счетами, и чем сложнее задача, тем интенсивнее жестикуляция; участники давали более точное и полное описание внутреннего устройства объектов на основе их внешних свойств, используя жесты (жест «...способствует развитию аспекта пространственного навыка, называемого проникающим мышлением (*penetrative thinking* – прим.), которое представляет собой способность визуализировать и рассуждать о внутренней структуре объекта, основываясь на наблюдении за поверхностью объекта» (Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 248), (см., например: Atit K., Gagnier K., Shipley T. Student gestures aid penetrative thinking // Journal of Geoscience Education. 2015. Vol. 63, Issue 1. P. 66–72; The function of gesture in mental abacus computation / Brooks N. B. [et al]. Paper presented at the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, Quebec City, Canada, 2014). Функция *упаковки* пространственно-моторной информации: дети в задачах по сохранению Пиаже используют больше жестов при объяснении характеристик увиденного, а не при описании их, что свидетельствует о том, что более сложная информация требует более сложной когнитивной упаковки и, как следствие, вызывает больше жестов; использование жестового выражения определенной стратегии решения задачи помогает детям правильно решить математические уравнения (см., например Alibali M. W., Kita S., Young, A. Gesture and the process of speech production ... P. 593–613.; Goldin-Meadow S., Cook S. W., Mitchell, Z. A. Gesturing gives children new ideas about math. P. 267–272.). Функция *исследования* пространственно-моторной информации: несоответствие жестов и речи у детей (правильное решение задачи с помощью жестового исследования информации при трудностях вербального выражении правильного ответа); чем больше дети жестикулируют, тем больше правильных ответов они предлагают; жестовое исследование объектов в задаче помогает детям формировать идеи, которые сначала выражаются в жесте и лишь потом – в речи (см., например Alibali M. W., Kita S., Young, A. Op. cit.; Church R. B., Goldin-Meadow, S. The mismatch between gesture and speech as an index of transitional knowledge // Cognition. 1986. Vol. 23, Issue 1. P. 43–71; Kirk E., Lewis C. Gesture facilitates children's creative thinking // Psychological Science. 2016. Vol. 28, Issue 2. P. 225–232).

²⁴⁶ Авторы гипотезы утверждают, что последняя, во-первых, «...предоставляет единый отчет о том, как жест влияет как на речь, так и на мышление...», во-вторых, «...обеспечивает новую, экономную и всеобъемлющую теорию самоориентированных функций жестов» (Kita S., Alibali M.W., Chu M. Op. cit. P. 259). Особую значимость гипотеза жеста для концептуализации представляет для текущей исследовательской работы потому, что эта гипотеза применима и к метафорическим жестам, которые представляют *абстрактные* понятия: «Поскольку метафорические жесты схематично изображают местоположение, движение и действие (и форму – Е.Б.) точно так же, как это делают неметафорические жесты, разумно предположить, что эти два типа жестов генерируются одним и тем же механизмом и выполняют одни и те же функции» (Ibid. P. 260).

коммуникативными, выполняет также функции когнитивные. В целях подтверждения данного положения, которое также является основополагающим и для автора текущего диссертационного исследования, далее будут приведены базирующиеся на эмпирических исследованиях дополнительные положения, (в том числе используемые самим С. Кита), подтверждающие важнейшую роль жестов в познавательных процессах человека.

Жест снижает когнитивную нагрузку. Данное утверждение является основополагающим для **гипотезы**, в соответствии с которой жесты «высвобождают» когнитивные ресурсы, снижая нагрузку на рабочую память и обеспечивая более эффективное речепроизводство²⁴⁷. В целом, данный тезис согласуется с гипотезой жеста для концептуализации, в соответствии с которым жест, ввиду схематичной природы, позволяет оперировать более простыми, «сжатыми», легко модифицированными представлениями, вследствие чего «облегчается» протекание когнитивных процессов и высвобождаются ресурсы для более эффективного речепроизводства.

Жест предсказывает обучение. Существуют также эмпирические подтверждения того, что жест является *показателем когнитивно-коммуникативного развития детей*: размер жестового репертуара может дать представление о будущем словарном запасе ребенка²⁴⁸. Так, «...прежде чем создавать комбинации из нескольких слов, дети сначала сочетают слова с жестами (например, указывая на мяч и говоря «мой», чтобы передать «мой мяч»)²⁴⁹. Более того, в соответствии с рядом исследований, жест *предшествует овладению языком*: дети генерируют свой первый жест в среднем на 4 месяца ранее первого произнесенного слова²⁵⁰.

²⁴⁷ См., например: Explaining math: gesturing lightens the load / Goldin-Meadow S. [et al.] // Psychological Science. 2001. Vol. 12, Issue 6. P. 516–522; Ping R., Goldin-Meadow S. Gesturing saves cognitive resources when talking about nonpresent objects // Cognitive Science. 2010. Vol. 34, Issue 4. P. 602–619.

²⁴⁸ См., например: Bates E. Language and Context: The Acquisition of Pragmatics. New York, NY: Academic Press, 1976. 375 p; Iverson J. M., Goldin-Meadow S. Gesture paves the way for language development // Psychological Science. 2005. Vol. 16, No. 5. P. 367–371; Rowe M. L., Goldin-Meadow S. Early gesture selectively predicts later language learning. P. 182–187.

²⁴⁹ Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: ... P. 6.

²⁵⁰ См., например: Bates E. Op. cit.

Стоит добавить, что существует такое понятие, как *жестово-речевой диссонанс* (*gesture–speech discordance*). Он проявляется, в частности, в экспериментах, где изучается объяснение детей задач по сохранению Пиаже (*Piaget's conservation experiments*). Так, дети могут приводить неправильное речевое объяснение решения задачи, но верное – в жестовом виде. И те дети, в объяснениях которых имело место данное несоответствие, в последующем, после обучения, демонстрировали лучшее усвоение концепции сохранения²⁵¹. Таким образом, дети отражали в руках (в жестах) свои знания, которые, однако, были еще не до конца доступны для вербального выражения²⁵². Данное явление также согласуется с гипотезой жеста для концептуализации: жест, обеспечивая доступ к пространственно-моторному мышлению, позволяет активировать, генерировать, организовывать и анализировать информацию, которая не доступна аналитическому мышлению.

Жест облегчает запоминание. В пользу данного утверждения свидетельствуют следующие данные. Так, дети лучше усваивают и запоминают информацию, если их учитель (в частности, по математике или иностранному языку) жестикулирует. Более того, ученики в последующем также могут использовать усвоенные жесты в ходе своего дальнейшего обучения: производство жестов детьми благотворно влияет на процессы обучения и запоминания информации²⁵³.

Представляется, что данный механизм также согласуется с положениями гипотезы жеста для концептуализации, так как схематизированные в жесте блоки информации являются, с одной стороны, более емкими и сжатыми, с другой – отражают сущностные, важные для

²⁵¹ См., например: Church R. B., Goldin-Meadow, S. The mismatch between gesture and speech ... P. 43–71; Goldin-Meadow S., Alibali M. W. Gesture's role in speaking, learning, and creating language. P. 257–283.

²⁵² Представляется, что данный феномен также имеет большое значения для понимания механизмов глоттогенеза: жест как способ познания окружающей действительности, предполагающий функционирование пространственно-моторного мышления, и телесно фундированный коммуникативный инструмент мог предшествовать овладению вербальным языком.

²⁵³ См. краткое изложение доказательств: Cook S. W., Duffy R. G., Fenn K. M. Consolidation and transfer of learning after observing hand gesture // *Child Development*. 2013. Vol. 84, Issue 6. P. 1863–1871; Making children gesture brings out implicit knowledge and leads to learning / Broaders S. C. [et al.] // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2007. Vol. 136, Issue 4. P. 539–550; Repetto C., Pedrolì E., Macedonia M. Enrichment Effects of Gestures and Pictures on Abstract Words in a Second Language // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1–11.

непосредственной познавательной задачи характеристики, ввиду чего позволяют запоминать характерные особенности изучаемого явления «образно» и «быстро».

В свете вышеизложенного представляются убедительными рассмотренные доказательства когнитивных (и, в частности, концептуализирующих) функций жестов и представляется, что рассмотренные в параграфе положения свидетельствуют о том, что жесты заслуживают специального исследовательского внимания в контексте изучения когнитивно-коммуникативных особенностей Человека разумного. Существующие на сегодняшний день эмпирические данные, очевидно, позволяют убедиться в том, что жесты являются неотъемлемой частью как коммуникативной, так и познавательной активности человека, и их изучение может пролить свет на природу человеческого познания. Жесты, предоставляя доступ к пространственного-моторному мышлению и генерируясь теми же механизмами, что и практические действия, позволяют в максимально доступном, перцептивно очевидном и притом схематизированном (упрощенном, «тезисном») виде концептуально усвоить информацию и использовать ее в дальнейшем для целей как говорения, так и мышления.

Выводы по параграфу

В параграфе были рассмотрены основные гипотезы²⁵⁴, оценивающие когнитивно-коммуникативные функции жеста. При этом очевидно, что в большинстве из рассмотренных концептуальных построений исследовательское внимание сосредоточено на выявлении природы и функционала жестов в соотношении с процессами речепроизводства. При этом, как было продемонстрировано в текущем разделе, наряду с

²⁵⁴ Стоит заметить, что данные гипотезы (за некоторым исключением) впервые рассматриваются в рамках русскоязычного научного дискурса. Так, к примеру, в середине марта 2022 года (14.03.2022) путем уточняющего запроса «гипотеза лексического доступа» на поисковом сайте Google автором текущего диссертационного исследования была найдена только одна русскоязычная статья (*«Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе»* (Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №. 10 (839). С. 126–137), где тезисно упоминалась отмеченная гипотеза.

коммуникативными функциями, жест также играет существенную роль в познавательных процессах. Так, одной из гипотез, где впервые жест рассматривается с точки зрения его существенной роли в мыслительных (познавательных) процессах человека, является гипотеза жеста для концептуализации (фундированная гипотезой упаковки информации), которая также была подробно рассмотрена в текущем разделе.

Были определены сущностные черты жеста, определена его телесная, укоренённая в практических действиях природа. Акцент был сделан на фундирующем для гипотезы жеста для концептуализации положении о схематизирующей функции жеста, во многом благодаря которой жест позволяет осуществлять различные мыслительные операции с пространственно-моторной информацией, катализируя, улучшая и интенсифицируя протекание познавательных и речевых процессов.

Таким образом, основываясь на эмпирических данных (которые представляются достаточными, но, разумеется, не исчерпывающими и требующими дальнейших экспериментальных подтверждений), описанных в параграфе, можно сделать вывод, что жест обладает рядом когнитивных функций, обеспечивающих эффективное протекание процессов концептуализации. Будучи телесно фундированным, обладая морфологическим сходством с практическими действиями и активизируя работу пространственно-моторного мышления, жест обеспечивает доступ к информации, которая не доступна аналитическому мышлению, и «облегчает» процесс концептуализации действительности, организуя схематизированные визуальные, моторные и пространственные данные в смысловое единство.

2.2. Невербальное представление событий и феномен SOV-структуры

Человек в ходе эволюции научается изготавливать орудия труда в процессе антропо- и социогенеза с учетом действия ряда факторов самой разнообразной природы (индивидуальных, видовых, контекстуальных, поведенческих и т.д.). Ввиду наличия взаимосвязи между особенностями строения нервной системы, поведенческими моделями и экологическими характеристиками живого организма²⁵⁵, орудийная деятельность, способствующая интенсификации и диверсификации поведенческих практик в группах ранних людей, привнесшая качественно новые элементы в субъект-субъектные, субъект-объектные и объект-объектные связи между людьми и окружающей их средой, позволившая последним выйти за пределы их сенсорных возможностей, расширив доступ к познанию свойств окружающей действительности и увеличив количество признаков для категоризации воспринимаемого, явилась одной из ключевых предпосылок развития *лобных отделов коры головного мозга* человека. *Префронтальные формации мозговой коры* данных отделов, занимая только у человека почти треть всей массы полушарий, ответственные за понимание человеком причинно-следственных связей, обеспечивают планирование сложного поведения, позволяют людям делать выводы из нескольких посылок, синтезировать различные входные данные и реагировать соответствующим образом на стимул и т.д.²⁵⁶. В целом, лобные доли позволяют людям организовывать и реализовывать сложные поведенческие программы, играют важнейшую роль в формировании намерений и конструировании программы действий, осуществляющих эти намерения²⁵⁷.

Более того, именно в лобных отделах коры головного мозга (если быть точнее – в задненижней части третьей лобной извилины левого или правого (у левшей) полушария) находится участок, ответственный за *моторную*

²⁵⁵ Лурия А. Р. Основы нейропсихологии ... С. 11.

²⁵⁶ Бурлак С. А. Происхождение языка ... С. 187.

²⁵⁷ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. С. 92.

организацию речи – зона Брока (которая задействована не только в речевых, но и в иных двигательных актах). К тому же, моторные, премоторные и префронтальные отделы коры головного мозга, локализуясь опять же в лобных долях, представляют собой, в соответствии с общей структурно-функциональной моделью мозга (А.Р. Лурия), один из трех блоков психического функционирования и лежат в основе программирования, контроля и регуляции произвольной деятельности. При этом доминирующие структуры в данных областях коры носят *моторно-двигательный характер*²⁵⁸.

Важным представляется то, что в лобных долях также были обнаружены *зеркальные нейроны*, ответственные за имитативные способности. Данные нейроны, являясь основой подражательного научения, активизируются как при *выполнении* определенного предметного действия, так и в ходе *наблюдения* за выполнением некоторого действия другим конспецификом, а также, в соответствии с более поздними исследованиями, в ответ на *звук*, связанный с действием²⁵⁹. При этом данные действия должны быть *целесообразными*, то есть отличаться от простых движений и совершаться *почему-то и для чего-то* с учетом контекстуальных характеристик.

Стоит добавить, что система зеркальных нейронов подконтрольна зоне 46 по Бродману, которая отвечает за комбинирование отдельных двигательных актов и конструирование новой схемы действий, которая будет максимально приближенной к той, которую воспроизводит наставник²⁶⁰. Можно заключить, что здесь имеет место прямая связь *между восприятием и действием*: визуальная (зрительная) информация преобразуется в потенциальные двигательные акты.

Представляется, что отмеченные выше идеи можно интегрировать в новой, авторской конфигурации: во многом именно орудийная деятельность, разворачивающаяся в определённом социоэкологическом контексте и

²⁵⁸ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. С. 89.

²⁵⁹ The origins of gestures and language ... P. 540.

²⁶⁰ Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 372.

предполагающая разнообразные опосредованные предметами акты (хватание, дотягивание, удерживание и т.д.), которые необходимо было идентифицировать, имитировать и на которые необходимо было реагировать, послужила основной эволюции системы зеркальных нейронов. Данные нейроны, в свою очередь, позволили при визуальной фиксации предметных действий другого наделять окружающие предметы *функциональным смыслом* с точки зрения потенциально доступных действий, которые можно с ними совершить (*фактор причины*) для достижения определенных целей (*фактор следствия*), и формировать собственный алгоритм действий. Представляется, что здесь идет речь о *концептуализации* предметной действительности – процессе, который, в данном случае, позволяет классифицировать объекты/стимулы в терминах потенциально доступных действий, которые могут с этими объектами/стимулами совершиться по аналогии с уже когда-то реализованными и визуально зафиксированными целенаправленными действиями, свершившимися *по определенным причинам и приведшими к определенным следствиям*.

Таким образом, понимание причинно-следственных связей, как уникальный когнитивный навык человека, позволил последнему формировать концепты в описанном выше ключе и конструировать *жесты*, в результате филогенетической ритуализации сигналов – процесса, предполагающего возникновение коммуникативных сигналов из движений тела, изначально не обладающих коммуникативной функцией ввиду их заимствования из других социальных контекстов²⁶¹. Следует пояснить данный тезис и раскрыть авторское виденье генезиса жестовой коммуникации.

Как мне представляется, *орудийный социальный контекст* явился одним из источников невербальной коммуникации моторно-двигательной природы: кинетические акты, воспроизводящиеся в ходе орудийной деятельности и представляющие собой либо орудийные практики непосредственно, либо сопровождающие их телодвижения, обретают *значимость*. Изначально не

²⁶¹ The origins of gestures and language ... P. 535.

обладая сигнальной функцией, данные виды практик являются неотъемлемой частью орудийного отношения к среде предковых форм людей, формируя их моторно-двигательный (выполнение действий) и визуальный (наблюдение за выполнением действий) перцептивный опыт. Затем, вероятно, в ходе совместной орудийной деятельности телодвижения, представляющие и/или сопровождающие манипуляторные практики с объектами материального мира, подверглись определенной *ритуализации*, в результате которой и сформировались *жесты* как носители определенной информации, возбуждающие моторно-визуальный опыт.

Именно жесты связаны одновременно с несколькими аспектами опыта: *с моторно-двигательным и визуальным*²⁶². Жест, тем самым, активирует моторное представление о действии, которое ранее было совершено с помощью отображенных в жесте манипуляций, возбуждая моторно-зрительный опыт (в том числе посредством зеркальных нейронов, функционал которых был описан выше): жесты, в целом, дают *больше «справочной» информации*, чем вокализация²⁶³.

Следует добавить, что, по утверждению Дж. Риццоллати, впервые обнаружившего зеркальные нейроны в нижней премоторной коре (F5) у макака, именно жестовая коммуникация могла послужить основой развития человеческого языка. «Известно, что зона Брока, одна из классических речевых зон, задействована не только в речевых, но и в других двигательных актах и активируется при движениях губ..., рук... и гортани..., а ее организация сходна с организацией гомологичной области у обезьян - F5. Более того, зона Брока, как и F5, входит в состав зеркальной системы, основная функция которой как у человека, так и у обезьян состоит в установлении связи между пониманием действия и выполнением действия. Отсюда следует, что ответ на вопрос о происхождении языка следует искать не в примитивных

²⁶² Об иконических жестах и вокализации, их связи с действиями и наблюдением см. подробнее: Bohn M., Call J., Tomasello M. Natural reference: a phylo- and ontogenetic perspective ... P. 1–12.

²⁶³ Ibid.

формах голосовой коммуникации, а в эволюции жестовой коммуникации, находящейся под контролем латеральных зон коры»²⁶⁴.

Представляется, что, таким образом, воспроизводство и идентификация жеста происходит по аналогии с осуществленными ранее действиями и подконтрольна тем же корковым структурам мозга, **в силу чего можно заключить**, что жест является более «простым» носителем информации (коммуникативным компонентом) *ввиду* его структурного тождества привычным манипуляторным практикам.

В контексте исследования роли орудийной деятельности в становлении жестовой коммуникации и формировании концептов далее я обращаюсь к результатам исследования, проведенного в 2007-2008 гг. С. Голдин-Мидоу, Вин Чи Со, А. Озюрек и К. Миландер²⁶⁵. Авторы исследования поставили следующую цель: выяснить, как носители разных языков представляют информацию невербально и влияет ли на это представление их языковой опыт (исследователи отталкивались от *гипотезы Сепира-Уорфа*)

Проведя испытания на коммуникативную задачу (описание события с помощью жеста только при помощи рук, без речи) и некоммуникативную задачу (реконструкция событий при помощи картинок) с носителями разных языков (английский, испанский, китайский и турецкий), различающихся по преобладающему порядку слов, авторы исследования обнаружили, что носители всех четырех языков использовали *один и тот же порядок в обеих невербальных задачах*: порядок слов, характерный для различных языков испытуемых, не оказал влияние на их невербальное поведение. Так, подавляющее большинство испытуемых представили информацию невербально в следующем порядке: *актор – объект действия – действие* [actor (Ar) – patient (P) – act (A)]. Данный порядок аналогичен структуре *субъект – объект – глагол* [subject (S) – object (O) – verb (V)], которая характерна для многих языков мира и для новых развивающихся жестовых

²⁶⁴ Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге ... С. 139.

²⁶⁵ Более подробное описание материалов и методов исследования см.: The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally. P. 9163–9168.

языков²⁶⁶. Полученные результаты, по мнению С. Голдин-Мидоу и её коллег, свидетельствуют о том, что существует *естественный порядок*, который люди (вне зависимости от их языка) «накладывают» на события при невербальном описании и реконструировании последних.

Испытуемые использовали отмеченный порядок (который будет в текущей работе именоваться *SOV-структура*) при представлении событий, во многом в силу того что «сущности когнитивно более *просты* и менее *реляционны* (курсив мой – Е.Б.), чем действия, что может привести к тому, что участники выделяют сущности, участвующие в действии, прежде чем сосредоточиться на самом действии, таким образом, расположив Ar и P перед A. Более того, существует *особенно тесная когнитивная связь между объектами и действиями* (курсив мой – Е.Б.), которая свяжет P с A, что приведет к порядку ArPA»²⁶⁷. Вместе с тем, как предполагают авторы отмеченного исследования, SOV-структура преобладает и на *ранних стадиях разговорного и жестового языков* (в частности, жестовый язык бедуинов Аль-Сайид, возникший и развивающийся в последние 80 лет, приобрел грамматическую структуру SOV)²⁶⁸.

Ниже предлагается оригинальная авторская интерпретация результатов и выводов, к которым пришли С. Голдин-Мидоу и её коллеги. Вероятно, во многом существующий порядок (SOV-структура), отражающий процессы ментальной репрезентации событий, сформировался у Человека Разумного именно в ходе совместной *орудийной деятельности*. Как было отмечено выше, в ходе орудийных практик у человека проясняются в сознании причинно-следственные связи: само понятие причинности зиждется на повседневном *наблюдении* людей за людьми в ходе *деятельности*, преимущественно *орудийной*, когда в ходе воздействия одного предмета на другой последний претерпевает изменения. В дальнейшем же представление

²⁶⁶ The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally. P. 9163.

²⁶⁷ Ibid. P. 9166.

²⁶⁸ Ibid.

о причинно-следственной связи экстраполируется на явления неживой природы²⁶⁹.

Таким образом, в данной работе обосновывается утверждение о том, что в едином перцептивном поле (преимущественно связанном с моторно-визуальным опытом) оказываются: предмет, оказывающий воздействие (S) – причина (причиняющий фактор), приводящий к изменениям (следствиям); предмет, претерпевающий воздействие (O); само действие, связывающее воедино два предмета (V). И, в силу того что люди, ведя коллективный образ жизни, наблюдают непосредственно *друг за другом* и научаются *друг у друга* в результате наблюдения за действиями и воспроизводства этих действий, представляется, что, вероятно, изначально причиной, причиняющим фактором становится *сам человек* как субъект действия (S), являющийся активной, иницирующей стороной действия, способной к целеполагающей активности. Можно развить дальше эту идею следующим образом: становящаяся перцептивно очевидной в результате наблюдений активность, деятельное начало, «энергейя», причиняющая сила человека, в дальнейшем переносится и на иные объекты живой и неживой природы – прежде всего, на сущности, которые, как уже было отмечено, *когнитивно более просты и перцептивно более очевидны* (до них можно дотронуться, их можно обозреть). Сущности, тем самым, *концептуализируются* как оказывающие воздействие (S) или как претерпевающие его (O).

Жест же, согласно развиваемой в работе трактовке, является более «простым» коммуникативным компонентом в силу его структурного тождества привычным манипуляторным практикам. При этом в жесте, в отличие от речи (в которой задействуется только временной параметр), используется и время, и *пространство* при создании выразительных форм²⁷⁰: посредством жеста можно как *указать* на предмет, с которым, например,

²⁶⁹ Касавин И. Т. Дэвид Юм: парадоксы познания. С. 157–171.

²⁷⁰ Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. P. 38.

необходимо совершить определенные манипуляции в ходе совместной деятельности, от успешной реализации которой зависит степень выживаемости коллектива, так и *изобразить* как сам предмет, так и те *действия*, которые с ним необходимо совершить.

Следует добавить, что жест «...указует не для того, чтобы что-то означать, а для того, чтобы *включить в единое пространство* (без проведения дихотомии между мыслью и словом, означаемым и означающим) (*курсив мой*— Е.Б.), можно даже сказать, в один и тот же семиотический текст, «субъект», «объект» и практику»²⁷¹.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что именно жест — это особой инструмент, способствующий, с одной стороны, формированию концептов на основе понимания каузальных зависимостей, элементы которых (S, O и V) включаются в единый пространственно-временной *контекст*, а с другой — это ритуализированный коммуникативный сигнал, передающий определенную информацию и иллюстрирующий процессы невербального представления событий Человеком разумным.

Выводы по параграфу

В параграфе была *продемонстрирована фундаментальная роль орудийной деятельности в становлении каузального мышления человека и в генезисе жестовой коммуникации*: способствуя интенсификации моторно-двигательных практик, расширяя спектр перцептивно идентифицируемых признаков для категоризации воспринимаемого, наглядно иллюстрируя причиняющие сущности и испытывающие влияние последних претерпевающие единицы, являясь одной из ключевых предпосылок развития системы зеркальный нейронов, орудийная деятельность стала, с одной стороны, мощным толчком к развитию каузального мышления людей, обусловившего определенный способ концептуализации воспринимаемого, с другой стороны, орудийные манипуляторные практики послужили моторно-

²⁷¹ Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? С. 118.

двигательной основной *жестов*, сформировавшихся в результате ритуализации этих практик и возбуждающих моторно-визуальный опыт.

Впервые, при использовании ранее не интегрированных в русскоязычный философский дискурс результатов исследования С. Голдин-Мидоу и её коллег в контексте анализа значения жестов в невербальном представлении событий, в данной работе был выдвинут и подкреплён эмпирическим базисом тезис о *концептуализирующей* роли орудийной деятельности и жестовой коммуникации: жест, вводя в единое перцептивное поле субъект действия (S), объект воздействия (O) и сам акт (V), объективирует когнитивно усвоенные в ходе орудийных практик причинно-следственные отношения (иллюстрируя естественный порядок, SOV-структуру), которые люди накладывают на события и представляют невербально ввиду их уникального для вида перцептивного опыта, в котором становится возможной идентификация сущностей как причин или следствий тех или иных событий.

С точки зрения автора, полученные результаты могут стать толчком к новым исследованиям, в том числе эмпирическим, (1) роли орудийной деятельности в развитии жестовой коммуникации людей как особой коммуникативной системы, отличной, например, от жестовой сигнализации приматов; (2) влияния каждодневного перцептивного опыта, предполагающего множество транзитивных актов, на концептуализацию событий и невербального представления последней; (3) субъектов и объектов действия как визуально идентифицируемых «динамических» (энергий) или «статических» (эргон) сущностей и т.д. Вероятно, было бы полезно провести исследование с целью обнаружения SOV-структуры у *детей* разных возрастов с различным речевым (языковым) и моторно-двигательным опытом.

Таким образом, изучение жеста как одного из аспектов мультимодальной человеческой коммуникации предстает актуальным направлением гуманитарного и естественнонаучного исследовательского поиска, в ходе которого возможно приблизиться к обнаружению

фундаментальных основ когнитивно-коммуникативного бытия Человека разумного.

2.3. Роль жестов в освоении абстрактных понятий

Давая оценку роли жестов в концептуализации действительности, стоит отдельное внимание уделить тому, как жесты способствуют усвоению абстрактных понятий.

Наиболее часто встречающееся в психолингвистической литературе толкование *абстрактного понятия* связывает последнее с перцептивно не доступными сущностями, к которым невозможно применить физическое и/или пространственное обоснование²⁷². В данной работе приведенная трактовка также будет основной.

Одним из системообразующих в контексте текущего исследования является тезис о *моторно-двигательной* природе жеста, воспроизводство и идентификация которого осуществляется по аналогии с осуществленными ранее привычными манипуляторными практики, предполагающими функционирование *пространственно-моторного мышления*. Представляется, что данный аспект сущности жеста наглядно продемонстрирован психолингвистом *Comaru Kumo (Sotaro Kita)* в исследовании, посвященном роли репрезентативных²⁷³ жестов в процессе говорения. Отмеченное уже было подробно рассмотрено в диссертации в параграфе 2.1. *Жест как ключевой компонент познавательных процессов человека: концептуализирующая функция жестовой коммуникации*. Следует упомянуть основные тезисы

²⁷² См., например: Kita S., Alibali M. W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 245–266; Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 162–185; Roth W. M., Welzel-Breuer M. From activity to gestures and scientific language. P. 103–136; Zdravilova L., Sidhu D. M., Pexman P. M. Communicating abstract meaning: concepts revealed in words and gestures // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2018. Vol. 373, Issue 1752. P. 1–10.

²⁷³ С. Кита определяет репрезентативные жесты как: а) *знаковые (иконические) жесты*, предполагающие определенную степень изоморфизма между формой жеста и сущностью, выражаемой этим жестом, и б) *абстрактные дейктические (указательные) жесты*, которые указывают на кажущееся пустым пространство перед телом, как будто устанавливая виртуальный объект в пространстве жестов или указывая на такой виртуальный объект (Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 162).

С. Кита, представляющие исследовательскую значимость для темы текущего параграфа.

С. Кита, являясь сторонником акционального (деятельностного взгляда) на природу жеста, отмечает, что: «Репрезентативные жесты возникают в процессе, в ходе которого *пространственно-моторное мышление создает альтернативные организации информации* (курсив мой – Е.Б.), которые могут быть использованы при формировании аналитического сообщения, лежащего в основе речи»²⁷⁴.

Основываясь на данных эмпирических исследований процесса решения задач детьми (в частности, задач на математическую эквивалентность), С. Кита указывает на наличие *жестово-речевого диссонанса* на этапе перехода к усвоению нового концепта: в силу того, что дети зачастую выражали правильный способ решения задачи только при помощи жестов, автор предполагает, что пространственно-моторное мышление, которое лежит в основе репрезентативных жестов, «исследует организацию информации, которую аналитическое мышление²⁷⁵ не может легко охватить»²⁷⁶. Автор выдвигает гипотезу «упаковки» информации (*Information Packaging Hypothesis*), согласно которой ввиду того, что производство репрезентативных жестов предполагает пространственно-моторное мышление (которое отлично от мышления аналитического, по умолчанию ответственного за говорение), данные жесты помогают *организовывать информацию для формирования мысли и её экспликации в речи*, облегчая процесс говорения. При этом С. Кита, предполагая, что «пространственно-моторное мышление также может быть применено к виртуальной среде, которая внутренне создается в виде образов»²⁷⁷, отмечает, что репрезентативные жесты, которые берут свое начало в практических действиях – это *действия в виртуальной среде*.

²⁷⁴ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 168.

²⁷⁵ Аналитическое мышление, в трактовке С. Кита, организует информацию путем иерархического структурирования деконтекстуализированных (не зависящих от модальности) концептуальных шаблонов, которое могут быть как неязыковыми, так и лингвистическими по своей природе (Ibid. P. 164).

²⁷⁶ Ibid. P. 176.

²⁷⁷ Kita S. How representational gestures help speaking ... P. 165.

Также представляется интересным тезис, который обосновывает С. Кита с коллегами в другом исследовании, посвященном роли жестов в процессах мышления и говорения: жест является *репрезентативным*, он *представляет* мир, не меняя его, и активно влияет на мышление ввиду способности к схематизации, которая является «формой *абстракции* (курсив мой – Е.Б.), то есть она удаляет одни элементы, сохраняя при этом другие»²⁷⁸. При этом ввиду того, что жест репрезентативен и не привязан к реальному объекту (в отличие от непосредственно действия с ним), авторы утверждают, что жестикуляция «заставляет» людей активно формировать и поддерживать пространственно-моторные представления объектов в своей *рабочей памяти* и создавать более прочные связи между движениями тела и мышлением²⁷⁹. Также, отталкиваясь от тезиса Лакоффа и Джонсона о укорененности метафор в физических действиях или пространственных отношениях, исследователи отстаивают тезис о том, что «...жест облегчает сопоставление между этими пространственно-моторными концепциями и их метафорическими значениями»²⁸⁰.

Как мне представляется, на основе вышеизложенных положений в отношении природы и функций жеста можно сделать следующий вывод: жесты могут оказать помощь в представлении информации, которую сложно перцептивно уловить и аналитически оценить (к примеру, в отличие от конкретных, единичных, визуально определяемых сущностей): благодаря своей *пространственно-временной выразительности*, жесты «заставляют» мышление выходить за рамки конкретики. При этом жест можно рассматривать как телесно фундированный *механизм абстрагирования*. Ввиду своей репрезентативно-схематичной природы жест способствует совершенствованию мыслительных процессов: становится возможным когнитивное улавливание и оперирование сущностями, которые лишены непосредственного чувственно-конкретного фундамента.

²⁷⁸ Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? ... P. 255.

²⁷⁹ Ibid. P. 256.

²⁸⁰ Ibid. P. 247.

Жест, с одной стороны, помогает физически изобразить объект и действия, фигурирующие в познавательном и/или коммуникативном процессе, с опорой на телесный (моторно-двигательный) перцептивный опыт, а с другой – является первым (или одним из первых) с точки зрения простоты воспроизводства инструментом, позволяющим мышлению формировать образы сущностей, которые не совпадают с реально воспринимаемыми объектами. И в дальнейшем, на мой взгляд, мышление оказывается в состоянии оперировать абстрактными понятиями, с которыми сложно или практически невозможно соотнести чувственно воспринимаемые объекты. «Когнитивно-коммуникативный» толчок к таким возможностям мышления дает жест.

Для прояснения отмеченных соображений представляется целесообразным обратиться к исследованию *В.М. Рота (Wolff-Michael Roth)* и *М. Вельцель-Брейер (Manuela Welzel-Breuer)*, посвященному роли жестов в научном дискурсе об абстрактных сущностях, где утверждается, что «жесты предоставляют материал, который «склеивает» слои перцептивно доступных сущностей и абстрактных понятий»²⁸¹. Являясь сторонниками герменевтической феноменологии и опираясь на эмпирические исследования процесса научного дискурса у лиц школьного возраста, предполагающего оперирование вновь изученными абстрактными сущностями (электрон и иные микроскопические объекты, заряженность, индукция и т.д.), авторы исследования приходят к следующим выводам. Во-первых, объективированное выражение феномена восприятия в иконическом жесте требует меньше времени, чем в слове, ввиду топологического сходства (перцептивно очевидного) иконических жестов с их референтами²⁸². Во-вторых, иконические и/или метафорические жесты могут воплощать концептуальные сущности так же, как физические сущности, доступные для

²⁸¹ Roth W. M., Welzel-Breuer M. From activity to gestures and scientific language. P. 103.

²⁸² Ibid. P. 125.

восприятия (моторно-визуального, в частности)²⁸³. Так, к примеру, «...электроны никогда не были феноменально доступны, они стали сущностями, которые разумно объясняли рассматриваемые явления, и, следовательно, приобрели характеристику чего-то «реального». Характер электронов и их движение как нечто реальное были дополнительно усилены объектным характером руки и ее движением, которые представляли концептуальные сущности»²⁸⁴. Таким образом, жесты могут представлять абстрактные сущности или их *причины и следствия* на фоне материально существующего мира, натурализуют, «одомашнивают» концептуальные образования в сфере физического, являясь связующим звеном между воспринимаемыми феноменальными сущностями и абстрактными понятиями, способствуя концептуализации последних: «...жесты позволяют учащимся создавать сложные объяснения посредством последовательности действий, которые образуют объекты с новыми свойствами, или посредством координации множества причинно-следственных событий»²⁸⁵.

Как мне представляется, выводы, к которым пришли В.М. Рот и М. Вельцель-Брейер, обогащают вышеизложенные предположения. Очевидно, с одной стороны, что исследователи анализировали процесс усвоения абстрактных понятий лицами школьного возраста, которые обладают языковыми компетенциями, владеют понятийным мышлением и для которых членораздельная речь является привычным, естественным коммуникативным инструментом. С другой стороны, вероятно, отмеченные авторами выводы можно экстраполировать на процессы *филогенеза языка и речи* и развития *познавательных возможностей* людей в целом: человек (или его предковая форма) при воспроизводстве жестов оказывается в состоянии *представить* феноменально доступные сущности, репрезентируя их

²⁸³ В.М. Рот и М. Вельцель-Брейер акцентируют внимание на том, что жестовые аспекты познания можно оценить лишь с учетом *связи познания с восприятием и действием*: жесты с необходимостью предполагают наличие *тела*, которое интегрирует опыт человека (Roth W. M., Welzel-Breuer M. From activity to gestures and scientific language. P. 127).

²⁸⁴ Ibid. P. 120.

²⁸⁵ Ibid. P. 128–129.

характеристики в жестовом сообщении. В процессе же представления отмеченных сущностей, жест позволяет, на основе *схематизированных* в жесте действий и/или характеристик изображаемых объектов, формировать *новые* представления о перцептивно не доступных сущностях. Например, при репрезентации процесса удара камня о другой камень при помощи жестов может возникнуть представление о *силе* удара, его *траектории*, *форме* камней, что в дальнейшем может привести к концептуализации данных характеристик ввиду частоты повторяемости отмеченных жестов в схожих социальных ситуациях.

Исходя из вышеотмеченного мне представляется важным рассмотреть *социальный аспект* овладения абстрактными понятиями посредством жестов, в целях чего я обращаюсь к результатам исследования, проведенного Л.В. Барсалу (*Lawrence W. Barsalou*) и К. Вимер-Гастингс (*Katja Wiemer-Hastings*) в 2005 году²⁸⁶. Авторы, изучая содержания таких абстрактных понятий, как истина, свобода и изобретение, отмечают, что для понимания концептов (как конкретных, так и абстрактных) важны *фоновые ситуации*: значения слов не устанавливаются изолированно²⁸⁷. В свою очередь, для абстрактных слов поиск ситуации более трудоёмок, чем для конкретных. При этом в исследовании уточняется, что «отличие конкретных и абстрактных понятий заключается в их фокусировке в фоновых ситуациях, при этом *конкретные* понятия *фокусируются на объектах*, а *абстрактные* понятия - *на событиях*²⁸⁸ и самоанализе (курсив мой – Е.Б.)»²⁸⁹.

Таким образом можно сделать вывод, для освоения абстрактных понятий важен *событийный социальный контекст*: конструирование представлений о недоступных для непосредственного восприятия сущностей осуществляется в ходе социальных взаимодействий, где становится

²⁸⁶ Более подробное описание материалов и методов исследования см.: Barsalou L. W., Wiemer-Hastings K. Situating abstract concepts. P. 129–163.

²⁸⁷ Ibid. P. 131.

²⁸⁸ Л.В. Барсалу и К. Вимер-Гастингс отмечают также, что в описании абстрактных концептов участники исследования в большинстве случаев упоминали *социальные* аспекты ситуации (люди, общение, социальные институты) (Ibid. P. 152).

²⁸⁹ Ibid. 134.

возможным как осознание намерений другого, так и оценка собственных интенций.

Мне представляется, что данный подход можно развить, обратившись к концепту *обобщенного другого*, предложенному Дж. Г. Мидом, и феномену *совместной интенциональности*, развиваемому в работах М. Томаселло. Так, обобщенный другой – это организованное сообщество, которое входит в опыт каждого его члена в качестве интернализированных групповых установок, которые *оказывают влияние на индивидуальное и групповое поведение*, в частности, в ходе решения социальных проблем²⁹⁰. При этом Дж. Г. Мид указывает на фундаментальную роль этих установок в процессе мышления, деятельность которого – это внутренний разговор индивида с самим собой, который реализуется с точки зрения «обобщенного другого». Чем более абстрактным является этот разговор, тем более *абстрактным* является мышление. В свою очередь, абстрактные понятия – «...это понятия, сформулированные в терминах установок всей социальной группы или сообщества; они формулируются на основе осознания индивидом отношения обобщенного другого к ним, в результате того, что он принимает эти установки обобщенного другого и затем реагирует на них. И, таким образом, это также означает, что абстрактные предложения излагаются в форме, которую примет любой — любой другой разумный индивид»²⁹¹.

Очевидно, что «обобщенный другой» как интернализированный набор установок организованного сообщества возникает в результате деятельного взаимодействия между индивидами. При этом, как мне представляется, важное значение имеет *частота и повторяемость* социальных практик, в ходе которых становится возможным (в том числе благодаря зеркальным нейронам, ответственным за имитативные способности) на основе перцептивного схватывания улавливать событийную тождественность, схожесть ролевых функций с идентичным типом реагирования и/или

²⁹⁰ Mead G.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist / C.W. Morris (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 156.

²⁹¹ Ibid.

поведения партнеров в определенной ситуации (например, охота, приготовление пищи, изготовление орудий труда, обустройство мест обитания и т.д.).

Необходимо добавить, что в ходе таких повторяющихся взаимодействий формируется *совместная интенциональность (shared intentionality)*. М. Томаселло, изучающий действие данного механизма, определяет его функционирование следующим образом: индивиды осуществляют коллективную деятельность и координируют свои действия ввиду того что у каждого имеется представление, во-первых, об *общей цели*, ради которой реализуются как совместные, так и индивидуальные усилия, во-вторых, о *совместном внимании*, предполагающем, что участники действия обращают внимание на одну и ту же ситуацию и знают, что обращают внимание партнеров на соответствующую ситуацию, в-третьих, о своей *индивидуальной роли* в совместной деятельности. Переживаемое в совместном внимании интернализуется как *общее знание или опыт*²⁹². При этом М. Томаселло отмечает, что «...в процессе взаимодействия и общения с другими людьми в контексте сотрудничества и совместного внимания, дети *концептуализируют мир с точки зрения различных перспектив* (курсив мой – Е.Б.), опять же, чего не делают другие приматы»²⁹³. Так, ввиду совместной интенциональности индивиды впервые устанавливают через совместное внимание, что у них с партнером один и тот же фокус внимания с одним и тем же когнитивным содержанием.

В свою очередь, жесты, сходные по своей морфологии со схематично репрезентируемыми сущностями, процессуально тождественные манипуляторным практикам и возбуждающие пространственно-моторное мышление, облегчают процесс концептуализации конкретных и абстрактных сущностей в описанном выше ключе с учетом *социального* контекста, где становится возможным моторная-визуальная оценка идентичного поведения

²⁹² Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. P. 6.

²⁹³ Ibid. P. 8.

(в том числе ролевого) членов группы в схожих обстоятельствах по отношению к тем или иным аспектам действительности и интернализация перцептивно схваченной совокупности реакций в качестве «организованного другого», внутренний (виртуальный) разговор с которым предполагает оперирование абстрактными концептами.

Таким образом, на основе синтеза изложенных в текущем исследовании идей мне представляется возможным предложить собственное виденье роли жестов в освоении абстрактных понятий. Так, жест, являясь телесно воплощённым когнитивно-коммуникативным элементом, предполагая функционирование пространственно-моторного мышления, активирует моторное представление о действии, которое ранее было совершено с помощью отображенных в жесте манипуляций, возбуждая моторно-зрительный опыт и активирует образ объекта, который был задействован в манипулятивных практиках. При этом данные представления являются результатом процесса абстрагирования – схематичной репрезентации воспринятых характеристик объектов и/или действий в окружающей среде. Отмеченная схематизирующая функция жеста «научает» мышление концентрироваться не на конкретном объекте и/или действии в целом, а на тех его характеристиках (будь то форма, размер, траектория и т.д.) которые являются релевантными в данный момент для коммуникативного и/или познавательного процесса. Это также позволяет конструировать представление о сущностях, которые, с одной стороны, являются атрибутами физических, материальных объектов, доступных для восприятия, с другой – приобретают «самостоятельное концептуальное существование», в отрыве от своих субстанций.

Данное конструирование посредством жестовых манипуляций становится возможным в *социальных* условиях, когда в ходе повторяющихся практик коллективного взаимодействия в совместном внимании реализуется концептуализация действительности с точки зрения различных перспектив: в процессе жестовой коммуникации, предполагающей воспроизводство

действий и их зрительную фиксацию, реализуется интернализация совокупности повторяющихся реакций в ходе идентичных социальных актов и возникает внутренний (виртуальный) разговор с «обобщенным другим» посредством абстрактных понятий, которые выкристаллизовываются в социально-ситуативном контексте и соотносятся посредством жеста с феноменально доступными сущностями.

Таким образом, на фоне материально существующего мира и мира социальных взаимодействий с учетом репрезентируемых в жестах аспектах действительности возникают представления об абстрактных сущностях.

Выводы по параграфу

В параграфе была выявлена *роль жестов в освоении абстрактных понятий*. Основой развиваемого подхода стал синтез результатов исследований, которые были впервые интегрированы в русскоязычный научный дискурс (исследования ученых С. Кита, М. Алибали М. Чу, В.М. Рота и М. Вельцель-Брейер, Л.В. Барсалу и К. Вимер-Гастингс)²⁹⁴.

Автором было определено, что жест: предполагает функционирование пространственно-моторного мышления, организует моторно-визуальную информацию для формирования мысли, обладает репрезентативно-схематичной природой и является формой абстрагирования, способствует активному формированию и поддержанию пространственно-моторных представлений объектов в рабочей памяти, «научает» мышление формировать представления о не доступных для непосредственного восприятия сущностях на фоне феноменально очевидного мира при помощи схематизированных в жесте действий и/или характеристик изображаемых объектов.

²⁹⁴Мне представляется, что отмеченные исследования заслуживают дальнейшего анализа, так как, помимо использованных в данной работе тезисов, в них содержатся актуальные для различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания идеи в области осмысления сущности человеческого жеста. Более того, работы таких зарубежных исследователей, как Д. МакНил, А. Кендон, С. Голдин-Мидоу, К. Эммори, К. Мюллер, А. Озюрек, С. Левинсон, Ч. Годвин и др., следует интегрировать в русскоязычный научный дискурс в целях более разностороннего и глубокого понимания мультимодальной природы человеческой коммуникации.

Было показано, что формирование представлений об абстрактных сущностях становится возможным в ходе *социальных* взаимодействий: ввиду совместной интенциональности индивиды интернализируют совокупность групповых реакций, концептуализируют мир с точки разных перспектив, интегрированных в «обобщенном другом» и научаются вести с ним внутренний (виртуальный) разговор, оперируя абстрактными понятиями, доступ к котором предоставляет *жест*.

Таким образом, было предложено собственное виденье роли жестов в освоении абстрактных понятий, определена репрезентативно-схематизирующая, концептуализирующая функция жеста, реализуемая в социально-ситуативном контексте.

Представляется, что затронутая проблематика заслуживает дальнейшего изучения. Полученные в ходе текущего параграфа результаты могут послужить подспорьем для более углубленного изучения когнитивно-коммуникативной роли жестов, их функции в организации информации (в том числе предназначенной для вербальной экспликации), оценке уникальности жестовых коммуникативных практик Человека Разумного, бытие которого разворачивается в пространстве социального, а также для организации эффективного взаимодействия человека, неотъемлемой частью коммуникации которого является жест, и искусственных систем (human-machine interface).

Глава 3. Социальное познание, жестовая коммуникация и происхождение языка

3.1. Орудийная деятельность и становление каузального мышления человека

Отдельного исследовательского внимания заслуживает способность людей обнаруживать и понимать причинно-следственные связи, что обуславливает определенный, «эвристический» способ языкового бытия людей в мире.

В рамках текущего параграфа основное внимание будет уделено пониманию причинно-следственных связей как когнитивному навыку человека, однако с целью комплексного, полноценного рассмотрения проблемы каузальности человеческого мышления, следует обратиться к теоретико-методологическим истокам исследования причинной связи, лежащим, в первую очередь, в области философского знания.

В целом, следует заметить, что философское постижение бытия с необходимостью предполагает стремление к постижению всеобщей связи между явлениями. Категории причины и следствия присущи философскому мировоззрению как таковому: поиск предельных оснований реальности ведется в пространстве каузальности. Еще древнегреческие философы (Милетская школа, пифагорейцы, Эмпедокл, Анаксагор, Платон, Аристотель) занимались поиском причин бытия, пытаясь объяснить сущность мироздания: одни философы усматривали материальные причины всего сущего, другие видели причины в «беспредельном и определяющем», третьи – в вечных идеях и т.д. Отдельно следует отметить аристотелевский подход к каузальному анализу, предполагающему установление «начал», «причин субстанции». Таких «начал» Аристотель выделяет четыре: 1) форма, «чтойность» (сущность предмета); 2) материя или субстрат («то, из чего»); 3) источник, начало движения (производящее, «творящее» начало); 4) цель, конечная причина («то, ради чего»)²⁹⁵. Предложенное Аристотелем учение о четырёх началах

²⁹⁵ Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.

или причинах является в некотором смысле синтезом предшествующих идей в отношении причинности, существовавших в различных философских системах.

Идеи философов античного периода в отношении категории причинности, с учетом ряда модификаций, были восприняты неоплатониками и нашли отражение в патристической и схоластической философии.

В философии Нового времени (Бэкон, Декарт, Спиноза, Гейлинкс, Мальбранш, Юм, Кант, Лаплас, Фихте, Мен де Биран, Гегель, Шопенгауэр и др.), при интерпретации причинно-следственной связи, поднимаются новые онтологические, гносеологические, эпистемологические проблемы (телеологический характер каузальности, эмпирическая основа познания причинности, причина и следствие как априорные категории рассудка и проч.), анализируются такие характеристики причинно-следственной связи, как необходимость и всеобщность, исследуется генезис познания причинной связи, предпринимаются попытки определить природу причинности. Философы позитивистского толка (начиная с Конта, Милля и Спенсера), во многом нивелируя категорию причинности, переносят акцент на исследование регулярностей, а в дальнейшем – функциональных зависимостей.

В целом, с середины XIX в., сначала в биологии (эволюционная теория Ч. Дарвина), затем в иных областях естественнонаучного и гуманитарного знания развивается вероятностная, статистическая трактовка причинности. В русле исследований сложноорганизованных систем при вероятностном понимании причинно-следственных связей поднимается проблема самодетерминации поведения сложных систем, анализируется их внутренняя динамика с учетом действия внешних условий, изучаются реальные, сложноорганизованные процессы.

Необходимо добавить, что причинность как философская категория не является основным предметом исследования, реализуемого в текущей работе. Идентификация и понимание причинно-следственных связей как некий когнитивный навык, характерный для познавательных механизмов Человека

Разумного, рассматривается автором диссертации в качестве *постулата* – в работе не ставится задача обоснования и скрупулёзного исследования категории причинности и понимания людьми каузальных связей, а принимается постулат о всеобщности причинно-следственных связей и о каузальном характере мышления людей, сформированном в процессе регулярных (орудийных, в том числе) практик, предполагающих деятельное взаимодействие субъектов в рамках физической и социальной среды. Представляется, что проблема причинности как философская проблема не может быть решена окончательно – она обсуждается и будет обсуждаться вновь в русле различных естественнонаучных, гуманитарных и междисциплинарных областей знания. Ввиду отмеченного в текущей диссертации не ставится цель определить и обосновать «истинное» понимание причинности. При этом для полноты изложения представляется необходимым добавить ряд положений, касающихся отмеченной проблемы.

Так, трудности при исследовании проблемы причинности возникают ввиду того что последняя может трактоваться как *физическое понятие* или как *философская категория*. К примеру, в рамках физической картины мира причинность зачастую отождествляется с *детерминизмом* (как некой доктриной о всеобъемлющей причинности). Такое понимание причинности характерно для классической механики, в рамках которой сформировалась первая базовая модель бытия, в соответствии с которой причинность представляет собой внешнее силовое воздействие одних тел на другие, ввиду которого последние претерпевают изменения своих состояний и свойств. Очевидно, что речь здесь идёт сугубо о «действующей причине» в терминологии Аристотеля – об источнике движения, производящем начале.

Ограниченность отмеченной трактовки причинности (не позволяющей, например, объяснить инерционные процессы) была преодолена в рамках модели *вероятностного* мира – мира, для которого характерны представления о случайности, достаточно независимой от внешнего окружения, как условия внутренней динамики элементов в составе вероятностных систем.

Исследовательские изыскания по проблеме причинности в рамках естественнонаучных дисциплин в той или иной мере оказали влияние на философское постижение причинно-следственных отношений²⁹⁶. «Современное философское понимание причинности может быть охарактеризовано как одностороннее, доходящее до полного ее «забвения» или даже отрицания. Неудивительно, что в настоящее время исследователи причинности в основном обращаются к изучению физической причинности, что связано с идущим еще от Б. Рассела²⁹⁷ представлением о том, что философское понимание причинности есть лишь зачаток более развитого научного понимания причинности. Существует ряд проектов редукции ментальной причинности к причинности физической»²⁹⁸.

Представляется, что понимание самостоятельности философии и специфики философского знания может позволить исследователю преодолеть данную односторонность. В качестве доказательства отмеченного видится необходимым привести следующую объемную цитату. «Философ не может предписывать физикам, в каком смысле они должны употреблять те или иные понятия. Он лишь говорит, что физические интерпретации причинности отличаются, иногда очень значительно, от понимания причинности как философской категории. В более общем плане физическая, научная картина

²⁹⁶ Разумеется, справедливо и обратное: категория причинности волновала умы философов со времен возникновения самой философии и, будучи классической проблемой последней, с развитием науки (начиная с Нового времени) приобретала статус научной проблемы.

²⁹⁷ С именем Б. Рассела (наряду с Х. Рейхенбахом и Ф. Франком) связано такое философское учение и методологическая позиция как *индетерминизм*. Появившись в период древнегреческой философии и приобретя особую актуальность в связи с развитием квантовой физики, исследований микромира и вероятностных систем, индетерминизм провозглашает отрицание либо объективности причинной связи (онтологический индетерминизм), либо познавательную ценность причинного объяснения в науке (методологический индетерминизм). Сторонники индетерминизма стремятся определить иные, помимо причинных, формы воздействия (структурные, функциональные, аксиологические, вероятностные и т.д.)

²⁹⁸ Рябушкина Т.М. Временность и причинность в контексте проблемы оснований сознательного опыта // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Том 16. Вып. 3. С. 33. В отмеченной работе причинность рассматривается как структурообразующая связь сознательного опыта. Автором показывается, что для многих философов (Д. Юм, И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Ж. Деррида) очевиден примат временности над причинностью – именно временность рассматривается как фундаментальная характеристика сознания, определяющая саму возможность его существования, тогда как роль причинной связи в сознании умалется. Однако автор стремится продемонстрировать следующее: «Причинные связи представляют на уровне сознания работу воображения по созданию явлений, описывают всякое изменение сознаваемого мира, процессы возникновения и уничтожения вещей. Таковы основания возникновения в сознании причинных связей, не являющихся фикциями и имеющих содержательный характер» (Там же. С. 36).

мира не совпадает с философской картиной мира. ... причинность как философская проблема всегда относительно автономна от тех или иных новых гипотез и теорий в науке. Новые научные идеи о причинных связях в какой-либо области действительности находят отражение в философской концепции только будучи ассимилированными на уровне самого философского знания в соответствии с его традициями и спецификой. Особенность философского знания проявляется также в том, что всеобщие философские положения не могут подтверждаться или опровергаться практикой, в частности экспериментом, как это имеет место в отношении научных знаний»²⁹⁹.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным перечислить ряд проблем, которые обнаруживаются при исследовании причинности в рамках *философского* постижения бытия. Среди этих проблем можно отметить следующие: соотношение причинности и детерминизма; становление и содержание понятия причинности; проблема причинности в контексте соотношения объекта и субъекта, реализма и феноменализма; связь (соединение) причины и следствия, природа этой связи (вещественная, независимая от ума или основанная на психологической привычке³⁰⁰); причинность как объективная категория или как свойство сознания; гносеологический, логический и онтологический статусы причинности; языковые выражения причинной связи; соотношение причины и следствия в их событийном аспекте; соотношение причины и условий по вопросу закономерности и необходимости причины и следствия; логические критерии

²⁹⁹ Князев Н.А. Проблема причинности в философии: концепция двух уровней: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.01. М.: 1993. С. 4.

³⁰⁰ В связи с отмеченной проблемой представляется необходимым упомянуть идеи Д. Юма и И. Канта. Так, представление людей о причинно-следственной связи, согласно Д. Юму, есть лишь *привычка к повторяющемуся порядку следования перцепций* – привычка наблюдать одинаковые или схожие между собой события, которые наступают после других, также похожих между собой. При этом Д. Юм делает акцент на том, что происхождение данных перцепций неизвестно и что в какой-то момент отмеченная привычка может дать сбой. И. Кант, в свою очередь, определяет причинность как *априорную категорию рассудка*. Предлагая трансцендентальное обоснование закона причинной связи, философ акцентирует внимание на том, что явления природы должны быть согласованы с принципами познания. Ввиду отмеченного всякое явление может быть мыслимо не иначе, как в соответствии с принципом причинности. Концепции данных философов во многом послужили отправной точкой исследований проблемы причинности (преимущественно в англоязычной литературе).

причинной закономерности, отличающие ее от случайной, нерегулярной связи; проблема вероятностной причинности; возможность познания и открытия причинных законов; причинное объяснение отдельных событий; место причинности в развитых теоретических и эмпирических науках³⁰¹; связь причинности и временности; причинная связь как связь, объясняющая возникновение новых содержаний сознания и т.д.

Даже краткое и поверхностное введение в историю исследования проблемы каузальности показывает, что данные категории используются в связи с различными исследовательскими ориентирами. С одной стороны, как понятийные конструкции для постижения предельных оснований бытия, установления и описания законов и регулярностей, а с другой – для характеристики возможностей человеческого познания, которому присуще причинно-следственное виденье мира. И именно последний аспект будет находиться в центре исследовательского внимания в текущей работе, однако рассмотрен он будет не с сугубо философских позиций, а с точки зрения естественно протекающих, эволюционных процессов, ввиду которых способность человека обнаруживать и понимать причинно-следственные связи дает последнему ряд жизненно необходимых преимуществ, в том числе такое преимущество, как членораздельная речь. Однако следует заметить, что такое краткое рассмотрение генезиса проблемы причинности, тем не менее, иллюстрирует пытливую заинтересованность человека в постижении сущности явлений, и данный познавательный процесс с необходимостью предполагает каузальное рассмотрение действительности, где категории причины и следствия приобретают фундаментальное значение как в области научного, так и в сфере бытового, повседневного познания. Даже при поверхностном, обыденном, не подкрепленном фактическими данными взгляде на специфику человеческой когнитивной ориентации в мире, становится очевидным, что обнаружение и понимание причинно-следственных связей – это действительно прерогатива Homo

³⁰¹ Князев Н.А. Проблема причинности в философии ... С. 6–9.

Sapiens, не доступная в полной мере более ни одному из представителей живой природы.

Следует заметить, что само понятие причинности зиждется на повседневном *наблюдении* людей за людьми в ходе *деятельности*, преимущественно *орудийной*, когда в ходе воздействия одного предмета на другой последний претерпевает изменения. В дальнейшем же представление о причинно-следственной связи экстраполируется на явления неживой природы, а само понимание причинности постепенно становится центральной проблемой в различных областях философского знания: метафизике, философии науки, философии языка и теории деятельности³⁰². Таким образом, отдельное внимание в данном контексте следует уделить *орудиям труда*, ввиду овладения которыми человек научился обнаружить в односложных, на первых взгляд, явлениях многокомпонентную структуру. К примеру, А.Н. Леонтьев акцентирует внимание на возможности посредством орудия преодолеть ограниченность телесных, кожно-мышечных ощущений человека и обозреть структурное многообразие материальных объектов, на которые направлена орудийная активность: воздействуя на предмет посредством орудия (или, иначе, посредством *другого предмета*), человек открывает для себя новые свойства этих предметов (например, твердость), познать которые вне орудийной деятельности было бы невозможно, ибо сенсорные возможности людей ограничены³⁰³. В схожем ключе Ф. Энгельс рассматривает фундаментальное значение орудий труда в совершенствовании как мозга человека, так и его органов чувств. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс, ориентируясь на закон роста, как его именовал Ч. Дарвин, рассматривает развитие человеческой руки, прямохождения, орудийного (трудового) приспособления к среде, языка, мозга и органов чувств как взаимосвязанные процессы. При этом, как отмечает Ф. Энгельс, «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом

³⁰²Касавин И.Т. Дэвид Юм: парадоксы познания. С. 157–171.

³⁰³Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание ... 304 с.

господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал *новые*, до того *неизвестные* свойства (*курсив мой* – Е.Б.)»³⁰⁴.

Так, труд, по мнению Ф. Энгельса, сыграл фундаментальную роль в становлении человека. Освоив орудийную деятельность, человек оказался в состоянии пополнять и аккумулировать знания об окружающей среде, расширять кругозор, выходить за рамки конкретно-чувственного восприятия (собственно, тезис А.Н. Леонтьева о выходе познания за пределы порогов ощущений в результате использования орудий как посредников в рамках субъект-объектных отношений человека со средой созвучен данной идее).

В трудовые взаимоотношения, сплачивающие членов коллектива, вовлекалось все большее число индивидов, осознавалась польза совместной деятельности, тем самым появилась потребность в вербальной коммуникации, сопровождающей орудийную деятельность и способствующей наиболее эффективному протеканию последней.

Трудовая деятельность, высокая интенсивность интеракций между членами коллектива и членораздельная речь способствовали развитию мозга человека. «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим всё новые и новые толчки к дальнейшему развитию»³⁰⁵.

Представляется, что, действительно, ввиду многообразия причин и с учетом действия различных факторов, имеющих место в процессах антро- , социо- и глоттогенеза, сложно вычленить какой-то один единственный, автономный, доминантный мономеханизм, фундирующий возникновение языка и мышления. Так, например, российский лингвист С.А. Бурлак отмечает, что склонность людей во всем видеть структуру лежит в основе овладения последними грамматикой. Однако, как справедливо добавляет

³⁰⁴Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. С. 490.

³⁰⁵Там же. С. 491.

С.А. Бурлак, в силу того что люди умеют говорить, сложно с точностью установить, является ли когнитивная склонность людей к поиску структуры *причиной или следствием их языковой способности*³⁰⁶. Так или иначе, пока оставляя несколько в стороне вопрос генезиса человеческой способности обнаруживать структуру, понимать причинно-следственные связи, данный навык следует рассматривать в качестве адаптивного преимущества Человека разумного: обнаружение в хаотичном мире закономерностей дает возможность упорядочивать этот мир и делать его «более удобным» для жизни. Более того, обнаружение и понимание каузальных связей имеет фундаментальное значение для выживания людей: знания о причинах событий помогают предсказывать последние, планировать индивидуальное и групповое поведение с учетом поставленных целей, определять и характеризовать различные состояния окружающей среды, наделяя их пространственно-временными характеристиками. Как уже было отмечено, во многом именно в результате орудийного приспособления к среде у человека формируется данная когнитивная способность.

Данное утверждение нуждается в дополнительном обосновании. Представляется, что орудия труда не только позволяют людям выйти за пределы своих сенсорных возможностей, преодолевая ограничения последних, но также увеличивают в количественном и качественном отношении спектр возможных «раздражителей», стимулов для этих сенсорных способностей. Орудия труда, становясь посредниками между людьми и окружающей средой, а также во взаимодействиях между людьми в принципе, обогащают в содержательном отношении субъект-субъектные, субъект-объектные и объект-объектные связи. Появление орудий труда как нового элемента в перечисленных типах связей, рождая новые типы взаимодействий и образуя новые модели поведенческих программ, обогащает свойства внешнего мира, расширяет спектр признаков для категоризации воспринимаемого, увеличивает количество дистальных и проксимальных

³⁰⁶Бурлак С.А. Происхождение языка ... С. 73.

стимулов. Представляется очевидным, что количество зрительных, акустических, тактильных, вкусовых, обонятельных раздражителей весьма существенно возрастает ввиду использования людьми орудий труда, и все эти данные, получаемые от органов чувств, необходимо преобразовывать и синтезировать. Ввиду увеличения числа признаков сенсорного объекта, возрастает число нейронов, необходимых для отображения последнего, растет активность нейронов в мозге, формируются новые связи между ними и усиливаются старые связи, количество нейронных ансамблей увеличивается. Формируются сложные нервные аппараты *коры головного мозга*, позволяющие человеку осуществить более комплексный анализ внешних данных и приспособиться к быстро меняющимся условиям окружающей среды: в коре головного мозга огромное место отводится нервным аппаратам, отвечающим за прием, переработку и синтез информации, получаемой от различных анализаторов (число нервных клеток, приходящееся на определенное нервное волокно в корковых отделах мозга, у человека значительно больше, чем у иных представителей животного царства)³⁰⁷.

В целом, существует тесная связь между особенностями строения нервной системы, поведенческими моделями и экологическими характеристиками живого организма³⁰⁸. И, конечно же, изменения условий обитания и усложнение поведенческих программ в процессе антропогенеза, сказывающиеся на развитии мозговых структур человека и его коммуникативных, языковых навыках, были связаны не только с орудийным приспособлением людей к среде. Очевидно, что на развитие мозга и языковых способностей человека оказало влияние не только использование людьми орудий труда, но и другие, не менее значимые факторы, такие как, к примеру, выход ранних людей в саванны, изменения в питании³⁰⁹, интенсивная

³⁰⁷ Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: ... С. 15–18.

³⁰⁸ Там же. С. 11.

³⁰⁹ В 2016 году в журнале Nature было опубликовано исследование, согласно результатам которого в связи с появлением в рационе ранних людей мяса, обработанного с помощью каменных орудий труда, людям требовалось жевать на 17% реже и прикладывать на 26% меньше усилий при пережевывании пищи. Это, в свою очередь, способствовало уменьшению лица и жевательного аппарата человека, что могло привести в

конкуренция со стороны других видов за нормальную пищу, приведшая к развитию тесной кооперации в группах ранних людей, навыкам общей интенциональности, возрастанию внутригрупповой солидарности³¹⁰, развитию «подражательных способностей»³¹¹ и т.д. Представляется, что для всестороннего объяснения процесса развития мозга человека и генезиса его языковой способности необходима комплексная теория, учитывающая все многообразие факторов, повлиявших на становление человека как разумного, «говорящего» существа. При этом очевидно то, что человеческий мозг – это продукт длительного эволюционного процесса, и орудия труда как принципиально новый элемент в жизнедеятельности людей, изменивший как способ адаптации последних к среде, так и их поведенческие модели, не могли не повлиять на развитие мозговых структур человека. Орудия труда знаменовали собой появление новых стимулов, влияющих на развитие информационной ориентации людей в среде³¹².

Разумеется, и само развитие мозга (например, формирование рельефа в области зоны Брока, развитие зрительных центров затылочной доли, развитие теменной и лобной долей) позволяло людям производить более совершенные орудия труда. Здесь налицо та же ситуация, что и с когнитивной склонностью людей обнаруживать структуру, описанная выше. Можно заключить, что развитие мозга и приобретение знаний и умений – это взаимосвязанные процессы, взаимно обуславливающие друг друга: ошибочно утверждать, что развитие мозга предшествует овладению знаниями или навыками. Так, к примеру, еще в 1993 году Боб Джейкобс с коллегами установил, что высокий уровень образования напрямую связан с разветвленностью дендритов (короткие ветвящиеся отростки нейрона) в зоне Вернике – слуховом центре речи³¹³.

дальнейшем к развитию речи (Zink K., Lieberman D. Impact of meat and Lower Palaeolithic foodp rocessing techniques on chewing in humans // *Nature*. 2016. Vol. 531. Issue 7595. P. 500–503).

³¹⁰Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. P. 2–19.

³¹¹Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.

³¹²Социальная философия и философия истории: ... С. 140.

³¹³Jacobs B., Schall M., Scheibel A. B. A quantitative dendritic analysis of Wernicke's area in humans. II. Gender, hemispheric, and environmental factors // *The Journal of comparative neurology*. 1993. Vol. 327. Issue 1. P. 97–111.

Стоит добавить также, что, согласно разработанной А.Р. Лурией концепции трех функциональных блоков (общая структурно-функциональная модель мозга), один из блоков выполняет определенную роль в психическом функционировании, связанную с программированием, контролем и регуляцией произвольной деятельности, и локализуется этот блок в *моторных, премоторных и префронтальных отделах коры головного мозга – в лобных долях* (см. Рисунок 1). Как отмечает А.Р. Лурия, эти отделы коры головного мозга отличаются «...вертикальной исчерченностью, что говорит о *моторном двигательном характере* доминирующих в ней структур (*курсив мой – Е.Б.*)»³¹⁴.

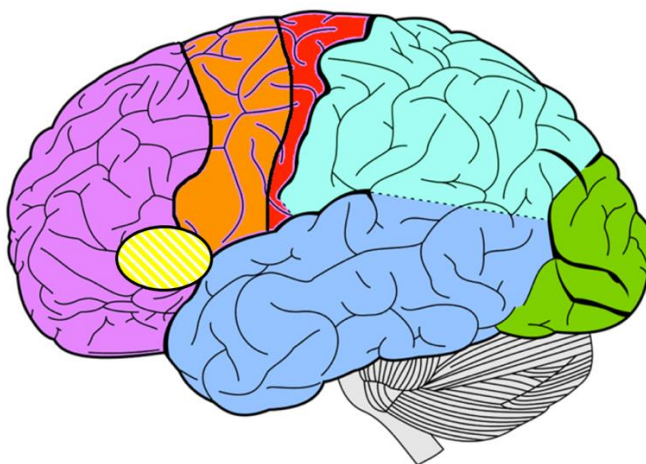

Рис. 1. Боковая поверхность мозга с схематичным изображением моторной коры (красный цвет), премоторной коры (оранжевый цвет), префронтальной коры (сиреневый цвет), зоны Брока (желтый цвет), локализующихся в лобных долях

Лобные же доли в целом играют важнейшую роль в организации поведения, в создании намерений и формировании программы действия, которые осуществляют эти намерения³¹⁵. (стоит заметить, что именно в лобных долях (в нижней лобной извилине) находится *моторный центр речи – зона Брока*). Все это дает основание для утверждения, что орудийная деятельность, предполагающая новые типы моторно-двигательных актов и,

³¹⁴Лурия А.Р. Лекции по общей психологии ... С. 89.

³¹⁵Там же. С. 92.

как следствие, многообразие поведенческих программ, послужила одной из ключевых причин развития лобных отделов мозговой коры и, в частности, префронтальных ее формаций, занимающих только у человека почти треть всей массы полушарий. *Именно префронтальные формации коры отвечают за понимание человеком причинно-следственных связей.*

Префронтальные формации коры позволяют людям делать выводы из нескольких посылок, реагировать на стимул в результате синтеза различных входных данных, принимать и понимать сообщения, состоящие из нескольких утверждений, обеспечивая функционирование языка, отвечают за планирование сложного поведения, являются своеобразным «фильтром», определяющим, на какие стимулы стоит реагировать, а на какие нет³¹⁶.

Огромную роль в установлении человеком причинно-следственных связей играет *рабочая память*, центральный исполнительный комитет³¹⁷ которой также располагается в префронтальных формациях коры головного мозга, в дорсолатеральной ее части (поля 9 и 46 по Бродману) (см. *Рисунок 2*). Дуайт Рид, профессор кафедры антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, обращает внимание на значимость развития дорсолатеральной префронтальной коры для выполнения человеком многоэтапных, скоординированных действий, предполагающих необходимость одновременного удержания в памяти нескольких компонентов, координацию которых осуществляет центральный исполнительный комитет рабочей памяти³¹⁸.

³¹⁶Бурлак С.А. Происхождение языка ... С. 187.

³¹⁷Подробнее об устройстве рабочей памяти см. в работах А. Бэддели, (см., например: Baddeley A.D. The episodic buffer: A new component of working memory? // Trends in Cognitive Sciences. 2000. Vol. 4. Issue 11. P. 417–423; Baddeley A.D. Working memory, thought and action. Oxford: Oxford University Press. 2007) предложившего, совместно с Г. Хитчем, трехкомпонентную модель рабочей памяти, включающей центральный исполнительный комитет, визуально-пространственное хранилище и фонологическую подсистему с вербальным буфером (в последующем А. Бэддели дополняет модель четвертым компонентом – эпизодическим буфером, ответственным за синтез информации, поступающей из различных сенсорных областей).

³¹⁸Read D.W. Working Memory: ... P. 676–714 (and references there in).

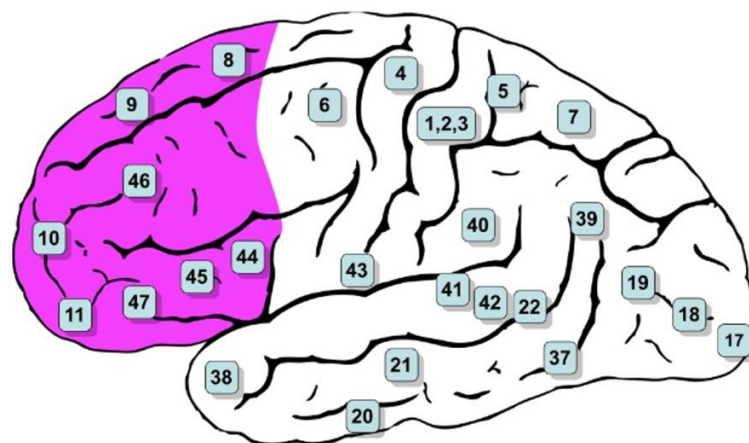

Рис. 2. Боковая поверхность мозга с пронумерованными полями Бродмана. Цветом указана область префронтальной коры, где располагаются поля 9 и 46.

Д. Рид, опираясь на исследования поведения диких шимпанзе при раскалывании орехов в Национальном парке Таи в Кот-д'Ивуаре и Боссу в Гвинее и используя данные иных исследований оперирования инструментами человекообразными обезьянами, отмечает, что одновременное использование двух-трех объектов (наковальня, камень-молот и орех³¹⁹) скоординированным образом лежит на когнитивном пределе шимпанзе³²⁰. Тем самым емкость кратковременного компонента рабочей памяти у шимпанзе находится в диапазоне 2–3. Это, в свою очередь, ограничивает возможности обезьян в классификации объектов (человеческие младенцы, согласно приводимым Д. Ридом данным, способны сосредотачивать внимание на различных параметрах объектов, а также на связях между этими параметрами, и, тем самым, осуществлять более сложные типы классификации). Также Д. Ридом отмечается, что для шимпанзе характерны словесные комбинации, состоящие из двух слов (лексем), а также диадический тип межличностных взаимодействий³²¹.

³¹⁹ Причем обучение одновременному манипулированию с двумя объектами (камень-молот и орех) даётся шимпанзе сравнительно легко, тогда как скоординированные действия с тремя объектами (когда необходимо подобрать нужного размера и фактуры камень в качестве наковальни, куда нужно положить орех и расколоть его при помощи камня-молота) выходят за рамки возможностей значительной части (25%) шимпанзе (Read D.W. Working Memory: ... P. 687).

³²⁰Ibid. P. 686.

³²¹Ibid. P. 692–693.

Емкость кратковременного компонента рабочей памяти, равняющаяся 2–3, не позволяет человекообразным обезьянам как осуществлять *рекурсивные*³²² действия (характерные для изготовления людьми орудий труда и в полной мере реализующиеся около 50 тыс. лет до н. э., во время верхнего палеолита, при производстве инструментов с призматическими лезвиями³²³), так и генерировать высказывания, образованные посредством рекурсии. С точки зрения Д. Рида, ограниченный объем рабочей памяти (не более 2–3 понятий) лишает приматов способности к рекурсивному мышлению. В свою очередь, в филогенетической линии человека в ходе эволюции происходит *расширение префронтальной коры*, что подтверждает значительное эволюционное изменение *в объеме рабочей памяти*, которая необходима для рекурсивных концептуальных систем, напрямую связанных с *эволюцией языка*³²⁴. Человек в состоянии оперировать 7 ± 2 понятиями³²⁵, удерживать внимание на нескольких объектах одновременно и устанавливать *связи* между этими объектами и их свойствами.

Таким образом, развитие префронтальных формаций коры головного мозга и увеличение емкости кратковременного компонента рабочей памяти (во многом в связи с прогрессом в производстве орудий труда) позволяют человеку выстраивать, анализировать и понимать предложения, состоящие из нескольких слов, а также создавать и понимать правила их построения. Когнитивная предрасположенность к улавливанию причинно-следственных закономерностей в наличной ситуации «здесь и сейчас» является, тем самым, одной из ключевых прерогатив Человека говорящего.

³²² Рекурсия – способность языка образовывать, порождать вложенные грамматические, синтаксические конструкции. Ряд авторов (Н. Хомский, У.Т. Фитч, М. Хаузер) считают способность к рекурсии основой человеческой способности к языку. Д. Рид отмечает также, что увеличение объема рабочей памяти и способность людей к рекурсивным действиям (в том числе лингвистическим) оказали влияние на развитие более сложных форм социальной организации, связанных с культурно сконструированными системами родства, выраженными при помощи генеративной концептуальной системы родственных терминов (Read D.W. Working Memory: ... P. 702).

³²³ Д. Рид также приводит данные, свидетельствующие о корреляции между энцефализацией в линии гоминид, изменениями концептуальной основы производства каменных орудий и увеличением кратковременного компонента рабочей памяти (Ibid. P. 701)

³²⁴ Ibid. P. 677–678.

³²⁵ Впервые данное количественное измерение емкости кратковременной памяти было предложено в 1956 году американским психологом Дж. А. Миллером.

Следует также обратить внимание на то, что в лобных долях (в том числе в зоне Брока) были обнаружены и *зеркальные нейроны*³²⁶, возбуждающиеся при *выполнении* определенного действия, а также при *наблюдении* за выполнением определенного действия другим конспецификом³²⁷. Эти виды нейронов ответственны за имитативные способности, позволяющие повторять предметные действия (являющиеся *целесообразными* и отличающиеся от простых движений) другого и научиться, наблюдая за его действиями³²⁸.

Система зеркальных нейронов, лежащая в основе обучения за счет подражания, подконтрольна зоне 46 по Бродману (одна из зон, где располагается центральный исполнительный комитет рабочей памяти), которая также отвечает за «рекомбинацию отдельных двигательных актов и формирование новой схемы действия, максимально приближенной к той, которую демонстрирует наставник»³²⁹. Таким образом, здесь имеет место прямая связь между восприятием и действием, выражающаяся в преобразовании *зрительной* информации в потенциальные *двигательные* акты. При этом важно, чтобы эти действия, как уже было отмечено, были целесообразными, то есть совершались *для чего-то и почему-то* с учетом ситуативного контекста. Тем самым, наблюдение за целенаправленными действиями (и их осуществление), которые *совершаются по определенным причинам и приводят к определенным следствиям*, во многом лежит в основе наделения окружающих предметов непосредственными значениями в

³²⁶ Впервые зеркальные нейроны были обнаружены в начале 1990-х годов профессором Пармского университета Дж. Ричцоллатти в нижней премоторной коре (F5) у макака. В дальнейшем аналогичный тип нейронов был обнаружен в нижней теменной и верхней височной коре. У человека активность данных нейронов была зарегистрирована в лобных, теменных и височных областях коры головного мозга.

³²⁷ См., например: Ричцоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. ... 208 с.; Heyes C. Where do mirror neurons come from? // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2010. Vol. 34. Issue 4. P. 575–583; Ramachandran V.S. Mirror neurons and imitation learning as the driving force behind “the great leap forward” in human evolution // Edge. 2000. No. 69. URL: https://www.edge.org/3rd_culture/ramachandran/ramachandran_index.html (дата обращения: 07.08.21).

³²⁸ Существует классификация зеркальных нейронов на моторные (расположенные в лобной доле), позволяющие повторять мышечную активность другого человека, и зеркальные нейроны эмпатии (расположены в височной коре и миндалине), позволяющие ощутить эмоциональное состояние, в котором находится визави (Дубынин В.А. Мозг и зеркальные нейроны // Материалы видео интервью для сайта ПостНаука. 2018. URL: <https://postnauka.ru/video/89453> (дата обращения: 11.08.2021).

³²⁹ Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. С. 372.

терминах потенциально доступных действий, являясь языковой формой понимания³³⁰.

Стоит добавить, что, с точки зрения американского ученого в области компьютерной нейробиологии Майкла Арбиба, только человек способен к комплексному подражанию, выражающемуся в возможности воспроизводить *последовательности* поведенческих актов (вероятно, это также связано с объемом *рабочей памяти человека* – см. выше): эти способности лежат в основе звукоподражательных артикуляторных движений, а также являются необходимыми для обобщения грамматических правил³³¹.

Выводы по параграфу

Таким образом, основываясь на приведенных выше рассуждениях, можно прийти к следующему заключению. В процессе антро- и социогенеза, в результате действия ряда факторов самой разнообразной природы, в ходе действия эволюционных процессов человек научается изготавливать орудия труда. Это, с одной стороны, предполагает наличие некоторых уже имеющихся особенностей строения мозга пралюдей, а, с другой стороны, оказывает обратное воздействие на развитие соответствующих мозговых структур: обретение знаний, умений и навыков и развитие мозга являются взаимосвязанными процессами.

Совершенствование принципов производства орудий труда коррелирует с энцефализацией в линии гоминид, формированием сложных нервных аппаратов коры головного мозга, обширным расширением лобных долей (префронтальной коры, в частности) и увеличением емкости кратковременного компонента рабочей памяти. Человек оказывается в состоянии концентрировать внимание на нескольких объектах и их свойствах

³³⁰Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. ... С. 18–19.

³³¹Arbib M.A. The mirror system hypothesis: How did protolanguage evolve? // Language origins: perspectives on evolution / Ed. by M. Tallerman. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 21–47; Arbib M.A., Bonaiuto J., Rosta E. The mirror system hypothesis: From a macaque-like mirror system to imitation // Proceedings of the 6th Evolution of language conference (EVLANG6) / Ed. by A. Cangelosi, A. D. M. Smith, K. Smith. Singapore: World Scientific, 2006. P. 3–10.

одновременно, удерживая в памяти причинно-следственные связи между ними.

Причинно-следственные связи были обнаружены в результате наблюдения людей за людьми в ходе орудийной деятельности, предполагающей двигательные акты с предметом, совершающиеся по определенным причинам и приводящие к определенным следствиям, когда в ходе воздействия одного предмета на другой последний претерпевает изменения, и эти изменения визуально очевидны.

Разворачивающаяся в определенном социальном контексте орудийная деятельность, предполагающая большое разнообразие транзитивных двигательных актов (удерживание, хватание, дотягивание и проч.), которые необходимо было распознавать, определенным образом на них реагировать и воспроизводить, вероятно, послужила движущей силой в эволюции системы зеркальных нейронов, лежащей в основе обучения за счет подражания и позволяющей формировать алгоритм действий с определенным предметом в соответствии с наблюдаемым образцом. Тем самым окружающие предметы наделяются непосредственным смыслом с точки зрения потенциально доступных действий, которые можно с ними совершить (фактор причины) для достижения определенных целей (фактор следствия).

Наблюдая за действиями члена коллектива в определенном ситуативном контексте, улавливая и удерживая в памяти несколько объектов одновременно, визуально фиксируя происходящие изменения с окружающими предметами в связи с определенными причинами, человек научается, в результате развития префронтальных формаций коры, увеличения объема кратковременного компонента рабочей памяти, синтезировать различные входные данные, делать выводы из нескольких посылок, фиксировать и *понимать* причинно-следственные связи и, как следствие, осуществлять рекурсивные действия, комбинируя отдельные двигательные акты, порождать языковые единицы за счет рекурсии, генерировать, анализировать и понимать предложения, состоящие из

нескольких утверждений, а также создавать и понимать правила их построения, логику их формирования. Таким образом представляется, что понимание причинно-следственных связей лежит в основе языковой компетенции человека и является одним из ключевых навыков Человека Говорящего.

3.2. Другой и Обобщенный другой как факторы возникновения человеческого самосознания

В данном параграфе основное внимание будет сосредоточено на концепте Обобщенного другого, который был предложен американским ученым Дж. Г. Мидом, и роли интернализированных установок группового сообщества в развитии человеческого самосознания и мышления (в частности, абстрактного). Автором был выбран отмеченный концепт Дж. Г. Мида, ввиду того что именно данное теоретическое построение позволяет особым образом оценить вклад «социального» в становлении человеческого познания. Следует пояснить данный тезис.

Разумеется, социальное, являясь «надорганической реальностью» (в терминах П.А. Сорокина), в которой живут и взаимодействуют индивиды, интегрируется в жизнь и сознание последних, что было подмечено как в работах ранних классиков социально-философской мысли (Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, Г. Зиммель), так и в более поздних социологических построениях (П. Бурдьё, Н. Луман, Ю. Хабермас). Очевидно, что в данном контексте Дж. Г. Мида трудно назвать первооткрывателем. К примеру, еще К. Маркс, рассматривая человека как индивидуальное общественное существо, отмечал, что последний является «субъективным для-себя-бытием мыслимого и ощущаемого общества», «идеальной тотальностью» и, разумеется, не может не отражать в процессе своей жизнедеятельности характерные для своего общественного коллектива различного рода ориентации: любое проявление индивидуальной жизни с необходимостью является утверждением и проявлением общественной жизни³³².

Определенно, в работах Дж. Г. Мида обнаруживаются созвучные мотивы: социальное интегрировано в сознание индивидов, оно есть ключевое звено в их мышлении³³³; индивиды как участники совместных социальных предприятий с необходимостью усваивают установки общества, в котором

³³² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 199.

³³³ Роль социальности в формировании мышления рассматривалась также в трудах таких учёных, как Ж. Пиаже и Л.С. Выготский.

живут, думая и действуя с учетом влияния последних. При этом, как представляется, американский философ, во-первых, делает акцент *на процессе формирования самосознания и самости индивидов*, отчетливо различия и выделяя, в отличие от того же К. Маркса, *стадию организованного взаимодействия*, предполагающую научение координации своего поведения с учетом принятия ролей других участников этого взаимодействия, что, в свою очередь, является фундаментом мышления. К. Маркс же, как представляется, в большей степени акцентирует внимание на целостном единстве бытия и мышления (в котором как раз и отражено реальное общественное бытие), не рассматривая этот механизм с психологической точки зрения. Во-вторых, именно у Дж. Г. Мида впервые в артикулированном виде встречается *оценка роли интернализированных установок организованного сообщества в становлении абстрактного мышления*, что ранее не было предметом анализа ни в одном социально-философском концептуальном построении. И ввиду того, что в текущей диссертации как раз и рассматривается отмеченная проблематика, именно концепт «Обобщенного другого» Дж. Г. Мида является одним из основных в данной работе.

Джордж Герберт Мид (1863 – 1931) – известный американский психолог, философ, социолог, родоначальник символического интеракционизма и классик прагматизма наряду с Дж. Дьюи, У. Джеймсом и Ч.С. Пирсом. Идеи Мида оказали значительное влияние на развитие философии и социологии в XX веке. Среди ученых, в творчестве которых прослеживаются отголоски мидовских идей, можно назвать М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А. Гелена, Г. Салливана, И. Гоффмана, М. Мерло-Понти, Т. Парсонса, А. Шюца, П. Бергера, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Н. Лумана, Х. Йонаса, Ж. Бодрийяра.

Следует заметить, что в России публикаций, посвященных анализу творчества Дж. Г. Мида, сравнительно мало. Это было отмечено еще в 2009

году, в предисловии и вступительной статье к первому русскоязычному сборнику работ Мида³³⁴.

Собственно, спустя 15 лет с момента выхода данного сборника, ситуация сильно не поменялась. Пожалуй, можно отметить лишь единичные работы, посвященные творчеству Дж. Г. Мида и вышедшие за это время: «Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология»³³⁵, «Социальное сознание и сознание смысла»³³⁶, «Пространство, время и социоэпистемический тезис Джорджа Герберта Мида»³³⁷, «Философия настоящего»³³⁸. Таким образом всестороннее, комплексное исследование теоретического наследия Дж. Г. Мида, по крайней мере в нашей стране, явно далеко до завершения. По-прежнему представляется актуальным исследование творчества Дж. Г. Мида и диагностирование релевантных текущему развитию различных областей гуманитарного знания идей ученого.

Представляется, что категория *самости* является системообразующей для понимания антропологической стороны творчества Дж. Г. Мида, стремящегося диагностировать основной механизм, фундирующий возникновение самосознания человека и его интегрированного индивидуального сознающего Я. Дж. Г. Мид описывает это возникновение так. Осуществляя вербальную коммуникацию, индивиды научаются, слыша свой голос, понимать себя и давать оценку своему собственному состоянию в процессе общения с другими. Таким образом, индивид, стремясь вызвать у визави определенный отклик, возбуждает его в себе самом. Что, в свою очередь, предполагает интернализацию установок другого и их включение в

³³⁴ Мид Дж. Г. Избранное: сборник переводов / Дж. Г. Мид / Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.

³³⁵ Белик А.А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2, № 1. С. 31–43.

³³⁶ Мид Дж. Г. Какие социальные объекты должна предполагать психология / Пер. с англ. Р.Э. Бараш // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 212–218; Его же. Социальное сознание и сознание смысла / Дж. Г. Мид / Пер. с англ. Р.Э. Бараш // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 219–227.

³³⁷ Антоновский А. Ю. Пространство, время и социоэпистемический тезис Джорджа Герберта Мида // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 200–211.

³³⁸ Мид Дж. Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузьминова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 272 с.

собственный поведенческий паттерн³³⁹. То есть, самость возникает в процессе приспособления индивидуального организма к определенному *социальному действию* и к другим организмам, которые также вовлечены в данное действие и с которыми необходимо выстраивать определённые отношения для достижения *общих* результатов. Представляется, что под общим результатом здесь можно понимать не только конкретную совместную цель коллектива (например, добычу животного в ходе совместной охоты у первобытных племен), но и достижение *понимания* как условия и одновременно исходного стимула для коммуникативного предприятия: само стремление произвести определенный отклик в другом индивиде предполагает желание того, чтобы возник именно *данный отклик* со всеми вытекающими именно *из этого отклика* коммуникативными и поведенческими *последствиями*. То есть вступающим во взаимодействие индивидам необходимо осуществить некоторую «настройку» своего поведения, ориентируясь на ожидания окружающих и на свои собственные интенции, которые генерируются в результате возбуждения индивидом в себе самом того, что он стремится вызвать в других. Тем самым именно в социальном действии индивид научается оценивать и поведение визави, и свое собственное, ввиду чего формируется самосознание и самость.

Однако описанное выше относится лишь к одному из аспектов формирования самости. Для раскрытия специфики протекания этого процесса удобно привести разъяснения самого Дж. Г. Мида, которые, раскрывают суть рассматриваемого феномена: «Для развития данным человеческим индивидом самости в наиболее полном смысле слова ему недостаточно просто принять установки других человеческих индивидов по отношению к нему и друг к другу внутри человеческого социального процесса, вводя этот социальный процесс как целое в свое индивидуальное сознание лишь в этой форме. Он должен также, таким же точно образом, каким принимает установки других

³³⁹ Мид Дж. Г. От жеста к символу // Добренков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994в. С. 216.

индивидов по отношению к себе и друг к другу, *принять их установки по отношению к разным фазам или аспектам общей социальной деятельности или набору социальных предприятий, куда в качестве членов организованного сообщества или социальной группы все они вовлечены* (курсив мой – Е.Б.). Затем он должен, обобщая эти индивидуальные установки самого этого организованного сообщества (социальной группы) в целом, действовать в направлении разнообразных социальных проектов, которые оно осуществляет в любой данный момент, или же в направлении различных более широких фаз всеобщего социального процесса, который составляет его жизнь и специфическими проявлениями которого эти проекты являются. Это введение крупномасштабных деятельности любого данного социального целого или организованного сообщества в эмпирическую (experiential) сферу любого из индивидов, вовлеченных или включенных в это целое, является, иными словами, существенным основанием и предпосылкой наиболее полного развития самости этого индивида: лишь поскольку он принимает установки организованной социальной группы, к которой он принадлежит, по отношению к организованной кооперативной социальной деятельности или набору таких деятельностей, в которые эта группа как таковая вовлечена, постольку он развивает завершенную самость или обладает самостью такого уровня развития, какого ему удалось достичь»³⁴⁰.

Таким образом, здесь появляется «*обобщенный другой*» (the generalized other) как олицетворение установок организованной социальной группы, и эти установки должен интернализировать индивид, чтобы обрести самость: «Именно в форме обобщенного другого социальный процесс влияет на поведение вовлеченных в него и поддерживающих его индивидов, т. е. сообщество осуществляет контроль над поведением своих индивидуальных членов, ибо как раз в этой форме социальный процесс (сообщество) проникает в качестве определяющего фактора в мышление индивида»³⁴¹. Данные

³⁴⁰ Мид Дж. Г. Аз и Я // Добренков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994а. С. 229.

³⁴¹ Там же.

установки проникают в опыт индивида, где начинают оказывать ключевое воздействие на поведение последнего.

Представляется, что актуальность рассмотренных идей Дж. Г. Мида в отношении генезиса самости подтверждает факт обращения к последним Майкла Томаселло, известного американского психолога, специалиста в области коммуникации и социального познания. М. Томаселло акцентирует внимание на эвристическом потенциале *концепции роли*, которую разрабатывал Дж. Г. Мид в контексте изучения того, как человеческие индивиды взаимодействуют друг с другом (и формируют самость) в обществе. В недавно опубликованной статье³⁴² М. Томаселло отмечает, что, осуществляя коллективную деятельность, индивиды, понимая свою взаимозависимость между друг другом, координируют свои действия ввиду формирования *совместной интенциональности*: у каждого имеется представление, во-первых, об *общей цели*, ради которой реализуются как совместные, так и индивидуальные усилия, во-вторых, о *совместном внимании*, предполагающем, что участники действия обращают внимание на одну и ту же ситуацию и знают, что обращают внимание партнеров на соответствующую ситуацию, в-третьих, о своей *индивидуальной роли* в совместной деятельности. Переживаемое в совместном внимании интернализуется как *общее знание или опыт*³⁴³.

В соответствии с идеями Дж. Г. Мида, М. Томаселло рассматривает два уровня проявления ролевых отношений: уровень локальных межличностных взаимодействий (микроуровень) и уровень общекультурных практик (макроуровень). При этом первый в некотором смысле фундирует второй. Так, М. Томаселло отмечает, что психологическим фундаментом социальных ролей является *индивидуальная роль*, реализующаяся в непосредственных, межличностных интеракциях, в ходе которых, ввиду совместной интенциональности, индивиды впервые устанавливают через совместное

³⁴² Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. P. 2–19.

³⁴³ Ibid. P. 6.

внимание, что у них с партнером один и тот же фокус внимания с одним и тем же когнитивным содержанием. Впервые это осуществляется на ранних стадиях развития ребенка посредством достижения общей с партнёром цели в рамках простой игры, в ходе которой ребенок научается мыслить и действовать в терминах ролевого представления ситуации («дочка-мама», «прячущийся-ищущий»). Именно об этом и писал Дж. Г. Мид, вводя специальные понятия для представления процесса инкультурации детей в общество: «*play*» и «*game*».

Play – это и есть та самая простая, *спонтанная игра*, в ходе которой ребенок осваивает роли тех людей, что его окружают. Ребёнок на этой стадии, играя сам с собой, научается вызывать в себе ту реакцию, которую его социальные стимулы вызывают в других³⁴⁴, попеременно в ходе игры осуществляя исполнение то одной, то другой роли.

Game – это вторая стадия обретения ребенком самосознания, стадия *организованной игры*. На данном этапе игра осуществляется ребенком не спонтанно, а в соответствии с определенными правилами: ребенок должен не просто принять роль другого, «...но должен принять разные роли всех участников организованной игры и соответствующим образом управлять своим действием»³⁴⁵. Совокупность реакций других участников игры интернализируется ребенком в качестве «организованного другого»: «В соревновании мы получаем организованного другого, обобщенного другого, который обнаруживается в самой природе ребенка и находит свое выражение в его непосредственном опыте. И как раз эта организованная деятельность в рамках собственной природы ребенка, контролирующая конкретный отклик, объединяет и выстраивает его самость»³⁴⁶. Обобщенный другой «...есть организация установок всех тех, кто вовлечен в один и тот же процесс», он есть «организованное сообщество (социальная группа), которое обеспечивает

³⁴⁴ Мид Дж. Г. (2014). Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузьмина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 127.

³⁴⁵ Там же. С. 68.

³⁴⁶ Мид Дж. Г. Аз и Я. С. 233.

индивиду единство его самости...»³⁴⁷. Здесь, как представляется, Мид и акцентируют внимание на том, что М. Томаселло именует *совместной интенциональностью* (сам Мид данный термин не использует): в организованной игре для всех участвующих в ней индивидов имеются общие цели, общие объекты внимания, общие представления о том, как должны вести себя все участники игры и как должен исполнять свою роль тот или иной её конкретный участник с учетом общих целей и действий других. М. Томаселло заключает, что «...в процессе взаимодействия и общения с другими людьми в контексте сотрудничества и совместного внимания, *дети концептуализируют мир с точки зрения различных перспектив* (курсив мой – Е.Б.), опять же, чего не делают другие приматы»³⁴⁸, и что «дети начинают уважать других людей как одинаково достойных партнеров, вступая в сотрудничество с другими в рамках общей организации для достижения общих целей. Более того, нормативное оценивание себя и других с точки зрения процессов сотрудничества требует общей иерархии ценностей среди членов группы относительно того, как люди должны играть свои роли, включая их самую главную роль в качестве члена группы. Этот процесс оценивания приводит индивидов к тому, что они рассматривают себя нормативным образом с точки зрения «мы» в группе и, таким образом, формируют моральную идентичность»³⁴⁹.

При этом важно отметить, что М. Томаселло исследует эволюционное происхождение социальных ролей, изучает проявление данного феномена в сообществах человекообразных обезьян (бонобо, шимпанзе) и ранних людей, осуществляет сравнительные эксперименты (в частности, при участии маленьких детей и шимпанзе).

В дополнение к вышеизложенному представляется необходимым обратиться к феномену *эмпатического познания*, которое «...представляет собой когнитивный механизм, который, с одной стороны, рядоположен

³⁴⁷ Мид Дж. Г. Аз и Я. С. 228.

³⁴⁸ Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. P. 8.

³⁴⁹ Ibid. P. 26.

сенсорному и рациональному, а с другой – именно его развитие и приводит к становлению понятий, т.е. «кирпичиков», рационального познания»³⁵⁰. Эмпатическое познание, предполагающее сопереживание, вчувствование в эмоциональное состояние другого, позволяет прогнозировать поведение последнего, что, в целом, является не только полезной способностью для различных ситуаций «здесь и сейчас», но и эволюционно значимым когнитивным навыком. На базе ситуативного прогнозирования поведения ввиду непосредственного переживания эмоционального состояния визави возникает более сложная форма эмпатического познания – *индивидуальный субъектный репрезентант*³⁵¹ или интериоризованный Другой. Данный конструкт, формирующийся в сознании индивида в ходе повторяющихся межличностных практик, позволяет прогнозировать и моделировать поведение других при решении задач коллективного взаимодействия, в том числе вне конкретных ситуаций. И чем более соответствует индивидуальный субъектный репрезентант реальному Другому в том или ином случае, тем успешнее и точнее может быть прогноз его поведения. При этом существует еще одна форма эмпатического познания, специфичная сугубо для человека – *обобщенный субъектный репрезентат*. Прогнозирование и моделирование поведения в данном случае реализуется не ввиду непосредственного знания визави, а с учетом информации о его принадлежности к определенной *категории* людей. Обобщенный субъектный репрезентат «...обладает всеми признаками понятия, иначе говоря, это уже понятие»³⁵². Представляется, что обобщенный субъектный репрезентат, или обобщенные субъектные репрезентаты, являются составными частями *Обобщенного, организованного другого* – интернализация установок организованного сообщества реализуется в том числе в виду интернализации потенциальных или реальных ролевых

³⁵⁰ Шалютин Б.С. О вызовах приматологической революции, эмпатическом познании и природе когнитивного отрыва человека от обезьяны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 25.

³⁵¹ Терминология, используемая в работах Б.С. Шалютиным. Данная терминология используется автором диссертации для более полного раскрытия феномена Обобщенного Другого и его роли в становлении и развитии когнитивных механизмов человека, в том числе категориального мышления.

³⁵² Шалютин Б.С. О вызовах приматологической революции, эмпатическом познании и природе когнитивного отрыва человека от обезьяны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 25.

поведенческих моделей членов этого общества в зависимости от того, к какой категории они относятся (например, «руководитель», «союзник», «враг», «соплеменник», «охотник», «надзиратель» и т.д.). Таким образом, специфическая форма эмпатического познания, представляющая окружающий мир в контексте возможностей субъект-субъектных взаимодействий и характерная для Человека разумного, воспроизводясь в Обобщенном Другом, способствует развитию когнитивных возможностей человека и понятийного мышления.

Стоит добавить, что интернализированные групповые установки в целом играют фундаментальную роль в процессе мышления, которое, с точки зрения Дж. Г. Мида, представляет собой внутренний разговор индивида с самим собой, который реализуется с точки зрения «обобщенного другого». При этом философ отмечает, что индивид принимает в отношении себя установки «обобщенного другого» в абстрактном мышлении, ввиду чего формируется система общепринятых (социальных смыслов) – универсум дискурса – как контекст для функционирования мышления³⁵³. Мышление является тем более абстрактным, чем более абстрактным становится этот разговор.

В свою очередь, абстрактные понятия – «...это понятия, сформулированные в терминах установок всей социальной группы или сообщества»³⁵⁴. Данные понятия формулируются ввиду того, что индивид осознает отношение к ним обобщенного другого, так как он принимает его установки и реагирует на них. Поэтому абстрактные предложения излагаются в форме, которая будет понятна для любого разумного индивида.

Необходимо отметить, что возникновение обобщенного другого как интернализированного набора установок организованного сообщества становится возможным в процессе деятельностного взаимодействия между членами коллектива. В свою очередь, мне представляется, что в данном

³⁵³ Мид Дж. Г. Аз и Я. С. 229–230

³⁵⁴ Mead G. H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist . P. 156.

контексте важную роль играют частота и повторяемость социальных практик: на основе перцептивного схватывания (с учетом функционирования зеркальных нейронов, ответственных за подражательные способности) реализуется улавливание событийной тождественности и сходства ролевых функций, предполагающее идентичный тип реагирования и/или поведения участника социального взаимодействия в определенном ситуативном контексте (например, приготовление пищи, обустройство мест обитания, изготовление орудий труда, охота и т.д.). В ходе таких повторяющихся взаимодействий развиваются эмпатические формы познания и формируется совместная интенциональность, что было рассмотрено выше.

Стоит добавить, что результаты ряда эмпирических исследований (как было продемонстрировано во второй главе диссертационного исследования) демонстрируют, что в описаниях людьми абстрактных понятий в подавляющем большинстве фигурируют «Я» или «другие», которые находятся в определенных ситуативных контекстах и испытывают внутренние состояния (намерения, убеждения, эмоции и мотивации): объем и содержание абстрактных понятий «глубоко укоренены» в ситуациях, событиях и контекстах, которые *социальны* по своей природе.

Таким образом, предложенный Дж. Г. Мидом концепт Обобщенного другого и развиваемая М. Томаселло проблематика совместной интенциональности в совокупности являются ценным теоретическим фундаментом при осмыслении уникальности человеческого познания и его социальной основы. Как представляется, интернализированные групповые установки, артикулируемые в социальном взаимодействии в результате перцептивного схватывания контекстуально-ролевых характеристик ситуации с учетом возникновения совместной интенциональности, являются системообразующими для мыслительных процессов человека и «научают» последнего оперировать концептуальными образованиями, не доступными для непосредственного восприятия, но проясняющимися в социальных

практиках, где становится возможным концептуализация действительности с точки зрения различных перспектив, с точки зрения Обобщенного другого.

Выводы по параграфу

В параграфе был рассмотрен концепт Обобщенного другого, развиваемый Дж. Г. Мидом в контексте изучения процесса развития самости. Было определено, что Обобщенный другой есть организованное целое, в рамках которого индивиды, наделенные определенными социальными ролями, взаимодействуют, принимают и перенимают взгляды друг друга, участвуют в сложных поведенческих моделях, предполагающих анализ ситуации в контексте установок сообщества, научаются оценивать себя в качестве членов коллектива и обретают самосознание.

Для уточнения роли организованного сообщества в развитии самосознания человека и его познавательных процессов автором был рассмотрен феномен эмпатического познания и совместной интенциональности, ввиду которой члены коллективной деятельности научаются концептуализировать окружающую действительность с точки зрения перспектив участвующих во взаимодействии индивидов.

Автором исследования, на основе перечисленных выше теоретических положений и с опорой на результаты ряда эмпирических исследований, был выдвинут тезис, согласно которому становление абстрактного мышления зиждется на социальном фундаменте, предполагающем повторяющиеся практики коллективного взаимодействия, обеспечивающем функционирование совместной интенциональности и способствующем интернализации индивидом групповых установок сообщества. Это в последующем приводит к концептуализации не доступных для восприятия сущностей, которые артикулируются в сознании индивида при абстрактном мышлении – в процессе внутреннего разговора с Обобщенным другим.

Представляется, что полученные в ходе текущего исследования выводы позволяют приблизиться к адекватному пониманию социальной природы мыслительных процессов Человека Разумного и могут послужить

концептуальной основой современным исследовательским (в том числе экспериментальным) практикам, посвященным анализу роли социума в развитии уникальных возможностей человеческого познания.

3.3. Мультикаузальная теория происхождения языка: многофакторная трактовка природы коммуникативных систем

Происхождение языка – это, пожалуй, краеугольный камень, являющихся для многих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин точкой отсчета в исследовательских изысканиях. Вербально-понятийное, символическое бытие человека делает последнего уникальным существом, способным наделять окружающую действительность только ему доступными смыслами. Археологические, биологические, антропологические, палеонтологические, этологические, лингвистические, философские, психологические и иные виды исследовательских практик так или иначе затрагивают проблему постижения языковой природы человеческого образа жизни.

Человек как обладающий языковой способностью представляет собой интерес для целого спектра различных научных дисциплин. В данном контексте происхождение языка предстает *мультидисциплинарной* проблемой, приблизиться к решению которой возможно лишь посредством синтеза многообразия данных, полученных в рамках различных исследовательских областей. Для того чтобы дать научно обоснованную оценку тому, когда, как и для чего возник человеческий язык, необходимо разработать такую теоретическую систему, которая бы позволила учесть максимально возможное количество релевантных данных, проливающих свет на проблему глоттогенеза. Представляется, что такой системой может стать *мультикаузальная теория происхождения языка*. Данная теория была предложена Жаком Приером³⁵⁵ (*Jacques Prieur*), специалистом в области сравнительной психологии развития, специалистом по

³⁵⁵Жак Приер специализируется на кафедре педагогики и психологии (*Department of Education and Psychology*) Свободного университета Берлина (*Freie Universität Berlin*). Научные интересы молодого ученого связаны с изучением механизмов, лежащих в основе приобретения и развития коммуникативных систем, в частности, жестовой коммуникации горилл. Жак Приер руководит рядом исследовательских проектов на базе Свободного университета Берлина, изучает влияние социальных факторов на становление жестовой коммуникации приматов. В 2019 Ж. Приер был удостоен премии, присуждаемой молодым ученым Французским обществом по изучению поведения животных (*Young Researcher Prize by the French Society for the Study of Animal Behaviour (SFECA)*).

этологии-приматологии, исследования которого сосредоточены вокруг проблемы происхождения языка, жестов и латеральности.

Мультикаузальная теория происхождения языка была впервые представлена Ж. Приером совместно с коллегами в статье «Происхождение жестов и языка: история, современные достижения и выдвигаемые теории» (ориг. *The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories*)³⁵⁶.

В данной работе предлагается объяснение эволюционных корней человеческого языка на основе данных, полученных в ходе исследований интенциональных (преднамеренных) коммуникативных систем человека и человекообразных обезьян. Отмечается, что именно *жестовая коммуникация*, предполагающая большое разнообразие интенциональных коммуникативных практик, является ключевой предпосылкой возникновения языка.

Авторы предполагают, что генезис жестовых коммуникативных систем у больших человекообразных обезьян (англ. *great apes*) фундирован тремя взаимосвязанными процессами: *филогенетическая ритуализация, онтогенетическая ритуализация, обучение через социальные переговоры*. Выдвигается гипотеза, согласно которой эволюционное развитие жестов связано с ритуализацией сигналов, опосредованной эмоциональными процессами и предполагающей рекурсивное воспроизводство действий. В свою очередь, усложнение социоэкологического образа жизни и интенсификация манипуляторных практик способствуют приобретению и развитию различных типов взаимодействия между членами группы.

Авторы предполагают, что учесть и объяснить все многообразие полученных ими данных в области исследований коммуникативных систем приматов и человека в состоянии *мультикаузальная теория происхождения языка*. Согласно данной теории, коммуникативная сигнализация приматов

³⁵⁶ В библиографическом списке данной статьи приведен обширный перечень источников, где, на основе эмпирических данных, характеризуются основные черты коммуникативных систем приматов (*The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories*. P. 531–554. and references there in). Для краткости изложения в текущей работе ссылки на приводимые Ж. Приером источники дублироваться не будут.

является сложной, многокомпонентной системой, которая постоянно воспроизводится в результате компромисса между затратами и выгодами при производстве и обработке сигналов при учете четырех взаимосвязанных групп факторов эволюции и жизненного цикла: *видовые, индивидуальные, средовые (контекстуальные) и поведенческие*.

Следует отметить, что для авторов мультикаузальной теории происхождения языка одной из исходных теоретико-методологических предпосылок является тезис о эволюционной взаимосвязи языка и культуры: язык формируется в ходе *социальных взаимодействий* и передается в рамках одной культуры из поколения в поколение, являясь, тем самым, отличительным признаком того или иного человеческого сообщества.³⁵⁷ Стремясь обнаружить предшествующую языку коммуникативную систему, исследователи сосредотачивают внимание на изучении *вокализаций и жестовой коммуникации приматов*, отмечая случаи культурно передаваемого коммуникативного поведения среди, прежде всего, человекообразных обезьян. Выводы, к которым приходят учёные, базируются на анализе большого количества данных, полученных в результате исследований жестовой коммуникации приматов³⁵⁸ (шимпанзе (и бонобо, в частности), горилл, западных равнинных горилл, орангутангов, малых человекообразных обезьян, обезьян Старого (узконосые) и Нового (широконосые) света, макак и т.д.).

В свою очередь, *жест* определяется авторами как движение головы, конечностей и/или тела, направленное на реципиента (воспринимающего

³⁵⁷ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 532.

³⁵⁸ Среди обширного числа ученых, на исследования которых ссылаются Ж. Приер и его коллеги с целью анализа жестовой коммуникации приматов, можно отметить Майкла Томаселло, Франса де Вааля, Кэти Либаля, Симону Пика, Марлен Фрелих, Джоанну Таннер, Ричарда Бирна, Элен Менье и др. (см., например: Liebal K., Pika S., Tomasello M. Gestural communication of orangutans (*Pongo pygmaeus*) // *Gesture*. 2006. Vol. 6, Issue 1. P. 1–38; Meunier H., Prieur J., Vauclair J. Olive baboons communicate intentionally by pointing // *Animal Cognition*. 2012. Vol. 16, Issue 2. P. 155–163; Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 551–565; Pollick A. S., de Waal F. Ape gestures and language evolution // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104, No. 19. P. 8184–8189; Tanner J. E., Byrne R. W. The development of spontaneous gestural communication ... P. 211–239).

сигнал), не воздействующее на него механически и предполагающее добровольную реакцию со стороны воспринимающего.³⁵⁹

Ж. Приер и его коллеги, авторы МТЯ, предваряют изложение основных постулатов последней описанием существующих на сегодняшний день теорий происхождения языка (*вокальная, жестовая, мультимодальная*) с целью демонстрации их эвристически значимых положений, которые в последующем интегрируются в мультикаузальную теорию. Для краткости изложения в текущей работе будут отмечены лишь ключевые составляющие отмеченных теорий, позволяющие определить сущностные атрибуты коммуникативных систем приматов³⁶⁰.

Так, в соответствии с *вокальной теорией происхождения языка*, последний возник в результате эволюции *вокальных призывов (голосовых сигналов)* животных. В пользу данной теории свидетельствуют по меньшей мере *девять* ключевых характеристик человеческого языка, которые были выявлены в примитивных формах вокализации обезьян. Такими характеристиками являются: *референциальность* (характерная, например, для сигналов тревоги); *наличие протограмматических правил* (в частности, морфо-синтаксис, позволяющий уточнять и обогащать передаваемую информацию); *артикуляционные и акустические возможности*; *акустическая ритмичность в диапазоне 3-8 Гц*; *наличие разговорных правил* (к примеру, существование зависимости частоты голосовых обменов от социальных связей); *вариабельность вокального репертуара между членами группы и между групп* (в частности, вокальная дивергенция между соседними конкурентными группами); *навыки социального обучения вокальным призывам*; *наличие интенциональности в вокальной коммуникации*; *наличие закономерностей, согласующихся с законами Ципфа* (часто используемые

³⁵⁹ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 532.

³⁶⁰ Более подробно ознакомиться с положениями вокальной, жестовой и мультимодальной теории происхождения языка можно обратившись к разделу «Теории происхождения языка» (*orig. Theories of the Origins of Language*) статьи Ж. Приера и его коллег (The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 531–554.).

слова имеют тенденцию становиться короче) и Мензерата (бóльшие последовательности слов содержат более короткие составляющие).

В свою очередь, *жестовая теория происхождения языка* гласит, что эволюционным предшественником человеческого языка являются *жесты*. Аргументы, подтверждающие данный постулат, таковы: по сравнению с вокализациями приматов их жестовая коммуникация более гибкая с точки зрения обучения и использования (качественные и количественные характеристики жестового репертуара каждой отдельной особи зависят от ряда социальных параметров); жестовая коммуникация приматов подконтрольна *левому* полушарию, и *зеркальные нейроны*³⁶¹, имеющиеся в мозгу всех приматов, не активируются, если особь слышит звуки, не связанные с действием; имеется тесная взаимосвязь между *человеческой устной речью* и *асимметричностью* при осуществлении невербальной коммуникации с преимущественным использованием *правой руки*; жестовая коммуникативная система приматов обладает ключевыми характеристиками, которые также свойственны человеческому языку (интенциональность, наличие разговорных правил, референциальность, иконичность (в определенной степени), проявления лингвистических законов).

Ввиду того что жест как когнитивно-коммуникативное образование и жестовая теория происхождения языка представляют особую значимость для текущего диссертационного исследования, представляется необходимым рассмотреть ряд *контраргументов*, которые выдвигаются учеными в отношении роли жеста как предтечи языка человека.

³⁶¹ Зеркальные нейроны – это, как уже было упомянуто ранее, ответственные за подражательные способности нервные клетки, активирующиеся: а) при выполнении определенного действия; б) при наблюдении за выполнением определенного действия другим конспецификом; в) в результате реакции на звук, связанный с определенным действием. Впервые зеркальные нейроны были обнаружены в начале 1990-х годов профессором Пармского университета Дж. Риццоллатти в нижней премоторной коре (F5) у макаков, которая является гомологом области, ответственной за производство языка у людей (Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. ... 208 с.). При этом в левом полушарии головного мозга человека расположены зона Брока (ответственная за воспроизводство речи) и зона Вернике (ответственная за понимание речи), гомологи которых также обнаружены у человекообразных обезьян (The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 540). В целом, результаты неврологических исследований премоторной коры приматов и, в частности, системы зеркальных нейронов, дают основания предполагать, что: имеется двойная система управления рукой-ртом; жестовая коммуникация может быть предшественницей левосторонней интенциональной коммуникативной системы приматов (Ibid. P. 542).

Автором одного из таких контраргументов является Стивен Пинкер, специалист в области экспериментальной психологии и когнитивных наук. Возражения С. Пинкера преимущественно базируются на следующих постулатах. Во-первых, язык жестов так же сложен, как и звучащая речь; во-вторых, «...язык жестов, видимо, тоже зависит от зон Вернике и Брока, которые соответственно находятся в тесной близости к голосовой и слуховой областям мозга. В той степени, в которой области мозга, отвечающие за абстрактные вычисления, расположены рядом с центрами обработки входных и выходных данных, это предполагает, что речь является более базовой»³⁶². В отношении первого возражения следует отметить, что, с одной стороны, сложность жестового языка не имеет прямого отношения к тому, что данный тип коммуникации не мог быть в основе развития мультимодального языка человека, с другой – в ряде отношений язык жестов, тем не менее, оказывается более простым с точки зрения: структурного тождества жеста и привычных манипуляторных практик (см. параграф 2.2. *Невербальное представление событий и феномен SOV-структуры*); схематичной природы жеста, который позволяет оперировать более простыми, «сжатыми», легко модифицированными представлениями (см. параграф 2.1. *Жест как ключевой компонент познавательных процессов человека: концептуализирующая функция жестовой коммуникации*); более быстрого и легкого процесса понимания и интерпретации жестов (в частности, указательных и пантомимы) без предварительной подготовки ввиду их схематичности, иконичности и наглядности.³⁶³ Что касается второго замечания С. Пинкера – например, та же зона Брока является не только моторным центром управления речи, но и двигательной областью для управления *действиями*, включая речь и жест. При этом зеркальные нейроны, позволяющие повторять мышечную активность другого человека, были обнаружены в том числе в данной области, к тому же она находится в тесной связи с моторной корой. В целом, зону Брока саму по

³⁶² Пинкер С. Язык как инстинкт (пер. с англ.). – М.: УРСС, 2004. С. 334.

³⁶³ Бурлак С.А. Происхождение языка ... С. 193.

себе сложно однозначно назвать «языковой областью» – это, скорее, область для организации сложных действий в различных значениях. Поэтому тезис, согласно которому расположение зон Брока и Вернике рядом со слуховыми и голосовыми областями мозга свидетельствует о том, что речь более базовая, является не однозначным с точки зрения морфологии и функциональных особенностей различных областей мозга. При этом, как было отмечено выше, одновременные коммуникативные сигналы разных модальностей предполагают функционирование тесно интегрированных систем мозга.

В. Левельт (Лефельт), голландский психолингвист, также выдвигает ряд аргументов против жестовой теории происхождения языка: объяснение эволюции языка жестов не объясняет эволюции языка разговорного, а последнее является необходимым для полноценного раскрытия проблематики глоттогенеза; преимущество языка жестов неубедительно ввиду его непрактичности для важных повседневных занятий с использованием рук в заросших кустарниками районах, где существовали предки человека; речь, а не жест, стала избранным средством языкового общения у ранних *Homo sapiens* ввиду того что именно люди обладают кортикальным контролем над вокализацией – вторая система, обеспечивающая полный добровольный контроль над голосом и артикуляцией, предоставила людям как социальным животным существенное избирательное преимущество³⁶⁴.

Стоит заметить, что жестовая теория происхождения языка в некотором смысле и не должна объяснять развитие именно вербального языка – это можно рассмотреть как две взаимосвязанные, но при этом самостоятельные исследовательские задачи. Язык человека, как было показано в текущей диссертации, является мультимодальной коммуникативной системой, предполагающей функционирование различных каналов передачи и восприятия информации, в том числе кинетический. И жестовая теория, в частности, апеллирует к тому, что на начальных этапах становления языковой

³⁶⁴ Levelt W. J. M. Speech, gesture and the origins of language // European Review. 2004. Vol. 12, No. 4. P. 543–549.

компетенции человека жестовая модальность оказалась ведущей. Более того, различные варианты гипотез «сначала жест» в той или иной мере освещают проблему того, как на базе жестового языка могла развиваться и стать доминирующей вокальная (речевая) коммуникация. В подобных исследовательских изысканиях снимается вопрос и о «непрактичности» жеста как основного канала коммуникации – жест, действительно, на определенном этапе развития мультимодальной коммуникации мог отдать пальму первенства звучащему языку ввиду тех возможностей, которые последний предоставляет коммуницирующим (например, передача информации на большее расстояние). Таким образом, речь, действительно, могла *со временем стать* основным средством языкового общения у ранних Homo sapiens (о чем пишет В. Лефельт). Однако, как отмечает С.А. Бурлак, «...у приматов звук, в отличие от жестов, не подконтролен воле, поэтому новые знаки *могли первоначально создаваться только на базе жестов* (курсив мой – Е.Б.)». В целом, исследовательский спор в отношении того, жесты или вокализации были фундаментом возникновения мультимодального человеческого языка, отличается весомым количеством аргументов у каждой из сторон. Сравнительные исследования учёных демонстрируют, что ключевые компоненты языка присутствуют и в жестах, и в вокализации приматов, при этом нейробиологическая регуляция данных коммуникативных проявлений демонстрирует большое совпадение, интеграцию и пластичность развития³⁶⁵.

Так, все большее число исследователей (среди которых можно отметить М. Арбиба, Н. Масатака, К. Либаль, М. Фрелих, С. Левинсона и др.) отдают предпочтение *мультимодальной теории происхождения языка*, согласно которой человеческий язык – это результат *коэволюции* жестовой, вокальной, оро-лицевой и глазной сигнализаций. Так или иначе, вокализация с необходимостью предполагает оро-мимические проявления, а воспроизводство жестов может сопровождаться вокализациями, оро-

³⁶⁵ Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations / Fröhlich M. [et al.] // Biological reviews of the Cambridge Philosophical Society. 2019. Vol. 94, Issue 5. P. 1809-1829.

мимикой³⁶⁶, определенным поведением глаз³⁶⁷, и наоборот. Таким образом, человеческий язык и коммуникативные системы животных признаются мультимодальными (образованными из компонентов, относящихся к разным модальностям) как на поведенческом, так и на нейронном уровнях.

Мультикаузальная теория происхождения языка, предложенная Ж. Приером и его коллегами, дополняет и расширяет мультимодальную теорию: согласно МТЯ, язык формируется не только в результате коэволюции различных типов сигнализации, но и под влиянием различного рода *факторов*: видовых, индивидуальных, контекстуальных и поведенческих (см. *Таблицу 2*).

Таблица 2. Мультикаузальная теория происхождения языка: многофакторная трактовка природы коммуникативных систем

Факторы, влияющие на коммуникативные системы (вокализации, жесты, мимика, поведение глаз) человека и нечеловеческих приматов			
Видовые	Индивидуальные	Средовые (контекстуальные)	Поведенческие
<u>Экологические</u> <i>Пример:</i> диапазон зрения	<u>Генетические/эпигенетические</u> <i>Пример:</i> ген FOXP2, метилирование ДНК	<u>Эмоциональные</u> <i>Пример:</i> позитивная/негативная оценка ситуации	<u>Тип сигнала</u> <i>Пример:</i> жест пощечины
<u>Социальные</u> <i>Пример:</i> размер социальной группы	<u>Демографические</u> <i>Пример:</i> возраст, пол	<u>Поведенческие</u> <i>Пример:</i> инициация социальной игры	<u>Модальность коммуникации</u>

³⁶⁶ Некоторые ученые, в частности, американский психолингвист Питер Мак-Нилидж, основываясь на сравнительных исследованиях причмокивания губ обезьянами, детского лепета и речи взрослых, утверждают, что бимодальный (зрительный и слуховой) ритм человеческой речи мог развиваться из ритмической мимики предковых приматов (MacNeilage, 2008; The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 541).

³⁶⁷ Ряд свидетельств, на которые ссылаются Ж. Приер и его коллеги, доказывают значимость поведения глаз (направление взгляда и частота моргания) в достижении, поддержании и регулировании взаимопонимания в ходе повседневных социальных взаимодействий как между людьми, так и в сообществах обезьян, и подчеркивают существенную роль зрительных контактов в эволюции коммуникационных систем человека и приматов. (Ibid).

			<i>Пример:</i> унимодальная коммуникация (жестовая)
<u>Морфологические/анатомические</u> <i>Пример:</i> строение лицевых мышц	<u>Социальные</u> <i>Пример:</i> место в социальной иерархии	<u>Аудиторные</u> <i>Пример:</i> размер, степень вовлеченности	<u>Состав коммуникации</u> <i>Пример:</i> бикомпонентная коммуникация (жест и мимика)
<u>Психологические/физиологические</u> <i>Пример:</i> темперамент, когнитивные способности	<u>Психологические</u> <i>Пример:</i> когнитивные способности, эмпатия	<u>Интерактивные</u> <i>Пример:</i> опыт социальных взаимодействий	<u>Последовательность сигналов</u> <i>Пример:</i> комбинация из нескольких голосовых сигналов
	<u>Физиологические</u> <i>Пример:</i> гормональный фон	<u>Целевые</u> <i>Пример:</i> возраст, пол «социальной цели»	<u>Мера интенциональности</u>
	<u>Патологические</u> <i>Пример:</i> физические, психические нарушения		<u>Информационное содержание</u> <i>Пример:</i> инициация социальной игры
			<u>Физические и химические свойства</u> <i>Пример:</i> акустические параметры
			<u>Статистические законы</u> <i>Пример:</i> закон Ципфа

К примеру, у обезьян с более сложными системами социальных связей (*видовая социальная характеристика*) уровень вокальной изменчивости (размер и разнообразие вокального репертуара) выше; размер жестового репертуара шимпанзе варьируется в зависимости от возраста особи (*индивидуальная демографическая характеристика*); на асимметричность использования жестов шимпанзе влияют физические характеристики визави: сигнализирующая особь предпочитает использовать ипсилатеральную (одностороннюю) руку партнёра (*интерактивная контекстуальная*

характеристика); шимпанзе используют различные типы сигналов (комбинируют их) в зависимости от социального контекста и успеха предыдущей коммуникации (*поведенческая характеристика*)³⁶⁸. Стоит добавить, что в основе МТЯ лежит тезис об *эволюционном* происхождении языка в качестве *адаптивной* системы, которая сформировалась под влиянием взаимосвязанных факторов, перечисленных выше.

При этом Ж. Приер и его коллеги акцентируют внимания на том, что различия в приобретении и развитии интенциональных коммуникативных систем внутри и между различными видами приматов (и человека, в частности) связаны с различием *затрат* (например, когнитивные способности) и *выгод* (например, влияние точного информационного сигнала на выживание) при производстве и обработке сигналов субъектами коммуникации при учете видовых, индивидуальных, контекстуальных и поведенческих факторов. Таким образом, фундаментальные свойства языка были сформированы в результате *компромисса* между затратами и выгодами, модулируемого этими четырьмя категориями взаимосвязанных факторов.³⁶⁹

Язык человека, в соответствии с МТЯ, возник в результате *когнитивной эволюции*, связанной с изменениями *социоэкологического* (переход к наземному образу жизни, изменения в питании, снижение риска хищничества за счет группового проживания, развитие тесной кооперации, возрастание внутригрупповой солидарности и т.д.) *образа жизни*. Так, на развитие человеческого языка как сложной многокомпонентной коммуникативной системы повлияли следующие факторы:

– *переход к прямохождению*, позволивший предкам современных людей использовать *свои руки* (и кисти, в частности) для воспроизводства и уточнения жестовой коммуникации; способствующий *адаптации голосового тракта* для производства более широкого спектра звуков; обусловивший

³⁶⁸ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 542–544

³⁶⁹ Ibid. P. 544.

развитие областей мозга, позволяющих овладевать вокализацией и контролировать её использование;

– интенсификация и диверсификация краткосрочных и долгосрочных ежедневных социальных взаимодействий, что предполагает развитие конкурентных и кооперативных отношений внутри и между семьями, группами и общинами;

– эволюция социальных отношений между индивидами с различными социальными (место в социальной иерархии и т.д.) и демографическими (пол, возраст и т.д.) характеристиками, способствующая распространению и обмену информацией и знаниями;

– снижение риска хищничества в групповой жизни, использование огня и орудий труда, развитие социальной системы и системы коммуникации (голосовой, в частности), позволившие максимизировать компромисс между затратами и выгодами, о чем говорилось выше.

Голосовая коммуникация, как отмечают авторы МТЯ, является наиболее эффективным каналом связи с точки зрения затрат энергии, возможностей комбинирования и обобщения смысловых единиц, показателей приема и передачи сигналов (звуковые сигналы могут быстро передаваться во всех направлениях на большие расстояния, воздействуя на потенциально безграничное число людей вне зависимости от состояния их внимания). Вероятно, во многом именно в связи с этими преимуществами вокальная коммуникация, способствующая более эффективному протеканию социальных взаимодействий, стала основным средством общения людей. В свою очередь, отмеченные социоэкологические изменения в образе жизни оказали решающее значение на коэволюцию анатомических, социокогнитивных и коммуникативных характеристик Человека разумного, а также на развитие ключевых свойств коммуникативных систем последнего (интенциональность, референциальность и т.д.), что послужило основой мультимодальной, динамической, социоинтерактивной природы языка.³⁷⁰

³⁷⁰ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 545.

Таким образом, исследователями были обнаружены общие черты между человеческим языком, жестами, вокализациями, оро-мимическими проявлениями и поведением глаз приматов, а также выявлены действия взаимосвязанных факторов, влияющих на язык человека и коммуникативные системы обезьян. Для того чтобы учесть отмеченное Ж. Приером и его коллегами была предложена *мультикаузальная теория происхождения языка*. Данная теория может стать эффективным инструментом, позволяющим изучить эволюционные корни языкового бытия людей. При этом необходимы дальнейшие мультидисциплинарные исследования социального познания приматов и их коммуникативных способностей, предполагающие комплексный (мультимодальный и многофакторный) подход и использование релевантных методов сбора данных и статистического анализа³⁷¹.

Выводы по параграфу

Таким образом, в результате рассмотрения ключевых положений мультикаузальной теории происхождения языка, можно выделить *два фундаментальных постулата*, которые образуют костяк данной теории.

Во-первых, именно жестовая коммуникация, которой свойственны различные проявления интенциональности и вариативность использования сигналов, лежит в основе возникновения мультимодальной природы языка, что подтверждается данными, полученными в ходе исследований жестовой коммуникации приматов, в частности, человекообразных обезьян. При этом овладение жестами происходит в результате филогенетической ритуализации, онтогенетической ритуализации, подражательного научения и обучения через социальные переговоры, где основополагающая роль отводится эмоциям и когнитивным механизмам усвоения понятий.

Во-вторых, язык человека и коммуникативная сигнализация приматов представляют собой сложные системы, которые смогли развиваться в ходе эволюции в результате компромисса между затратами и выгодами при производстве и обработке сигналов с учетом действия видовых,

³⁷¹ The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 546.

индивидуальных, средовых (контекстуальных) факторов, связанных между собой. В пользу данного тезиса свидетельствуют результаты неврологических и поведенческих исследований, подтверждающих совместное развитие жестовых, голосовых, oro-лицевых и связанных с поведением глаз компонентов коммуникации³⁷².

Авторы мультикаузальной теории предполагают, что предложенная ими интегративная теоретическая система позволит не только продвинуться в изучении эволюционных корней человеческого языка, но и объяснить происхождение других культурных феноменов, таких, к примеру, как сотрудничество, мораль, совместное изготовление и использование инструментов, семантическая память и т.д.

Представляется, что рассмотренные выше тематические блоки, интегрированные мультикаузальной теорией, иллюстрируют множество актуальных для различных исследовательских областей проблем, среди которых можно отметить следующие: поиск предязыковых форм в коммуникативных системах животных, изучение коллективного поведения и его влияние на индивидуальную языковую картину мира, исследование эволюционных механизмов развития межгрупповой солидарности, определение и характеристика преднамеренного (интенционального) поведения человека и человекообразных обезьян, анализ социально-значимого поведения в процессе овладения языком, оценка влияния индивидуальных психических особенностей на языковое поведение, исследование способности представлять ментальное состояние другой особи и предполагать, как она себя поведет в конкретной ситуации (теория разума), исследование связи между жестовой сигнализацией приматов и эволюционными корнями языка³⁷³, изучение процессов восприятия, познания,

³⁷² The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories. P. 546.

³⁷³ При этом, как было показано в недавнем исследовании (Connecting primate gesture to the evolutionary roots of language: ... P. 1–18.), на данный момент существует значительное количество концептуальных и теоретико-методологических проблем при изучении жестовой коммуникации. В частности, в большинстве исследований жестов людей в явном виде не выделяются критерии преднамеренного использования жестов и отсутствует четкое определение последних.

принятия решений людьми, приматами и другими животными посредством определения координат взгляда, анализ морфосинтаксических характеристик сигнализации приматов, изучение детской речи, жестовых языков глухонемых, исследование речевых расстройств, поиск и изучение «языковых областей» мозга, исследование роли эмоций в возникновении речи и т.д.

По справедливому замечанию российского лингвиста С. А. Бурлак «...для языка необходим целый комплекс присущих человеку свойств – и анатомических, и физиологических, и когнитивных. И в рамках хорошей гипотезы о происхождении языка должно найтись место им всем»³⁷⁴. Представляется, что именно мультикаузальная теория происхождения языка, постулаты которой основаны на большом количестве эмпирических данных, позволяет аккумулировать данные биологических, этологических, психологических, лингвистических, философских и иных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, что наделяет данную теорию мощным эвристическим потенциалом в вопросе исследования происхождения такого уникального феномена, как человеческий язык.

³⁷⁴ Бурлак С.А. Происхождение языка ... С. 74.

Заключение

В результате решения основных задач текущей диссертации, посвященной анализу социальной природы и когнитивно-коммуникативных функций жеста как компонента мультимодальной коммуникации, были получены следующие ключевые **выводы**:

1. Коммуникация между людьми, также как коммуникативные системы большинства иных живых существ, является *мультимодальной* и предполагает участие в коммуникативном процессе зрительных, слуховых, ольфакторных, а также кинетических каналов передачи и восприятия информации.
2. Жест сегодня оценивается исследователями не только как компонент невербальной коммуникации, но и как *самоориентированное когнитивно-коммуникативное образование*, которое может не только выполнять аддитивные по отношению к речи функции, но и быть самодостаточным инструментом концептуализации действительности.

При обращении к *философским идеям* в отношении проблематики жеста было продемонстрировано, что в жестовости воплощается определенная конфигурация человеческой телесности, социальный способ бытия человека и интенциональная природа его коммуникативных взаимодействий с принципиальной обращенностью к Другому.

3. В диссертации предлагается *определить* жест как движение человеческого тела или его части, которое: а) направлено на реципиента (воспринимающего сигнал) и/или на самого себя (коммуникатора); б) не воздействует на реципиента и/или коммуникатора механически; в) предполагает добровольную реакцию со стороны реципиента; г) зачастую является иконическим (обладает определенной степенью изоморфизма с представляемым объектом, изображает действие, движение, форму и/или указывает на траекторию или местоположение).

4. Жестовые коммуникативные системы приматов обладают рядом характеристик, общих с языком человека и, вероятно, лежащих в основе возникновения последнего: интенциональность, референциальность, наличие разговорных правил, иконичность, поворот в разговоре, комбинаторные способности, онтогенетическая пластичность. При этом жесты приматов зависят от социальных факторов, обладают широким репертуаром и иконической продуктивностью, могут вариативно использоваться в зависимости от параметров коммуникативной ситуации, а также являются интенциональными, что присуще процессам социального познания Homo Sapiens и в целом характерно для языка человека и иных форм его социальных взаимодействий. Это позволяет рассматривать жестовую коммуникативную систему человекообразных обезьян в качестве потенциального предшественника языка человека: она является доминирующей при коммуникации обезьян на близком расстоянии ввиду широкого жестового репертуара, гибкого использования жестов и их иконической природы.

5. На сегодняшний день исследователями выделяются следующие основные механизмы, фундирующие возникновение жестов у человекообразных обезьян: филогенетическая ритуализация, онтогенетическая ритуализация, обучение через социальные переговоры. В диссертации было продемонстрировано, что жесты человекообразных обезьян – наиболее филогенетически древние для видов. При этом жестовые сигналы формируются у человекообразных обезьян посредством ритуализации сигналов, модификации моделей поведения в режиме реального времени как обладающих совместным коммуникативным значением для партнеров по социальному взаимодействию, с учетом различных параметров контекста, социальных обстоятельств, индивидуального опыта и при действии метода проб и ошибок (выработки наиболее эффективного сигнала). Отмеченное позволяет рассматривать любые (в том числе, жестовые) коммуникативные системы как адаптированные под те социоэкологические условия, в которых они используются.

6. В диссертации, с опорой на постулаты гипотезы жеста для концептуализации (*The Gesture-for-Conceptualization Hypothesis*, предложенная психолингвистом Сотаро Кито), было продемонстрировано, что жест, ввиду своей схематичной природы, позволяет сосредоточиться на важных для решения задачи аспектах, а именно *пространственно-моторных*. Так, посредством жеста (как проявления схематизации): *активизируются* представления о пространственно-моторных аспектах познавательного контекста; образуются более «простые» представления, ввиду чего объем обрабатываемой информации уменьшается и снижается когнитивная нагрузка на рабочую память при *манипулировании* информацией; формируются схематизированные, упрощенные представления, которые являются более подходящими для последующей *упаковки* информации для мыслительных и речевых операций; схематизируется богатый массив сенсорных данных при *изучении* пространственно-моторной информации, внимание сосредотачивается на существенных схематизированных и упрощённых «сгустках» информации.

7. В диссертации был выдвинут и подкреплён эмпирическим базисом тезис о *концептуализирующей* роли орудийной деятельности и жестовой коммуникации: жест, вводя в единое перцептивное поле (единый пространственно-временной контекст) субъект действия (S), объект воздействия (O) и сам акт (V), объективирует когнитивно усвоенные в ходе орудийных практик причинно-следственные отношения, иллюстрируя естественный порядок, SOV-структуру, которые люди накладывают на события и представляют невербально ввиду их уникального для вида перцептивного опыта, в котором становится возможной идентификация сущностей как причин или следствий тех или иных событий.

8. Продemonстрирована роль схематизирующей функции жеста как объективированного телесной активностью когнитивно-коммуникативного элемента в возникновении представления об абстрактных сущностях. Она «научает» мышление концентрироваться не на конкретном объекте и/или

действию в целом, а на тех его характеристиках (будь то форма, размер, траектория и т.д.) которые являются релевантными в данный момент для коммуникативного и/или познавательного процесса. Это в свою очередь позволяет конструировать представление о характеристиках, которые, с одной стороны, являются атрибутами физических, материальных объектов, доступных для восприятия, с другой – приобретают «самостоятельное концептуальное существование», в отрыве от своих субстанций.

Данное конструирование посредством жестовых манипуляций становится возможным в *социальных условиях*: в процессе жестовой коммуникации, предполагающей воспроизводство действий и их зрительную фиксацию, реализуется интернализация совокупности повторяющихся реакций в ходе идентичных социальных актов и возникает внутренний (виртуальный) разговор с «*обобщенным другим*» посредством абстрактных понятий, которые выкристаллизовываются в социально ситуативном контексте и соотносятся посредством жеста с феноменально доступными сущностями.

9. При использовании основополагающих постулатов *мультикаузальной теории происхождения языка*, было определено, что именно жестовая коммуникация, которой свойственны различные проявления интенциональности и вариативность использования сигналов, *лежит в основе возникновения мультимодальной природы языка*, что подтверждается данными, полученными в ходе исследований жестовой коммуникации приматов, в частности, человекообразных обезьян. В диссертации также определяется, что язык человека и коммуникативная сигнализация приматов представляют собой сложные системы, которые смогли развиваться в ходе эволюции в результате компромисса между затратами и выгодами при производстве и обработке сигналов с учетом действия видовых, индивидуальных, средовых (контекстуальных) факторов, связанных между собой.

Таким образом, в ходе исследования была достигнута основная **цель** диссертации – *была выявлена когнитивно-коммуникативная роль жеста как компонента мультимодальной человеческой коммуникации и определена его социальная природа.*

В диссертации было определено, что коммуникативные системы животных, также как и коммуникация между людьми, является *мультимодальной*, и для развития такой комплексной системы, как человеческий язык, весомую роль играет каждый из компонентов информационного обмена (вокализация, жест, оро-лицевая мимика, направление взгляда и т.д.). Поэтому видится более целесообразным рассматривать жест в качестве *одного из* ключевых звеньев в развитии языка как мультимодальной коммуникативной системы. При этом материал текущей диссертации свидетельствует в пользу того, что жест заслуживает специального исследовательского внимания как важнейшее звено в становлении языковой компетенции Человека Разумного.

Таким образом, автором исследования была продемонстрирована актуальность исследования жеста с точки зрения не только его функций в процессах речепроизводства, но и как элемента, отражающего уникальную, социальную природу человека, которая реализуется в совместной деятельности как адаптивно-адаптирующем процессе, предполагающем орудийное отношение к среде. Последнее во многом отображает специфику социозэкологической ниши, характерной для жизнедеятельности человека и предполагающей наличие определенной коммуникативной системы, частью которой является жест.

Данные, полученные в ходе изучения жестовых коммуникативных систем человекообразных обезьян, также свидетельствуют в пользу того, что жест явился важнейшим звеном в развитии языковой компетенции человека. Широкий жестовый репертуар, вариативное использование жестов, интенциональная основа и иконическая природа последних, моторно-двигательная природа жеста и связь его производства с зеркальной

системой позволяют рассматривать жест человекообразных обезьян в качестве одного из вероятных эволюционных предшественников языка человека.

В диссертации особое внимание было уделено роли жестов в процессах концептуализации. При использовании ряда теоретических разработок психолингвистического толка была проиллюстрирована связь жеста с пространственно-моторным мышлением, определена схематизирующая природа жеста, являющаяся формой абстрагирования и обучающая мышление посредством «схематизированной телом» информации концентрироваться на важных для познавательной и/или коммуникативной ситуации аспектах и дистанцироваться от второстепенных. Во многом ввиду именно *схематизирующей* функции, которая, с одной стороны, позволяет сохранить некоторую связь с описываем объектом (в том числе из-за *иконичности жеста, визуализируемой телом*), с другой – отрывается от него, жест оказывает существенное влияние на процессы речи и мышления (активирует поиск новых идей и стратегий в решении познавательных задач, улучшает запоминание, предсказывает обучение и т.д.).

Возникая и развиваясь в пространстве уникальной человеческой социальности, предполагающей разнообразие коллективных взаимодействий (в частности, орудийно опосредованных), высокую степень кооперации и функционирование процессов совместной интенциональности, жест способствует обнаружению активной и пассивной стороны наблюдаемого и/или изображаемого процесса, причиняющей, активной силы (S – subject) и пассивной единицы, испытывающей влияние (O – object), а также самого процесса изменения/действия (V – verb). Отмеченное приводит к прояснению в сознании человека причинно-следственных связей, формируя фундамент для становления каузального мышления – эволюционно значимой когнитивной системы, играющей существенную роль в развитии языковой компетенции человека.

Будучи инструментом телесной объективации воспринятого и/или мыслимого, жест, зачастую обладая топологическим, перцептивно очевидным

сходством с референтом, предоставляет альтернативный речи и во многом более быстрый способ передачи и/или усвоения информации. Последнее справедливо и для информации о чувственно не воспринимаемых объектах, представляемых абстрактными понятиями. В силу своей телесной определенности и перцептивной очевидности, жест может представлять абстрактные сущности или их причины и следствия на фоне материально существующего мира, натурализуя, «одомашнивая» концептуальные образования в сфере физического. Таким образом, жест являет собой своеобразный «клей», реализуемое в телесности связующее звено между воспринимаемыми феноменальными сущностями и абстрактными понятиями, способствующее концептуализации последних.

Необходимо добавить, что в жесте отображается специфика телесных взаимодействий людей с окружающим миром. Уникальность человеческого тела, связанная с феноменом прямохождения и высвобожденными передними конечностями, пригодными для различных предметно опосредованных актов и воспроизводства жестов, прослеживается в последних. В жестах (преимущественно *ручных* как самых часто используемых) олицетворяются телесные возможности человека и, как следствие, отображаются уникальные механизмы сознательного управления телом в когнитивно-коммуникативных ситуациях. Тем самым жест есть деятельностное проявление работы человеческого сознания – проявление, наблюдая за которым и изучая которое можно оценить механизмы, участвующие в концептуальной обработке.

Специфика социального бытия людей также артикулируется жестом. Жест, с принципиальной обращенностью к реальному или виртуальному другому, вызывает у индивида ту же реакцию, которую последний стремится вызвать у визави, производя жест – только в социальности, при наличии другого, жест наделяется смыслом, который привносится в сознание воспроизводящего и акцептирующего. При этом жестом осуществляется «указание» на определенный интенциональный объект, и этим указанием, предполагающим телесную адаптацию к объекту, обеспечивается понимание

последнего. Данной «указующей» функцией жест включает в единое (смысловое) пространство субъект, объект и практику, обнаруживая между ними бытийственно значимую взаимозависимость.

Таким образом, настоящая диссертация позволяет комплексно и многосторонне оценить жест как уникальный когнитивно-коммуникативный компонент социальной природы, который является одним из возможных эволюционных предшественников человеческого языка. В исследовании впервые жесту было уделено пристальное внимание не только как аддитивному по отношению к речи коммуникативному порождению и/или невербальному индикатору культурно-социальных черт человека, но как самостоятельному, воплощенному в уникальной человеческой телесности элементу коммуникации, оказывающему влияние на процессы познания и речепроизводства.

Материал настоящего исследования, а также полученные в ходе него выводы, могут послужить отправной точкой для дальнейшего комплексного изучения жестовой коммуникации, её истоков и взаимосвязи с познавательными процессами и иными коммуникативными единицами. Представляется, что рассмотренные в работе положения в отношении социальной природы жеста и его когнитивных функций могут вызвать широкий интерес среди исследователей, стремящихся всесторонне изучить уникальность человеческих коммуникативных практик и лежащих в их основе когнитивных механизмов.

Результаты настоящего диссертационного исследования демонстрируют, что жест сегодня целесообразно изучать комплексно в качестве: когнитивно-коммуникативного компонента, реализующего функции организации информации (в том числе предназначенной для вербальной экспликации); уникального проявления человеческой телесности, могущего иллюстрировать специфику когнитивных механизмов Человека разумного; фундированного особой социальностью элемента коммуникации с функциями указания и обнаружения каузальности; компонента мультимодальных

коммуникативных систем, служащего предтечей языковой компетенции человека и т.д. Настоящая диссертация призвана обратить внимание широкой исследовательской общественности на жестовые проявления коммуникативного взаимодействия с целью многоаспектного (в том числе философского) анализа жеста, его социальной природы и когнитивно-эволюционного значения в становлении мультимодальной коммуникативной системы Человека разумного, Человека говорящего.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования выражается в том, что его результаты могут послужить материалом для разработки специализированных междисциплинарных курсов, призванных сформировать у обучающихся представление об уникальности мультимодальных коммуникативных систем человека, предполагающих не только речевые, но и зрительные, слуховые, ольфакторные, а также кинетические каналы передачи и восприятия информации.

Полученные в ходе текущего исследования выводы позволяют приблизиться к адекватному пониманию социальной природы коммуникативных систем и мыслительных процессов Человека Разумного и могут послужить концептуальной основой современным исследовательским (в том числе экспериментальным) практикам, посвященным анализу роли социума в развитии уникальных возможностей человеческого познания.

Комплексный анализ жестов, предпринятый в текущей работе, может предоставить ценный материал для выработки эффективных способов (жестовой) коммуникации между людьми, страдающими языковыми (речевыми) расстройствами, в частности, нейрогенными коммуникативными нарушениями.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Заметки о жесте [Электронный ресурс]. URL: <http://seance.ru/blog/chtenie/agamben/> (дата обращения 18.11.2021)
2. Антоновский А. Ю. Пространство, время и социоэпистемический тезис Джорджа Герберта Мида // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. № 1. С. 200–211.
3. Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
4. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983
5. Артамонова Ю. Д. Контекст, идеальность, жест: три исторические модели коммуникации // Международный журнал исследований культуры. 2017. №2 (27). С. 14–19.
6. Арто А. Театр и жестокость. Театр жестокости (Первый манифест) / Пер. С. Исаева // Театральная жизнь. 1990. № 8.
7. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014. 424 с.
8. Барулин А.Н. Первый шаг в восхождении к языку // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 7. 2015. С. 11–56.
9. Барулин А.Н., Козинцев А.Г., Бурлак С.А., Вахтин Н.Б. Дискуссия о происхождении языка [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2013. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussiya-o-proishozhdenii-yazyka> (дата обращения: 20 апр. 2020).
10. Белик А.А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 1. С. 31–43.
11. Белокобыльский А.В., Левицкий В.С. Социальная реальность. Институты интерсубъективности // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 39–51.
12. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.

- 13.Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 344 с.
- 14.Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык. Как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012.
- 15.Болдырев. Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
- 16.Бурлак С. А. Глоттогенез // Большая российская энциклопедия. Том 7. М., 2007. С. 254–255.
- 17.Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Паблишер, 2019. 609 с.
- 18.Бхаскар Р. Общества // Социо-логос. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.
- 19.Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 04.04.2020).
- 20.Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
- 21.Вишняцкий Л.Б. История одной случайности, или Происхождение человека. Фрязино: Век 2, 2005. 240 с.
- 22.Водяникова И.Ф. Глоттогенез как антропогенез // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. №17 (266). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glottogenez-kak-antropogenez> (дата обращения: 21.03.2020).
- 23.Воронина Л. В. Категория интенциональности в лингвистической перспективе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 175–181.
- 24.Вригт Фон Г.Х. Логико-философские исследования: избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.

- 25.Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
- 26.Галактионова Е. Н. Жест как фактор психического развития ребенка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. №. 10 (73). С. 23–29.
- 27.Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. М.: «Мысль», 1977. 471 с.
- 28.Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка: Пер. с нем. / Вступ. ст. В. М. Жирмунского. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 88 с.
- 29.Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. М. Мысль, 1989. 622 с.
- 30.Гриненко Г.В. Философия Средних веков и эпохи Возрождения: учеб. пособие для ... бакалавриата / Г. В. Гриненко. М.: Юрайт, 2018. 152 с.
- 31.Гришина Е. А. Автодейксис: основные типы и значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 173–186.
- 32.Гришина Е. А. Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. М.: Буки-Веди, 2014. С. 25–47.
- 33.Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.
- 34.Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
- 35.Даниленко В.П. От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику. СПб.: Алетейя, 2015. 387 с.
- 36.Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с.

37. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 203–204.
38. Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 408 с.
39. Дейнека Э.А. Проблема глоттогенеза: эмерджентная парадигма и перспективы мультиагентного моделирования [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2018. №1 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-glottogeneza-emerdzhentnaya-paradigma-i-perspektivy-multiagentnogo-modelirovaniya> (дата обращения: 11 апр. 2020).
40. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.
41. Древнеиндийская философия. Начальный период / Сост. Бродов В.В. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. 273 с.
42. Дубынин В.А. Мозг и зеркальные нейроны // Материалы видео интервью для сайта ПостНаука. 2018. URL: <https://postnauka.ru/video/89453> (дата обращения: 11.08.2021).
43. Емельянов-Ярославский Л.Б. Интеллектуальная квазибиологическая система. Индуктивный автомат. М.: Наука, 1990. 112 с.
44. Жук Е. И. Язык как "телесный жест" и "интекстуация тела" (М. Мерло-Понти, М. де Серто) // Философия и социальные науки в современном мире : Материалы международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 сентября 2019 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 58–62.
45. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
46. Зайцева Г. Л. Система жестового обучения глухих // Язык в океане языков / Сост. Донских О. А. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 28–42.

- 47.Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.
- 48.Ивин А.А. Логика причинности / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 18.01.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6965> (дата обращения: 05.08.21).
- 49.История лингвистических учений / Отв. ред. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. Л.: Наука, 1980. 260 с.
- 50.История лингвистических учений. Средневековый Восток / Отв. ред. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. Л.: Наука, 1981. 306 с.
- 51.Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925.
- 52.Карабыков А.В. Об основаниях лингвистической концепции в трудах мыслителей каппадокийского кружка (IV в.) // Вестник Томского государственного университета 2011. № 351 С. 22–28.
- 53.Касавин И.Т. Дэвид Юм: парадоксы познания // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–171.
- 54.Кибрик А. А., Молчанова Н. Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования», Москва, 15 ноября 2013 г. М.: Буки Веди, 2014. С. 99–114.
- 55.Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / под ред. А.А. Комарова, Н.А. Чаушьян. М.: ОООИ ВОГ, 2008. С. 122–129.
- 56.Князев Н.А. Проблема причинности в философии: концепция двух уровней: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.01. М.: 1993. 40 с.
- 57.Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.

- 58.Кольцова М.М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка: роль двигательного анализатора в формировании высшей нервной деятельности ребенка. М.: Педагогика, 1973. 142 с.
- 59.Кондильяк Э. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1980. 334 с.
- 60.Котов А.А. Каузальное мышление у экспертов и новичков // Когнитивная психология: феномены и проблемы / Сост.: В. Ф. Спиридонов. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 87–107.
- 61.Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Языки славянских культур, 2017. 528 с.
- 62.Кравченко Е.И. Джордж Герберт Мид: Философ, психолог, социолог. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2006.
- 63.Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- 64.Крейдлин Г. Е. Семантические типы жестов // Лики языка. М., 1998. С. 174–185.
- 65.Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 114–135.
- 66.Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. 608 с.
- 67.Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
- 68.Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1984.
- 69.Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №. 10 (839). С. 126–137.
- 70.Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- 71.Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов по спец. "Психология"/ Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000. 509 с.

- 72.Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- 73.Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
- 74.Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы: В 2 т. Т. 2. Нейропсихологический анализ сознательной деятельности. М.: Педагогика, 1970. 495 с.
- 75.Лурия А.Р. О генезе произвольных движений // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 65–67.
- 76.Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 384 с.
- 77.Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
- 78.Магировская О. В. Жестовый язык: проблемы статуса, организации и региональной вариативности // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 67–71.
- 79.Магировская О.В., Привалихина Е.С. Лексический уровень жестового языка как особая система номинации (на материале американского и русского жестовых языков) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 389–391.
- 80.Мареева Е.В., Мареев С.Н. Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход: Монография. М.: Академический Проект, 2013. 280 с.
- 81.Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.
- 82.Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- 83.Мацевич-Духан И.Я. Эстетика жеста в креативном обществе: *le je-ne-sais-quoi* // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 33–43.

- 84.Мид Дж. Г. Аз и Я // Добренъков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994а. С. 227–237.
- 85.Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Добренъков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994б. С. 224–227.
- 86.Мид Дж. Г. От жеста к символу // Добренъков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994в. С. 215–224.
- 87.Мид Дж. Г. Психология пунитивного правосудия // Добренъков В.И. (ред.). Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издательство МГУ, 1994г. С. 237–260.
- 88.Мид Дж. Г. Разум, Я и общество (Главы из книги) / Пер. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. 1997. Серия 11. Социология. № 4. С. 162–195.
- 89.Мид Дж. Г. Избранное: сборник переводов / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2009.
- 90.Мид Дж. Г. Какие социальные объекты должна предполагать психология / Пер. с англ. Р.Э. Бараш // Эпистемология и философия науки. 2013а. Т. 35. № 1. С. 212–218.
- 91.Мид Дж. Г. Социальное сознание и сознание смысла / Пер. с англ. Р.Э. Бараш // Эпистемология и философия науки. 2013б. Т. 35. № 1. С. 219–227.
- 92.Мид Дж. Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузьмина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014.
- 93.Миронов В. В. Семиотические виражи культуры: от диалога к монологу? // Вестник Московского университета. 2017. Серия 7. Философия. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskie-virazhi-kultury-ot-dialoga-k-monologu> (дата доступа: 01.07.2021).

94. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учебное пособие. М.: Высшая школа, Книжный дом "Университет", 1997. 448 с.
95. Николаев В.Г. Идеи Джорджа Герберта Мида и их значение для социологии // Мид Дж. Г. Избранное: сборник переводов / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 10–18.
96. Николаев В.Г. Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего» // Мид Дж. Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузьминова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 237–271.
97. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979.
98. Осипов Г.В. (ред.). История социологии в Западной Европе и США. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА*М, 2001.
99. Панов Е.Н. Эволюция диалога. Коммуникация в развитии: от микроорганизмов до человека. М.: Языки славянской культуры, 2014. 399 с.
100. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проспект, 2002.
101. Пинкер С. Язык как инстинкт (пер. с англ.). М.: УРСС, 2004.
102. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
103. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. 487 с.
104. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Мн: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1038 с.
105. Привалихина Е.С. Жестовый язык как особая система концептуализации // SiberiaLingua. 2018. № 1. С.114–121.
106. Речевые сбои и жестикуляция: отбор стимульного материала для психолингвистического и нейрофизиологического исследований (тезисы доклада) / Смирнова К. В. [и др.] // «Слово и жест». Научная

- конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 35–38.
107. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
 108. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
 109. Рябушкина Т.М. Временность и причинность в контексте проблемы оснований сознательного опыта // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Том 16. Вып. 3. С. 24–40.
 110. Сергин В.Я., Сергин А.В. Иерархическая модель восприятия без комбинаторного взрыва // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. Т. 69. № 5. С. 629–654.
 111. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999
 112. Социальная философия и философия истории: учеб. пособие. / под ред. К.Х. Момджяна. М.: ИНФРА-М, 2018. 478 с.
 113. Степанов М. А. Коммуникология Вилема Флюссера: между медиа и сообщением // Международный журнал исследований культуры. 2017. №2 (27). С. 6–13.
 114. Сухова Н.В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов). Дисс... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2004. 166 с.
 115. Сухова Н.В. Gesture and speech interaction on different planes of speech production: competitors or partners? // Теория и практика германских и романских языков. Статьи по материалам VII

- Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: УГПУ, 2006. С. 106–117.
116. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983.
117. Тихомиров С. А. Знак-жест, гипербола и символический обмен: практика и коммуникация // Ценности и смыслы. 2014. №4 (32). С. 80–92.
118. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
119. Фитч У.Т. Эволюция языка / Пер. с англ., науч. ред. и послесл. Е.Н. Панова; послесл. А.Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013. 768 с. Пер. изд.: Fitch W.T. The evolution of language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 610 p.
120. Фэрис Э. Социальная психология Джорджа Мида // Ефременко Д.В. (ред.) Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сборник переводов / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев. М: ИНИОН РАН, 2010. С. 236–248.
121. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001.
122. Хомский Н. О природе и языке. М.: URSS, 2005. 285 с.
123. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018. 304 с.
124. Чеснов Я.В. Экзистенции: жест. Философия и культура. 2009. № 5 (17). С. 69–79.
125. Шалютин Б.С. О вызовах приматологической революции, эмпатическом познании и природе когнитивного отрыва человека от обезьяны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. No 4. С. 15–31.
126. Шефатов О. И. Социальная природа языка и его роль в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ставрополь, 2005. 160 с.

127. Эйзенштейн С.М. Психологические вопросы искусства / Под ред. Е.Я. Басина. М.: Смысл, 2002. 335 с.
128. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 486–499.
129. Якобсон Р. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия / Сост.; Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Издание «Мир», 1973. С 82–87.
130. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 136 с.
131. Ямпольский М. Б. Жест палача, оратора, актёра // Admarginem'93: Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М.: Admarginem, 1994. С. 21–67.
132. Ямпольский М.Б. Жест умершего и спящего, или Жест до жеста и после жеста // От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна (Науч. приложение. Вып. LXXXIX) / сост.: А. Лавров, А. Осповат, Р. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 429–445.
133. A gestural repertoire of 1- to 2-year-old human children: in search of the ape gestures / Kersken V. [et al] // *Animal Cognition*. 2018. Vol. 22, Issue 4. P. 577–595.
134. A multifactorial investigation of captive chimpanzees' intraspecific gestural laterality / Prieur J. [et al] // *Animal Behaviour*. 2016. Vol. 116. P. 31–43.
135. A socio-ecological perspective on the gestural communication of great ape species, individuals, and social units / Graham K. [et al.] // *Ethology Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 34, Issue 3. P. 235–259.
136. A systematic review of gesture treatments for post-stroke aphasia / Rose M. L. [et al.] // *Aphasiology*. 2013. Vol. 27, Issue 9. P. 1090–1127. doi: 10.1080/02687038.2013.805726

137. Aboitiz F., García R.R., Bosman C., Brunetti E. Cortical memory mechanisms and language origins // *Brain and Language*. 2006. Vol. 98. Issue 1. P. 40–56.
138. Arbib M. A., Liebal K., Pika, S. Primate vocalization, gesture, and the evolution of human language // *Current Anthropology*. 2008. Vol. 49, No. 6. P. 1053–1063.
139. Argyriou P., Mohr C., Kita S. Hand matters: Left-hand gestures enhance metaphor explanation // *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 2017. Vol. 43, No. 6. P. 874–886. doi: 10.1037/xlm0000337.
140. Associative Concept Learning in Animals / Zentall T. R. [et al] // Department of Psychological Sciences Faculty Publications. 2014. Vol. 101. P. 130–151.
141. Atit K., Gagnier K., Shipley T. Student gestures aid penetrative thinking // *Journal of Geoscience Education*. 2015. Vol. 63, Issue 1. P. 66–72. [http://dx.doi.org/ 10.5408/14-008.1](http://dx.doi.org/10.5408/14-008.1)
142. Alibali M. W., Heath D. C., Meyers, H. J. Effects of visibility between speaker and listener on gesture production: Some gestures are meant to be seen // *Journal of Memory and Language*. 2001. Vol. 44, Issue 2. P. 169–188.
143. Alibali M. W., Kita S., Young, A. Gesture and the process of speech production: We think, therefore we gesture // *Language and Cognitive Processes*. 2000. Vol. 15, Issue 6. P. 593–613.
144. Arbib M.A. The mirror system hypothesis: How did protolanguage evolve? // *Language origins: perspectives on evolution* / Ed. by M. Tallerman. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 21–47.
145. Arbib M.A., Bonaiuto J., Rosta E. The mirror system hypothesis: From a macaque-like mirror system to imitation // *Proceedings of the 6th Evolution of language conference (EVLANG6)* / Ed. by A. Cangelosi, A. D. M. Smith, K. Smith. Singapore: World Scientific, 2006. P. 3–10.

146. Aspectuality across languages: event construal in speech and gesture / Cienki A., Iriskhanova O. [eds.]. *Human Cognitive Processing*, Vol. 62. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 239 p.
147. Baddeley A.D. The episodic buffer: A new component of working memory? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4. Issue 11. P. 417–423.
148. Baddeley A.D. *Working memory, thought and action*. Oxford: Oxford University Press. 2007. 412 p.
149. Baddeley A.D., Hitch G.J. The psychology of learning and motivation // *Recent advances in learning and motivation* / Ed. by G.A. Bower. New York: Academic Press, 1974. P. 47–89.
150. Bailey W. J. Insect duets: underlying mechanisms and their evolution // *Physiological Entomology*. 2003. Vol. 28, Issue 3. P. 157–174.
151. Barsalou L. W., Wiemer-Hastings K. Situating abstract concepts. In Pecher D., Zwaan R. (eds.) *Grounding cognition: The role of perception and action in memory, language, and thought*. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 129–163.
152. Bates E., Camaioni L., Volterra V. The acquisition of performatives prior to speech // *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*. 1975. Vol. 21, No. 3. P. 205–226.
153. Bates E. *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics*. New York, NY: Academic Press, 1976. 375 p.
154. Beattie G., Coughlan, J. An experimental investigation of the role of iconic gestures in lexical access using the tip-of-the-tongue phenomenon // *British Journal of Psychology*. 1999. Vol. 90, Issue 1. P. 35–56.
155. Birdwhistell R. L. *Kinesics and Context: Essays on Body Motion and Communication*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. 1970. 338 p.
156. Bohn M., Call J., Tomasello M. Comprehension of iconic gestures by chimpanzees and human children // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2016. Vol. 142. P. 1–17.

157. Bohn M., Call J., Tomasello M. Natural reference: a phylo- and ontogenetic perspective on the comprehension of iconic gestures and vocalizations // *Developmental Science*. 2018. Vol. 22, Issue 2. P. 1–12.
158. Bonobo and chimpanzee gestures overlap extensively in meaning / Graham K. E. [et al.] // *PLOS Biology*. 2018. Vol. 16, Issue 2. P. 1–18. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.2004825>
159. Cook S. W., Goldin-Meadow S. The role of gesture in learning: Do children use their hands to change their minds? // *Journal of Cognition and Development*. 2006. Vol. 7, Issue 2. P. 211–232. doi: 10.1207/s15327647jcd0702_4
160. Calvin W.H., Bickerton D. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain*. Cambridge: MIT Press, 2000. 312 p.
161. Challenges facing the study of the evolutionary origins of human right-handedness and language / Prieur J. [et al.] // *International Journal of Primatology*. 2018. Vol. 39, Issue 2. P. 183–207.
162. Chawla P., Krauss R. M. Gesture and speech in spontaneous and rehearsed narratives // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1994. Vol. 30, Issue 6. P. 580–601. doi: 10.1006/jesp.1994. 1027
163. Cheney D. L., Seyfarth R. M. Flexible usage and social function in primate vocalizations // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. Vol. 115, No. 9. P. 1974–1979.
164. Church R. B., Goldin-Meadow, S. The mismatch between gesture and speech as an index of transitional knowledge // *Cognition*. 1986. Vol. 23, Issue 1. P. 43–71. [http://dx.doi.org/10.1016/0010-0277\(86\)90053-3](http://dx.doi.org/10.1016/0010-0277(86)90053-3)
165. Clough S., Duff M. C. The Role of Gesture in Communication and Cognition: Implications for Understanding and Treating Neurogenic Communication Disorders // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2020. Vol. 14. P. 1–22. doi: 10.3389/fnhum.2020.00323.

166. Connecting primate gesture to the evolutionary roots of language: A systematic review / Rodrigues E. D. [et al.] // American Journal of Primatology. 2021. Vol. 83, Issue 9. P. 1–18.
167. Cook S. W., Duffy R. G., Fenn K. M. Consolidation and transfer of learning after observing hand gesture // Child Development. 2013. Vol. 84, Issue 6. P. 1863–1871. doi: 10.1111/cdev.12097
168. Corballis M. C. From Hand to Mouth: The origins of language. Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. 272 p.
169. Corballis M. C. From mouth to hand: gesture, speech, and the evolution of right-handedness // Behavioral and Brain Sciences. 2003. Vol. 26, Issue 2. P. 199–208.
170. Corballis M. C. The word according to Adam: The role of gesture in language evolution. In M. Seyfeddinipur, M. Gullberg (Eds.), From gesture in conversation to visible action as utterance: Essays in honor of Adam Kendon. Amsterdam, The Netherlands: Benjamins, 2014. P. 177–197.
171. Corina D. P., Vaid J., Bellugi U. The linguistic basis of left hemisphere specialization // Science. 1992. Vol. 255, Issue 5049. P. 1258–1260.
172. Coye C., Zuberbühler K., Lemasson A. Morphologically structured vocalizations in female Diana monkeys // Animal Behaviour. 2016. Vol. 115. P. 97–105.
173. Creating a communication system from scratch: gesture beats vocalization hands down // Fay N. [et al.] // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. P. 1–12.
174. Dahlin C. R., Benedict L. Angry birds need not apply: a perspective on the flexible form and multifunctionality of avian vocal duets // Ethology. 2014. Vol. 120, Issue 1. 1–10.
175. Davis B.L., MacNeilage P.F. The internal structure of the syllable // The evolution of language out of pre-language / Ed. by Givón T., Malle B. F. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 135–154.

176. de Ruiter J. P. Gesture and speech production. Nijmegen, the Netherlands: Katholieke Universiteit Nijmegen, 1998. 132 p.
177. de Ruiter J. P. The Production of gesture and speech. In D. McNeill (ed.), *Language and Gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 284–311. doi: 10.1017/cbo9780511620850.018
178. de Ruiter J. P. The asymmetric redundancy of gesture and speech. In R. B. Church, M. W. Alibali, S. D. Kelly (Eds.), *Why Gesture? How the Hands Function in Speaking, Thinking, and Communicating*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 59–75.
179. De Waal F. B. M. Apes Know What Others Believe // *Science*. 2016. Vol. 354. Issue 6308. P. 39–40.
180. Deacon T. *The symbolic species: The co-evolution of language and the brain*. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, Inc., 1997.
181. Do temperature and social environment interact to affect call rate in frogs (*Crinia signifera*)? / Wong B. [et al] // *Austral Ecology*. 2004. Vol. 29, Issue 2. P. 209–214.
182. Douglas P. H., Moscovice L. R. Pointing and pantomime in wild apes? Female bonobos use referential and iconic gestures to request genito-genital rubbing // *Scientific Reports*. 2015. Vol. 5. P. 1–9.
183. Dunbar R. *Grooming, gossip and the evolution of language*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1996. 230 p.
184. Efron D. *Gesture and environment*. N.Y.: King's crown Press, 1941. 184 pp.
185. Efron D. *Gesture, Race and Culture*. The Hague: Mouton & Co, 1972. 226 p.
186. Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1, No. 1. P. 49–98.
187. Ellestrom L. Bridging the gap between image and metaphor through cross-modal iconicity. In A. Zirker, M. Bauer, O. Fischer and C. Ljungberg

- (eds.), *Dimensions of Iconicity*. Vol.15. Amsterdam.: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 167–190.
188. Engesser S., Ridley A. R., Townsend S. W. Meaningful call combinations and compositional processing in the southern pied babbler // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2016. Vol. 113, No. 21. P. 5976–5981.
 189. Explaining math: gesturing lightens the load / Goldin-Meadow S. [et al.] // *Psychological Science*. 2001. Vol. 12, Issue 6. P. 516–522. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00395>
 190. Fitch W.T, Huber L., Bugnyar T. Social cognition and the evolution of language: Constructing cognitive phylogenies. *Neuron*. 2010. Vol. 65, Issue 6. P. 795–814.
 191. Flexible use of simple and combined calls in female Campbell's monkeys / Coye C. [et al] // *Animal Behaviour*. 2018. Vol. 141. P. 171–181.
 192. Freedman N. Hands, words, and mind: On the structuralization of body movements during discourse and the capacity for verbal representation. In N. Freedman, S. Grand (Eds.), *Communicative structures and psychic structures*. New York, NY: Plenum Press, 1977. P. 109–132.
 193. Fröhlich M., Hobaiter C. The Development of Gestural Communication in Great Apes // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2018. Vol. 72, No. 12. P. 1–14.
 194. Fröhlich M., van Schaik C. P. The function of primate multimodal communication // *Animal cognition*. 2018. Vol. 21, Issue 5. P. 619–629
 195. Frohlich M., Wittig R. M., Pika S. Play-solicitation gestures in chimpanzees in the wild: flexible adjustment to social circumstances and individual matrices // *Royal Society Open Science*. 2016a. Vol. 3, Issue 8. P. 1–16.
 196. Frohlich M., Wittig R. M., Pika S. Should I stay or should I go? Initiation of joint travel in mother–infant dyads of two chimpanzee communities in the wild // *Animal Cognition*. 2016b. Vol. 19. P. 483–500.

197. Fröhlich M., Wittig R. M., Pika S. The ontogeny of intentional communication in chimpanzees in the wild // *Developmental Science*. 2018. Vol. 22, Issue 1. e12716. <https://doi.org/10.1111/desc.12716>
198. Garfield J. L., Peterson C. C., Perry, T. Social Cognition, Language Acquisition and The Development of the Theory of Mind // *Mind & Language*. 2001. Vol. 16. P. 494-541. <https://doi.org/10.1111/1468-0017.00180>.
199. Geissmann T., Orgeldinger M. The relationship between duet songs and pair bonds in siamangs, *Hylobates syndactylus* // *Animal Behaviour*. 2000. Vol. 60, Issue 6. P. 805–809.
200. Gentilucci M., Corballis, M. C. From manual gesture to speech: a gradual transition // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2006. Vol. 30, P. 949–960.
201. Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*): repertoire, intentionality and possible origins / Genty. E [et al.] // *Animal Cognition*. 2009. Vol. 12. P. 527–546.
202. Gestural development of chimpanzees in the wild: the impact of interactional experience / Fröhlich M. [et al.] // *Animal Behaviour*. 2017. Vol. 134. P. 271–282.
203. Gestures maintain spatial imagery / Wesp R. [et al] // *The American Journal of Psychology*. 2001. Vol. 114, No. 4. P. 591–600. <http://dx.doi.org/10.2307/1423612>
204. Genty E., Zuberbühler K. Spatial reference in a bonobo gesture // *Current Biology*. 2014. Vol. 24, Issue 14. P. 1601–1605.
205. Gestural and symbolic development among apes and humans: support for a multimodal theory of language evolution / Gillespie-Lynch K. [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. P. 1–10.
206. Givón T. The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 366 p.

207. Goldin-Meadow S., Alibali M. W. Gesture's role in speaking, learning, and creating language // *The Annual Review of Psychology*. 2013. Vol. 64, P. 257–283.
208. Goldin-Meadow S., Cook S. W., Mitchell, Z. A. Gesturing gives children new ideas about math // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20, Issue 3. P. 267–272. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02297.x>
209. Goldin-Meadow S. The role of gesture in communication and thinking // *Trends in Cognitive Sciences*. 1999. Vol. 3, No. 11. P. 419–429.
210. Graham K. E., Furuichi T., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild bonobo (*Pan paniscus*): a mutually understood communication system // *Animal Cognition*. 2017. Vol. 20, Issue 2. P. 171–177.
211. Graziano M., Gullberg M. When speech stops, gesture stops: evidence from developmental and crosslinguistic comparisons // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 1–17. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00879
212. Great ape gestures: intentional communication with a rich set of innate signals / Byrne R.W. [et al] // *Animal Cognition*. 2017. Vol. 20. P. 755–769. <https://doi.org/10.1007/s10071-017-1096-4>
213. Growth Points from the Very Beginning / McNeill D. [et al.] // *Interaction Studies*. 2008. Vol. 9. P. 117–132.
214. Hadar U., Butterworth B. Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech // *Semiotica*. 1997. Vol. 115, Issue 1-2. P. 147–172.
215. Halina M., Rossano F., Tomasello M. The ontogenetic ritualization of bonobo gestures // *Animal Cognition*. 2013. Vol. 16. P. 653–666. <https://doi.org/10.1007/s10071-013-0601-7>
216. Hand gestures as visual prosody: BOLD responses to audio–visual alignment are modulated by the communicative nature of the stimuli / Biau E. [et al.] // *NeuroImage*. 2016. Vol. 132. P. 129–137. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2016.02.018>
217. Hewes G. W. Primate communication and the gestural origins of language // *Current Anthropology*. 1973. Vol. 14, No. 1-2. P. 5–24.

218. Heyes C. Where do mirror neurons come from? // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2010. Vol. 34. Issue 4. P. 575–583.
219. Hobaiter C., Byrne R. W. The gestural repertoire of the wild chimpanzee // *Animal Cognition*. 2011. Vol. 14. P. 747–767.
<https://doi.org/10.1007/s10071-011-0409-2>
220. Hobaiter C., Byrne R. W., Zuberbühler K. Wild chimpanzees' use of single and combined vocal and gestural signals // *Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2017. Vol. 71, Issue 6. P. 1–13.
221. Hobaiter C., Leavens D. A., Byrne R. W. Deictic gesturing in wild chimpanzees (Pan troglodytes)? Some possible cases // *Journal of Comparative Psychology*. 2014. Vol. 128, Issue 1. P. 82–87.
222. Hopkins W. D., Nir T. Planum temporale surface area and grey matter asymmetries in chimpanzees (Pan troglodytes): the effect of handedness and comparison with findings in humans // *Behavioural Brain Research*. 2010. Vol. 208, Issue 2. P. 436–443.
223. Hostetter A. B., Alibali M. W. On the Tip of the Mind: Gesture as a Key to Conceptualization // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 2004. Vol. 26. P. 589–594.
224. Hostetter A. B., Alibali M. W. Visible embodiment: gestures as simulated action // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2008. Vol. 15. P. 495–514. doi: 10.3758/PBR.15.3.495
225. Hostetter A. B., Alibali, M. W. Gesture as simulated action: revisiting the framework // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2019. Vol. 26. P. 721–752. doi: 10.3758/s13423-018-1548-0
226. Hostetter A. B., Skirving C. J. The effect of visual vs. verbal stimuli on gesture production // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2011. Vol. 35. P. 205–223. doi: 10.1007/s10919-011-0109-2
227. Human laterality for manipulation and gestural communication: A study of beach-volleyball players during the Olympic Games / Prieur J. [et al.]

- // *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*. 2020. Vol. 25, Issue 2. P. 229–254. <https://doi.org/10.1080/1357650X.2019.1648485>
228. Hurford J. R. Social transmission favours linguistic generalization // *The evolutionary emergence of language: Social function and the origins of linguistic form* / Ed. by Knight Chr., Studdert-Kennedy M., Hurford J. R. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 324–352.
 229. Ideational gestures and speech: A neurolinguistic investigation / Hadar U. [et al] // *Language and Cognitive Processes*. Vol. 13. P. 59–76.
 230. Imai M., Kita S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 369, Issue 1651. P. 1–13.
 231. Infants' intentionally communicative vocalizations elicit responses from caregivers and are the best predictors of the transition to language: A longitudinal investigation of infants' vocalizations, gestures and word production / Donnellan E. [et al.] // *Developmental Science*. 2020. Vol. 23, Issue 1.
 232. Is conceptual diversity an advantage for scientific inquiry? A case study on the concept of 'gesture' in comparative psychology / Bourjade M. [et al.] // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 54, Issue 4. P. 805–832. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09516-5>
 233. Iverson J. M., Goldin-Meadow S. Gesture paves the way for language development // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16, No. 5. P. 367–371. doi: 10.1111/j.0956-7976.2005.01542.x
 234. Jacobs B., Schall M., Scheibel A. B. A quantitative dendritic analysis of Wernicke's area in humans. II. Gender, hemispheric, and environmental factors // *The Journal of comparative neurology*. 1993. Vol. 327. Issue 1. P. 97–111.

235. Joas H. The Emergence of the New: Mead's Theory and Its Contemporary Potential // Ritzer G., Smart B (eds.) Handbook of social theory. London: SAGE, 2001. P. 89–99.
236. Jurgens U. Neural pathways underlying vocal control // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2002. Vol. 26, Issue 2. P. 235–258.
237. Keller F. S., Schoenfeld W. N. Principles of psychology. New York: Appleton- Century-Crofts, 1950. 456 p.
238. Kendon A. An agenda for gesture studies // Semiotic Review of Books. 1996. Vol. 7. P. 8–12.
239. Kendon A. Current Issues in the Study of Gesture. In: Nespoulous, J.L., Perron, P., Lecours, A.R. (eds.) The Biological Foundations of Gestures: Motor and Semiotic Aspects, Erlbaum Hillsdale, New Jersey, 1986. P. 23–47.
240. Kendon A. Gesture // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 109–128.
241. Kendon A. Reflections on the “gesture-first” hypothesis of language origins // Psychonomic Bulletin & Review. 2017. Vol. 24. P. 163–170.
242. Kendon A. The study of gesture: Some observations on its history // Recherches Sémiotiques / Semiotic Inquiry. 1982. Vol. 2, No. 1. P. 45–62.
243. Kendon, A. Gesture and speech: How they interact [A comprehensive review up to 1982]. In J. M. Wieman and R. P. Harrison, (eds.), Nonverbal Interaction. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1983. P. 13–45.
244. Kendon, A. Gesture: visible action as utterance. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 400 p.
245. Kendon A. Some relationships between body motion and speech. An analysis of an example. In A. Siegman, B. Pope (eds.), Studies in Dyadic Communication. Elmsford, New York: Pergamon Press, 1972. P. 177–210.
246. Kirby S. Syntax without Natural Selection: How compositionality emerges from vocabulary in a population of learners // The evolutionary emergence of language: Social function and the origins of linguistic form /

- Ed. by Knight Chr., Studdert-Kennedy M., Hurford J. R. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 303–323.
247. Kirk E., Lewis C. Gesture facilitates children's creative thinking // *Psychological Science*. 2016. Vol. 28, Issue 2. P. 225–232. <https://doi.org/10.1177/095679761666791>
 248. Kita S., Danziger E., Stolz C. Cultural specificity of spatial schemas, as manifested in spontaneous gestures. In M. Gattis (ed.), *Spatial schemas and abstract thought*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 115–146.
 249. Kita S., Alibali M.W., Chu M. How do gestures influence thinking and speaking? The gesture-for-conceptualization hypothesis // *Psychological Review*. 2017. Vol. 124, No. 3. P. 245–266.
 250. Kita S. How representational gestures help speaking. In D. McNeill (Ed.), *Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 162–185.
 251. Kita S. *Language and thought interface: A study of spontaneous gestures and Japanese mimetics*. PhD dissertation. University of Chicago, 1993.
 252. Kita S., Özyürek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal?: evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking // *Journal of Memory and Language*. 2003. Vol. 48, Issue 1. P. 16–32.
 253. Komarova N. L., Nowak M. A. *Language, learning and evolution* // *Language evolution* / Ed. by Christiansen M. H., Kirby S. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 317–337.
 254. Krauss R. M., Chen Y., Chawla P. Nonverbal behavior and nonverbal communication: What do conversational hand gestures tell us? // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1996. Vol. 28. P. 389–450.
 255. Krauss R. M., Chen Y., Gottesman R. F. Lexical gestures and lexical access: a process model, In D. McNeill (ed.), *Language and Gesture*.

- Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 261–283. doi: 10.1017/cbo9780511620850.017
256. Krauss R. M. Why do we gesture when we speak? *Current Directions in Psychological Science*. 1998. Vol. 7, No. 2. P. 54–60. doi: 10.1111/1467-8721.ep13175642
 257. Kripke S. Speaker's reference and semantic reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, Issue 1. P. 255–276.
 258. Krupenye C., Kano F., Hirata S., Call J., Tomasello M. (2016). Great apes anticipate that other individuals will act according to false beliefs // *Science*. Vol. 354. Issue 6308. P. 110–114.
 259. Langacker R. *Concept, image, symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin: New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.
 260. Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 556 p.
 261. Levelt W. J. M. Speech, gesture and the origins of language // *European Review*. 2004. Vol. 12, No. 4. P. 543–549.
 262. Levinson S. C., Holler J. The origin of human multi-modal communication // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 369, Issue 1651. P. 1–9.
 263. Liebal K., Call J. The origins of non-human primates' manual gestures // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2012. Vol. 367, Issue 1585. P. 118–128. <https://doi.org/10.1098/rstb.2011.0044>
 264. Liebal K., Pika S., Tomasello M. Gestural communication of orangutans (*Pongo pygmaeus*) // *Gesture*. 2006. Vol. 6, Issue 1. P. 1–38.
 265. Lyn H., Russell J. L., Hopkins W. D. The impact of environment on the comprehension of declarative communication in apes // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, Issue 3. P. 360 – 365.
 266. Macneilage, P. F. *The Origin of Speech*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

267. Making children gesture brings out implicit knowledge and leads to learning / Broaders S. C. [et al.] // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2007. Vol. 136, Issue 4. P. 539–550. doi: 10.1037/0096-3445.136.4.539
268. Masataka N. Music, evolution and language // *Developmental Science*. 2007. Vol. 10. No. 1. P. 35–39.
269. McGurk H., MacDonald J. Hearing lips and seeing voices // *Nature*. 1976. Vol. 264. P. 746–748.
270. McNeill D. *Gesture and Thought*, Chicago: University of Chicago Press, 2005a. 318 p.
271. McNeill D. Gesture. In P. C. Hogan (ed.), *The Cambridge encyclopedia of the language sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005b. P. 344–346.
272. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1992. 416 p.
273. McNeill D. *How Language Began: Gesture and Speech in Human Evolution (Approaches to the Evolution of Language)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 280 p. doi:10.1017/CBO9781139108669
274. McNeill D. Language viewed as action. In J. V. Wertsch (ed.), *Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985a. P. 258–270.
275. McNeill D. So you think gestures are nonverbal? // *Psychological Review*. 1985b. Vol. 92, No. 3. P. 350–371.
276. McNeill D. The growth point hypothesis of language and gesture as a dynamic and integrated system. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, and S. Tessendorf (eds.), *Body - Language - Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 135–155.

277. Mead G.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist / C.W. Morris (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1934. 401 p.
278. Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations / Fröhlich M. [et al.] // Biological reviews of the Cambridge Philosophical Society. 2019. Vol. 94, Issue 5. P. 1809–1829.
279. Meunier H., Prieur J., Vauclair J. Olive baboons communicate intentionally by pointing // Animal Cognition. 2012. Vol. 16, Issue 2. P. 155–163.
280. Male Barbary macaques eavesdrop on mating outcome: a playback study // Pfefferle D. [et al.] // Animal Behaviour. 2008. Vol. 75, Issue 6. P. 1885–1891.
281. Meunier H., Fizez J., Vauclair, J. Tonkean macaques communicate with their right hand // Brain and Language. 2013. Vol. 126, Issue 2. P. 181–187.
282. Meguerditchian A., Molesti S., Vauclair J. Right-handedness predominance in 162 baboons (*Papioanubis*) for gestural communication: Consistency across time and groups // Behavioral Neuroscience. 2011. Vol. 125, No. 4. P. 653–660. <https://doi.org/10.1037/a0023823>
283. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris: Gallimard, 1945. P. 215–216.
284. Miller N. E., Dollard J. *Social Learning and Imitation*. New Haven: Yale University, 1941.
285. Monboddo J. B. *Of the origin and progress of language*. Vol. 1.6. Sec. ed., Edinburgh, 1774.
286. Morrel-Samuels P., Krauss R. M. Word familiarity predicts temporal asynchrony of hand gestures and speech // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. 1992. Vol. 18, No. 3. P. 615–622.

287. Morsella E., Krauss R. M. The role of gestures in spatial working memory and speech // *The American Journal of Psychology*. 2004. Vol. 117, No. 3. P. 411–424. doi: 10.2307/4149008
288. Muthukrishna M., Morgan T. J. H., Henrich J. The when and who of social learning and conformist transmission // *Evolution and Human Behavior*. 2016. Vol. 37, Issue 1. P. 10–20. doi:10.1016/j.evolhumbehav.2015.05.004
289. Nishitani N., Hari R. Temporal dynamics of cortical representation for action // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2000. Vol. 97, No. 2. P. 913–918.
290. Novack M. A., Waxman S. Becoming human: human infants link language and cognition, but what about the other great apes? // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2019. Vol. 375, Issue 1789.
291. Ouattara K., Lemasson A., Zuberbühler K. Campbell's monkeys use affixation to alter call meaning // *PLoS One*. 2009. Vol. 4, Issue 11. P. 1–7.
292. Perlman M. Debunking two myths against vocal origins of language: language is iconic and multimodal to the core // *Interaction Studies*. 2017. Vol. 18, Issue 3. P. 376–401.
293. Perlman M., Tanner J. E., King B. J. A mother gorilla's variable use of touch to guide her infant: insights into inconity and the relationship between gesture and action. In Pika S., Liebal K. (eds.), *Current developments in primate gesture research*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 55–71.
294. Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes: the Social Negotiation Hypothesis // *Animal Cognition*. 2019. Vol. 22. P. 551–565. <https://doi.org/10.1007/s10071-017-1159-6>
295. Pika S., Liebal K., Tomasello M. Gestural communication in young gorillas (*Gorilla gorilla*): gestural repertoire, learning and use // *American Journal of Primatology*. 2003. Vol. 60, Issue 3. P. 95–111.

296. Pine K. J., Lufkin N., Messer D. More gestures than answers: children learning about balance // *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40, Issue 6. P. 1059–1067. doi: 10.1037/0012-1649.40.6.1059
297. Ping R., Goldin-Meadow S. Gesturing saves cognitive resources when talking about nonpresent objects // *Cognitive Science*. 2010. Vol. 34, Issue 4. P. 602–619. doi: 10.1111/j.1551-6709.2010.01102.x
298. Plooij F. X. How wild chimpanzee babies trigger the onset of mother–infant play – and what the mother makes of it. In Bullowa M. (ed.), *Before speech: the beginning of interpersonal communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 223–243.
299. Plooij F. X. Some basic traits of language in wild chimpanzees? In A. Lock (ed.), *Action, Gesture and Symbol: The Emergence of Language*. London: Academic Press, 1978. P. 111–131
300. Pollick A. S., de Waal F. Ape gestures and language evolution // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104, No. 19. P. 8184–8189.
301. Premack A. J., Premack D. Teaching language to an ape // *Scientific American*. 1972. Vol. 227, No. 4. P. 92–99.
302. *Primate Communication: A Multimodal Approach* / Liebal K. [et al]. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 304 p.
303. Production of and responses to unimodal and multimodal signals in wild chimpanzees, *Pan troglodytes schweinfurthii* / Wilke C. [et al.] // *Animal Behaviour*. 2017. Vol. 123. P. 305–316.
304. Producing gestures facilitates route learning / So W. C. [et al] // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9. P. 1–21. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0112543>
305. Ramachandran V.S. Mirror neurons and imitation learning as the driving force behind “the great leap forward” in human evolution // *Edge*. 2000. No. 69. URL: https://www.edge.org/3rd_culture/ramachandran/ramachandran_index.html (дата обращения: 07.08.21).

306. Rauscher F. H., Krauss R. M., Chen Y. Gesture, speech, and lexical access: The role of lexical movements in speech production // *Psychological Science*. 1996. Vol. 7, No. 4. P. 226–231.
307. Read D.W. Working Memory: A cognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution // *Evolutionary Psychology*. 2008. Vol. 6. Issue 4. P. 676–714.
308. Repetto C., Pedroli E., Macedonia M. Enrichment Effects of Gestures and Pictures on Abstract Words in a Second Language // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02136>
309. Rizzolatti G., Arbib M. A. Language within our grasp // *Trends in Neurosciences*. 1998. Vol. 21, Issue 5. P. 188–194.
310. Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V. Neurophysiological mechanisms underlying the understanding and imitation of action // *Nature Reviews Neuroscience*. 2001. Vol. 2. P. 661 – 670.
311. Roth W.M., Welzel-Breuer M. From activity to gestures and scientific language // *Journal of Research in Science Teaching*, 2001. Vol. 38, Issue 1. P. 103–136.
312. Rowe M. L., Goldin-Meadow S. Early gesture selectively predicts later language learning // *Developmental Science*. 2009. Vol. 12, Issue 1. P. 182–187. doi: 10.1111/j.1467-7687.2008. 00764.x
313. Saucier D. M., Elias L. J. Lateral and sex differences in manual gesture during conversation // *Laterality*. 2001. Vol. 6, Issue 3. P. 239–245.
314. Sex Differences in Wild Chimpanzee Behavior Emerge during Infancy / Lonsdorf E. V. [et al] // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9, Issue 6. P. 1–9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0099099>
315. Seyfarth R. M., Cheney D. L. Signalers and receivers in animal communication // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54. Issue 1. P. 145–173.

316. Seyfarth R. M., Cheney D. L. The origin of meaning in animal signals // *Animal Behaviour*. 2017. Vol. 124. P. 339–346. doi:10.1016/j.anbehav.2016.05.020
317. Symbolic gestures and spoken language are processed by a common neural system / Xu J. [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 106, No. 49. P. 20664–20669.
318. Schmitt J.C. Introduction and general bibliography // *History and Anthropology*. 1984. Vol. 1, Issue 1. P. 1–28.
319. Schmitt J.C. *Il gesto nel Medioevo*. Rome: Laterza, 1990. 414 p.
320. Schneider C., Call J., Liebal K. Onset and early use of gestural communication in non-human great apes // *American Journal of Primatology*. 2012. Vol. 74, Issue 2. P. 102–113.
321. Sievers C., Gruber, T. Reference in human and non-human primate communication: what does it take to refer? // *Animal Cognition*. 2016. Vol. 19. P. 759–768.
322. Singleton J. L., Newport E. L. When learners surpass their models: The acquisition of American Sign Language from inconsistent input // *Cognitive psychology*. 2004. Vol. 49. P. 370–407.
323. Spatial language use predicts spatial memory of children: Evidence from sign, speech, and speech-plus-gesture / Karadöller, D. Z [et al.]. In T. Fitch, C. Lamm, H. Leder, & K. Teßmar-Raible (eds.), *Proceedings of the 43rd Annual Conference of the Cognitive Science Society (CogSci 2021)*. Vienna: Cognitive Science Society, 2021. P. 672–678.
324. Stokoe W. C. *Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf* / *Studies in linguistics. Occasional papers*. Vol. 8. Buffalo, N. Y.: University of Buffalo, 1960. 78 p.
325. Tanner J. E., Byrne R. W. The development of spontaneous gestural communication in a group of zoo-living lowland gorillas. In T. Parker, R. W. Mitchell and H. L. Miles (eds.), *The Mentalities of Gorillas and Orangutans*.

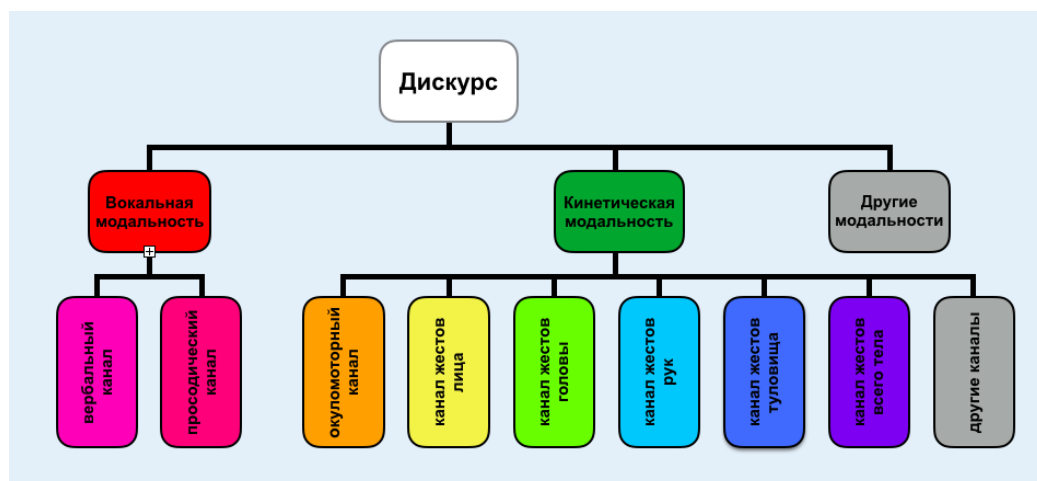
- Comparative Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 211–239.
326. The emergence of grammar: Systematic structure in a new language / Sandler W. [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2005. Vol. 102. No. 7. P. 2661–2665.
 327. The emergence of symbols: Cognition and Communication in Infancy / Bates E. [et al.]. New York: Academic Press. 1979. 387 p.
 328. The function of gesture in mental abacus computation / Brooks N. B. [et al.]. Paper presented at the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, Quebec City, Canada, 2014.
 329. The gestural communication of apes and monkeys // Call J., Tomasello M. (eds.). 1st Edition. London: Psychology Press Ltd. 256 p.
 330. The learning and use of gestural signals by young chimpanzees: a transgenerational study / Tomasello M. [et al.] // Primates. 1994. Vol. 35. P. 137–154.
 331. The natural order of events: How speakers of different languages represent events nonverbally / Goldin-Meadow S. [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2008. Vol. 105, Issue 27. P. 9163–9168.
 332. The origins of gestures and language: history, current advances and proposed theories / Prieur J. [et al.] // Biological Reviews. 2020. Vol. 95, Issue 3. P. 531–554.
 333. The production of gesture and speech by people with aphasia: influence of communicative constraints / de Beer C. [et al.] // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2019. Vol. 62, Issue 12. P. 4417–4432. doi: 10.1044/2019_JSLHR-L-19-0020
 334. Tomasello M. Cultural transmission in the tool use and communicatory signalling of chimpanzees. In Parker S.T., Gibson K. R. (eds.), Language' and intelligence in monkeys and apes: comparative developmental perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 274–311.

335. Tomasello M. *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. 394 p.
336. Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2020. Vol. 50, Issue 1. P. 2–19.
337. Tramacere A., Pievani T., Ferrari P. F. Mirror neurons in the tree of life: mosaic evolution, plasticity and exaptation of sensorimotor matching responses // *Biological Reviews*. 2017. Vol. 92, Issue 3. P. 1819–1841.
338. Vauclair J., Imbault J. Relationship between manual preferences for object manipulation and pointing gestures in infants and toddlers // *Developmental Science*. 2009. Vol. 12, Issue 6. P. 1060–1069.
339. Voegelin C. F. Sign language analysis: one level or two? // *International Journal of American Linguistics*. 24. 1958. P. 71—76.
340. Vernes S. C. What bats have to say about speech and language // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2017. Vol. 24. P. 111–117.
341. Wasserman E. A., Castro, L. How special is sameness for pigeons and people? // *Animal Cognition*. 2012. Vol. 15. P. 891–902.
342. Wasserman E. A., Young, M. E. Same-different discrimination: The keel and backbone of thought and reasoning // *Journal of Experimental Psychology: Animal Behavior Processes*. 2010. Vol. 36. P. 3–22.
343. Wernicke's area homologue in chimpanzees (*Pan troglodytes*) and its relation to the appearance of modern human language / Spocter M. A. [et al] // *Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences*. Vol. 277, Issue 1691. P. 2165–2174.
344. Zdrazilova L., Sidhu D. M., Pexman P. M. Communicating abstract meaning: concepts revealed in words and gestures // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2018. Vol. 373, Issue 1752. P. 1–10.

345. Zink K., Lieberman D. Impact of meat and Lower Palaeolithic food processing techniques on chewing in humans // Nature. 2016. Vol. 531. Issue 7595. P. 500–503.

Приложение

Приложение 1. Схема мультиканальной коммуникации, предложенная в рамках исследования русского мультиканального дискурса под руководством А.А. Кибрика³⁷⁵.

³⁷⁵ Веб-сайт: <https://www.multidiscourse.ru>

Приложение 2. Таблица «Доказательства наличия языковых компонентов в жестах и вокализации приматов»³⁷⁶.

Table 2. Evidence for language components in non-human gesture and vocalization

Cognitive feature	Gesture	Vocalization
Intentionality	+++	++
Reference	+	++
Iconicity	+++	?
Combinatoriality	—	++
Turn-taking	++	++
Neural control	Highly overlapping	
Ontogenetic plasticity	Similar	

³⁷⁶ Multimodal communication and language origins: integrating gestures and vocalizations / Fröhlich M. [et al.] // Biological reviews of the Cambridge Philosophical Society. 2019. V. 94, I. 5. P. 1809-1829.

Приложение 3. Таблица «Прогнозы относительно производства и репертуара жестов в соответствии с тремя основными позициями в отношении приобретения жестов»³⁷⁷.

Table 1 Predictions for gestural repertoires and production based on the three predominant perspectives on gestural acquisition

	Repertoire concordance within groups	Repertoire concordance between groups	Idiosyncratic gestures	Group-specific gestures
Phylogenetic Ritualization	High	High	Absent	Absent
Social Transmission	High	Low	Absent	Present
Ontogenetic Ritualization	Low	Low	Present	Absent

³⁷⁷ Pika S., Fröhlich M. Gestural acquisition in great apes ... P. 553.